ПРЕВРАТИМ СИБИРЬ В КРАЙ ВЫСОКОЙ КУЛЬТУРЫ

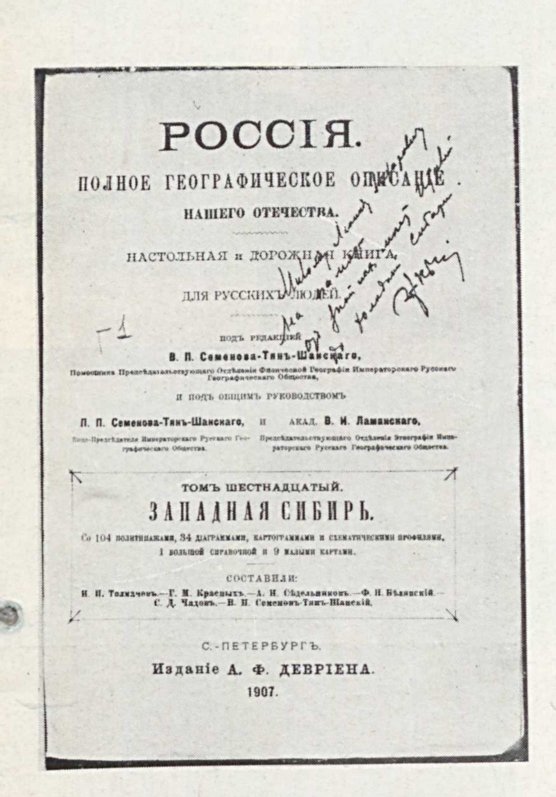
3 328
1985
Декоративное искусство СССР

Моя и твоя Сибирь

В. Распутин

читать: стр. 1, 12, 27, 44

РОССІЯ.
ПОЛНОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ
НАШЕГО ОТЕЧЕСТВА.
НАСТОЛЬНАЯ и ДОРОЖНАЯ КНИГА
ДЛЯ РУССКИХЪ ЛЮДЕЙ.
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
В. П. Семенова-Тянъ-Шанскаго,
Помощника Предсѣдательствующаго Отдѣленія Физической Географіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества,
И ПОДЪ ОБЩИМЪ РУКОВОДСТВОМЪ
П. П. Семенова-Тянъ-Шанскаго, Вице-Предсѣдателя Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, и акад. В. И. Ламанскаго, Предсѣдательствующаго Отдѣленія Этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.
ТОМЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.
ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ.
Со 104 политипажами, 34 діаграммами, картограммами и схематическими профилями, 1 большой справочной и 9 малыми картами.
СОСТАВИЛИ:
И. П. Толмачевъ.—Г. Н. Красныхъ.—А. Н. Сѣдельниковъ.—Ф. Н. Бѣлявскій.—С. Д. Чадовъ.—В. П. Семеновъ-Тянъ-Шанскій.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. ДЕВРІЕНА.
1907.

...Слово «Сибирь» так и не расшифровано, точное этимологическое значение его не найдено. Для человека постороннего, знающего о Сибири лишь понаслышке, это огромный, суровый и богатый край — весь как бы в космических размерах, включая и космическую выстуженность и неприютность. И в коренном сибиряке он видит скорее продукт загадочной природы, нежели такой же, как он сам, продукт загадочного человечества.

Мы привыкли к языку сравнений, но никакие сравнения ничего не скажут о Сибири. Мы можем сопоставлять лишь результаты освоения, дела рук человеческих, но не более. Нет ничего в мире, что можно было бы поставить в виде аналога рядом с Сибирью. Кажется, она могла бы существовать как самостоятельная планета, в ней есть все, что должно быть на такой планете во всех трех царствах природы — на земле, под землей и в небе. Ее собственную жизнь, столь разновидную и разнохарактерную, невозможно обозначить известными понятиями.
...В нашей природе все мощно и вольно, все отстоит от себе подобного в других местах. В Западной Сибири равнина — так это равнина, самая большая и самая ровная на планете, болота — так болота, которым и с самолета нет, кажется, ни конца и ни края. Восточносибирская тайга — это целый материк, терпящий, к слову сказать, и самые страшные бедствия в своей жизни от вырубок и пожаров. Реки — Обь, Енисей, Лена — могут соперничать лишь между собой. В озере Байкал пятая часть пресной воды на земном шаре. Нет, все здесь задумывалось и осуществлялось мерою щедрой и полной, точно с этой стороны, от Тихого океана, и начал всевышний сотворение земли и повел его широко, броско, не жалея материала, и только уж после, спохватившись, что его может не хватить, принялся выкраивать и мельчить.

...В сущности, опершись на Сибирь, да еще на некоторые, пока заповедные, районы, человечество могло бы начать новую жизнь. Так или иначе очень скоро, если оно собирается существовать дальше, ему придется решать главные проблемы: чем дышать, что пить и что есть, как, в каких целях использовать человеческий разум.
Земля как планета все более и более устанавливается на этих четырех китах, ни один из которых нельзя сейчас считать надежным. И если слово «Сибирь» в своем коренном смысле не означает спасение, оно могло бы стать синонимом спасения...

Давайте заглянем в глубь вопроса и попробуем понять место Сибири в своих ощущениях Родины, а быть может, даже всего мира, в ощущениях, так сказать, абстрактного плана, в восприятии части от целого — части своей судьбы и жизни, части пройденного человеком пути и части нашей уверенности в завтрашнем дне... почему, проведя здесь два-три года, а может быть, и год, человек всю жизнь потом гордится сибирским периодом? Ну, лестно, предположим, что выдержал испытания, закалил, как принято говорить, свой дух, прошел определенную профессиональную школу... Но разве это все? Гордятся и те, кто не выдержал, не закалил и не прошел, гордятся одним лишь быванием в Сибири, подобно тому, как прежде гордились и обольщались походом на Афон. Дело, значит, не только в материальных, профессиональных и физических приобретениях, а в чем-то еще, что не сразу может быть обозначено, но существует и входит немалой долей в понятие «сибирского притяжения». Есть вещи несопоставимые, необъяснимо существующие лишь в себе и развивающиеся по каким-то собственным законам. Есть они и в тех понятиях, которые говорят о Сибири, если не смотреть на нее только с хозяйственной точки зрения...

Сибирь имеет свойство не поражать, не удивлять сразу, а втягивать в себя медленно и словно бы нехотя, с выверенной расчетливостью, но, втянув, связывать накрепко. И все — человек заболевает Сибирью. После сибирской язвы, теперь, кажется, не существующей, это самая известная болезнь: всюду после этого края и долго человеку тесно, грустно и скорбно, всюду он истягивается мучительной и неопределенной недостаточностью самого себя, точно часть себя он навсегда оставил в Сибири.

*****

Сибирь, находясь на одном материке с Европой, отгороженная от него лишь Уральским Камнем, который вполне можно считать доступным, была тем не менее открыта для цивилизованного человечества почти на сто лет позднее, чем Америка.

Конечно, смутные слухи о Сибири бродили по миру издревле, и, конечно, русский человек, тот же неутомимый новгородец, и торговал, и промышлял в ее владениях, проникая туда и по суше, и по северным морям, но, считая это делом обычным, отчетов о своих самовольных проникновениях никому не давал, а опыт передавал сыновьям. Новгородцы знали Югру (так назывались северные земли к востоку от Урала) еще в XI столетии, а может, и раньше, впервые же слово «Сибирь» появилось в русских летописях в начале XV века в связи с кончиной хана Тохтамыша, который уже после Куликовской битвы в княжение Дмитрия Донского спалил Москву, но продержался у власти недолго и в результате междоусобных распрей был убит в «сибирской земле».

Из статей Валентина РАСПУТИНА:
Сибирь без романтики.— Сибирь, № 5, 1983. Иркутск. Восточно-Сибирское книжное издательство.
Моя и твоя Сибирь.— Восточно-Сибирская правда, 5 января, 1984

Продолжение на стр. 12

СТО ЛЕТ СО ДНЯ ОСНОВАНИЯ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. В.В. КУЙБЫШЕВА
1880 1980

гих новых городов. Здесь особенно ощутима бедность среды. Мы старались это учесть в архитектурных решениях; добавляли привычные городские элементы: башни, порталы, арки. На уплотнение, оживление среды рассчитана и художественная концепция. Нам хотелось просто с максимальной отдачей использовать средства, отведенные на благоустройство, «поднять» его до создания индивидуального облика места.
В городе появились постоянные жители, подросли дети. Теперь чаще видишь перед домами ухоженные участки. Сажают цветущий весной багульник, березки. Значит, многим уже небезразлично окружение. Им мы и адресовали нашу работу. Почему вообще художники и архитекторы из Москвы, Минска, Вильнюса, Алма-Аты, Киева проектируют благоустройство сибирского города? Город сам еще не в силах этим заниматься. Другие задачи: освоение магистрали, ввод жилой площади, строительство общественных зданий. Котельных, наконец. Масса сложностей, связанных с большой стройкой.
У большой стройки, знаете, — собственная логика».

С какими же проблемами столкнулись художники?
Вот уже десять лет в Тынде возводятся дома предпоследних московских серий. На стыке тайги и тундры возникает большой московский жилой район семидесятых годов со всеми его достоинствами и недостатками.
Для станции прежде всего нужна земля. Территории, занятые сортировочными горками, запасными путями, складами, для города потеряны навсегда. Их издавна называют «полосой отчуждения».
Город, зажатый между заболоченным берегом и таежной сопкой, имеет резкие перепады рельефа. Разница уровней двух соседних домов может достигать нескольких метров. Дома стоят на многометровой ледяной платформе вечной мерзлоты. Тонкий слой земли на поверхности летом превращается в грязь, зимой застывает. Две природы окружают Тынду: тайга на склонах сопки и тундра с маревыми болотами у реки. Обе предельно ранимы. Лес на сопке не выдерживает активного использования пригородной зоны, в низине с трудом приживается дерн, почти не растут деревья.
Не стоит сейчас говорить о подробностях художественных решений: подпорных стенках из льда, использовании цвета, превращении вокзала в культурный центр города, сохранении старого поселка...
Проект завершен. Макеты переданы в дар городу. Все ли предсказания сбудутся? Неизвестно. Но именно на вокзальной площади состоялся 27 октября 1984 года праздничный митинг, посвященный открытию магистрали. А в новом здании вокзала показывали проект для Тынды, восемь студийных макетов.
Работа художников с самого начала имела определенную практическую направленность. Они могли рассчитывать на ту сумму проектных умений, которую дали проекты для Калуги, Одессы, Красноярска, Тольятти, Новосибирска, вся двадцатилетняя практика студии. Но в отличие от этих работ, бывших скорее лишь благими пожеланиями, новая — создавалась вместе с Госстроем РСФСР, в сотрудничестве с главным архитектором города, городскими властями и в марте 1984 года была показана на совещании Госстроя. Речь заходит о том, чтобы сделать дизайнерский проект непременной частью архитектурно-градостроительной программы, ввести в практику новую стадию проектирования: создание художественного образа города. И если эта здравая мысль восторжествует, от пожеланий, сетований и диссертаций на те-

лось еще одной линией развития: крестьянское искусство европейской Руси, закрепившись на сибирской почве, органично влилось в народное многоголосье Сибири. Большой вклад в ее художественную культуру внесли затем ссыльные разных национальностей, начиная с декабристов, которые подолгу жили и работали здесь.
Обо всем этом нужно помнить сегодня, когда мы обсуждаем опорные точки культурного развития Сибири. В условиях интенсивнейшего освоения ее богатств, строительства крупных предприятий, нефтепромыслов, оросительных систем, гидростанций, хозяйственного освоения БАМа ни один археологический и художественный памятник не должен погибнуть; все они должны быть тщательнейшим образом изучены и сохранены. Важно, чтобы найденные коллекции пополняли музеи, чтобы были сохранены памятники зодчества и русского и коренного населения — все это имеет громадное значение для успешного осуществления нашей программы.
Выступая на юбилейном пленуме Союза писателей, товарищ К. У. Черненко подчеркнул чрезвычайную плодотворность «воспитания историей», необходимость связывать трудовое, патриотическое, эстетическое воспитание — с историческим. Сохраняя и пропагандируя памятники истории и культуры Сибири, мы создаем условия для введения их в широкий культурный оборот, для обогащения духовной жизни советского человека — современного и будущего.
Чрезвычайно важно в тех же целях заботиться об общем повышении качества краеведческой работы в Сибири. Мы часто говорим, что любовь к Родине начинается с любви к селу или городу, где ты родился и рос, что знание истории родного края в немалой степени способствует возникновению гражданского чувства. Но как это делать на практике? Известно, что в этом деле большую роль играют походы по местам боевой и трудовой славы, выявление и сохранение реликвий, принадлежавших участникам революционного движения, Гражданской войны, трудовых свершений первых пятилеток, Великой Отечественной войны. Все это способствует прикосновению к нашей богатейшей «большой» истории, помогает воспитываться на ней. Причем в краеведческой работе важно обращать внимание не только на памятники истории и культуры, но и на памятники природы, прививая заботу о ее сохранности и обогащении. А это значит, что должен быть создан единый комплекс культурно-исторического и экологическо-

Город Тында. 1975—1985

Виды города Тынды и фрагменты проекта

Тында проектировалась в годы увлечения громадными площадями. На такой площади в южном городе страдают от солнца, в северном — от ветра. Террасами, киосками, подпорными стенками она делится на небольшие зоны — театральные подмостки для разнообразнейших мизансцен городской жизни.

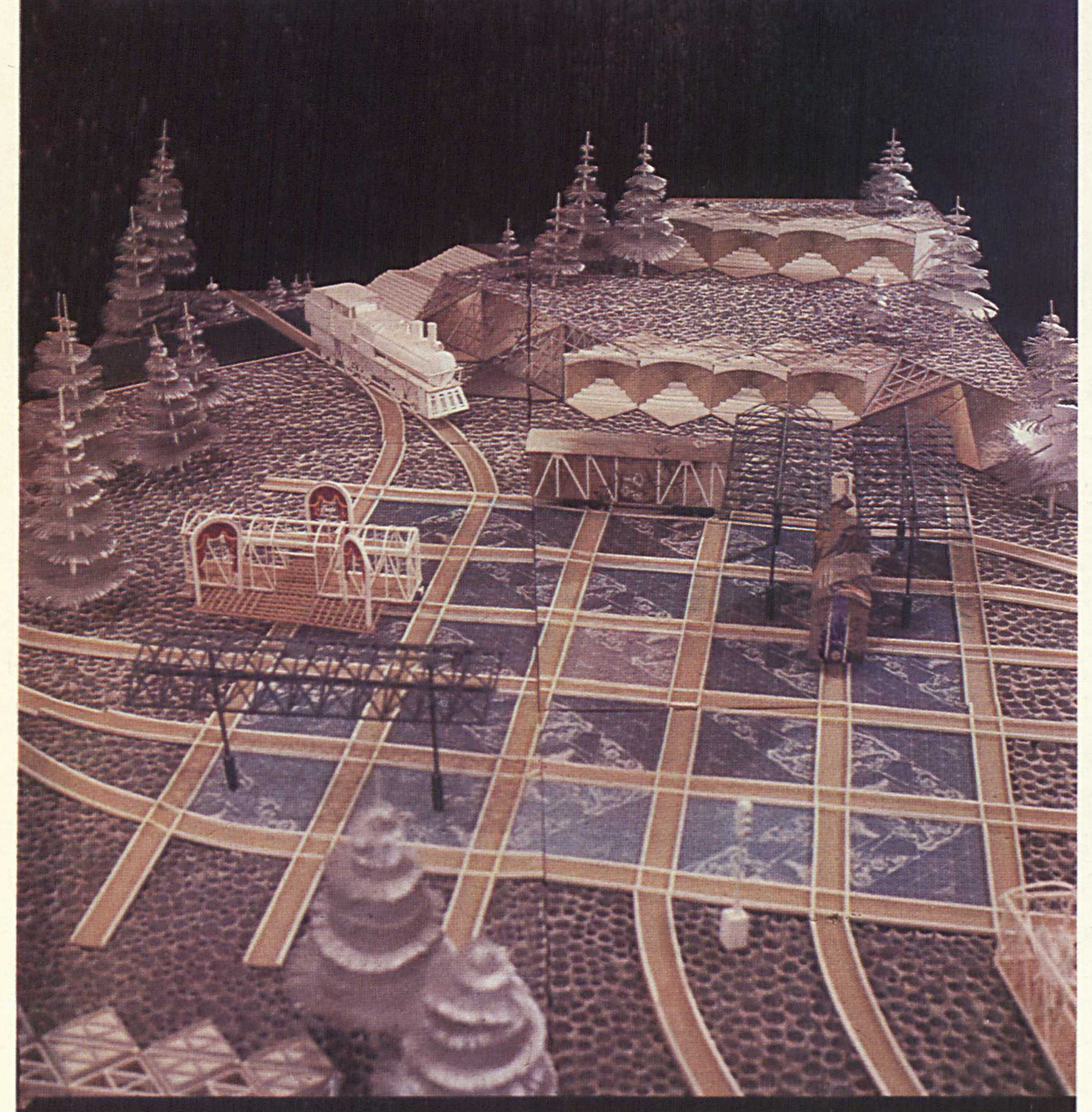
Цветовое решение. На юг (в сторону вокзала) смотрят синие фасады, на север (в сторону сопки) — оранжево-желтые. Появляется некая пространственная интрига, два взаимно дополняющих цвета создают праздничный цветовой контраст на мягком фоне снега или мха.

Вокзал — среди самых заметных и необычных зданий города. Художники придают ему весьма неожиданные функции: он превращается в культурный центр города, приобретает музей, зал собраний и концертов, парадную площадь (конечную точку праздничных шествий). Удивительное возрождение образа **Воксала,** перешедшего с гравюр Остроумовой на макеты молодых художников.

В зоне «полосы отчуждения» устраивается парк. На насыпном грунте будут проложены искусно сплетенные пути. В качестве выставочных павильонов используются вагоны, переоборудованные, раскрашенные. Маленький маневровый паровоз будет переставлять их в соответствии с очередным сценарием выходного дня.

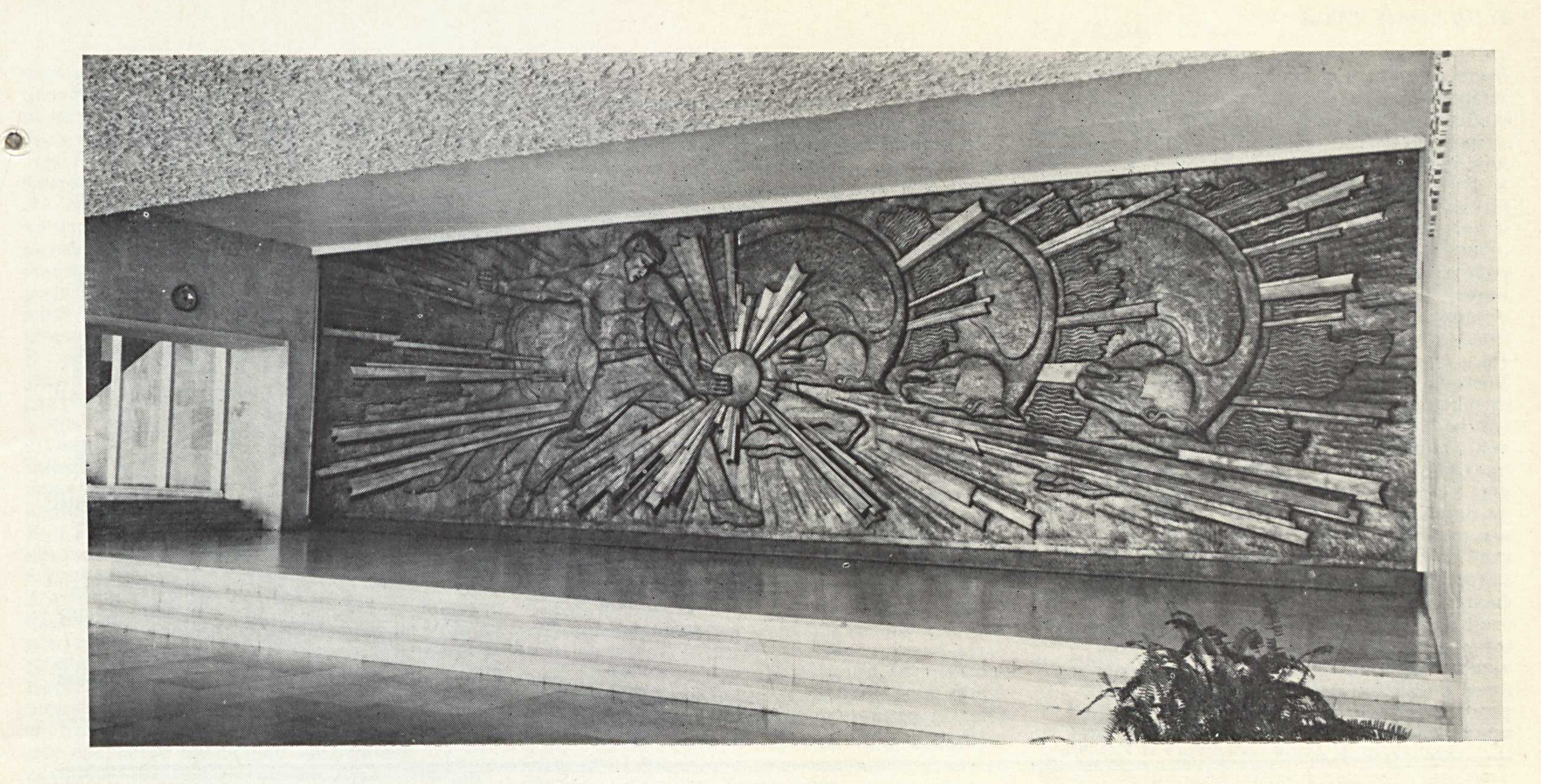

Авторы настаивают на сохранении поселка Тындинского, стоявшего на Амуро-Якутском тракте. Много лет назад сюда привезли землю, и эта плодородная земля на ледяном блюде — тоже памятник освоения Сибири.

На сопке создается серия микропейзажей «в рамке». Движение организовано по приподнятым над землей пешеходным тропам. Горожанина надо научить пониманию природы, показать красоту травы и камней, изогнутых ветром деревьев, мха на скале.

Вокруг сопки проектируется канал, защищающий город от талых вод. Через город, по специальным желобам, их отведут в реку — праздник маленьких ручейков и водопадов, бегущих в открытых лотках по улицам, возвещающих о приходе весны.

Авторы проекта:
художники А. Адельшибова, Я. Волчонок, О. Ворошинина, Г. Глушич, Н. Глушич, И. Гоняев, С. Кисляченко, Л. Коваленко, С. Лапша, С. Малышев, С. Московченко, Н. Недялков, В. Немешев, И. Овчаренко, А. Плашкин, Е. Постоногов, С. Рейдер, О. Синицын, А. Тер-Абромян, В. Туренко, Л. Фейнбург, Ю. Чесна, И. Чупов, Л. Шелидзе, И. Шералиев.
Художественный руководитель Е. Розенблюм, консультант-архитектор В. Гудков, консультант-художник В. Егоров, научный консультант В. Глазычев.

Рельеф
в здании
Красноярской ГЭС

Ю. Ишханов
Декоративный
рельеф «Пролетарская
революция» на здании
кинотеатра
Красноярск

го воспитания, причем нужно, чтобы оно было единым и начиналось с первых классов школы. Давно настала пора объединить в этом процессе усилия управлений культуры краев, областей и районов, отделов народного образования, местных отделений Всероссийского общества по охране памятников культуры и истории. Как отметил в своем выступлении К. У. Черненко, в стороне от этой работы не должны остаться и творческие союзы. К сожалению, пока названные организации действуют разобщенно, что мешает координации этой важной работы и снижает ее эффективность.
Хочется сказать и о таком важном направлении культурно-творческой работы, как развитие нашей обрядности — трудовой, гражданской, семейной. Усилия, предпринимаемые в этом направлении, еще не дали должных результатов. И одна из причин, видимо, состоит в том, что все еще мало используется тот богатейший материал по обрядовой культуре, который собран учеными — этнографами, фольклористами. А с другой стороны, к этой работе почти не привлекаются серьезные художники, музыканты и драматурги. Уже созданные музеи и заповедники могли бы стать своего рода экспериментальными площадками для поиска привлекательных и правдоподобных обрядовых действ. Это серьезная творческая задача.
Науке и искусству сегодня придается огромное значение в деле ускоренного социально-экономического преобразования Сибири,— а это значит, что в союзе труда и культуры, к дальнейшему развитию которого призывает нас партия, общественной активности художников, архитекторов, дизайнеров принадлежит далеко не последнее место.

Лидия Русакова

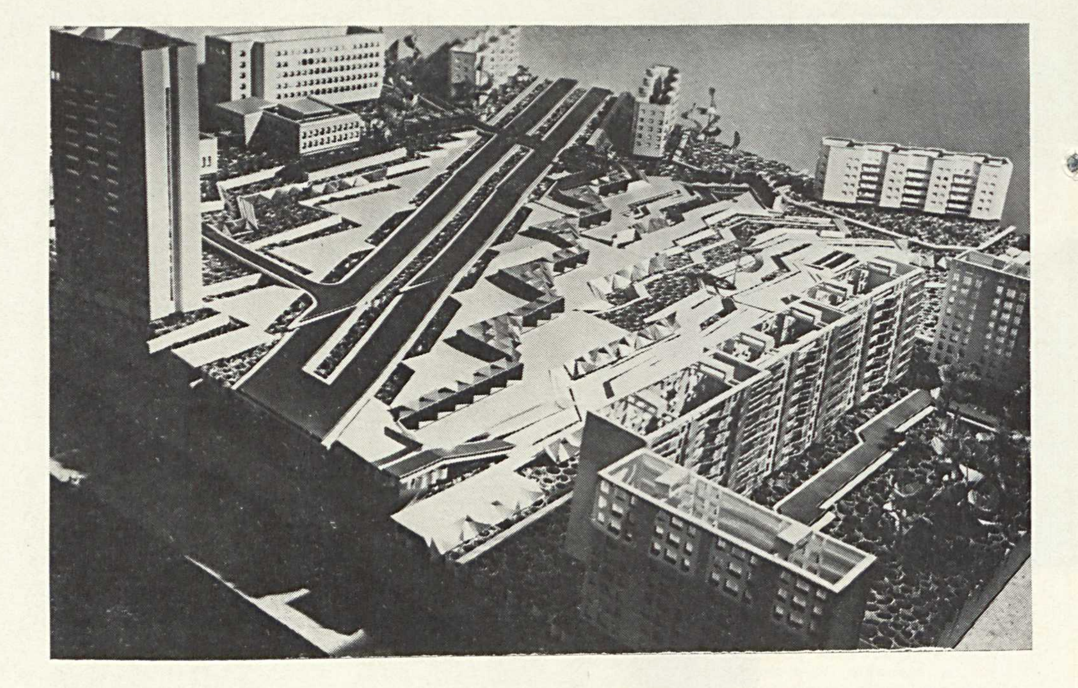
кандидат исторических наук, руководитель этнографической группы Отдела археологии и этнографии Института истории, филологии и философии СО АН СССР

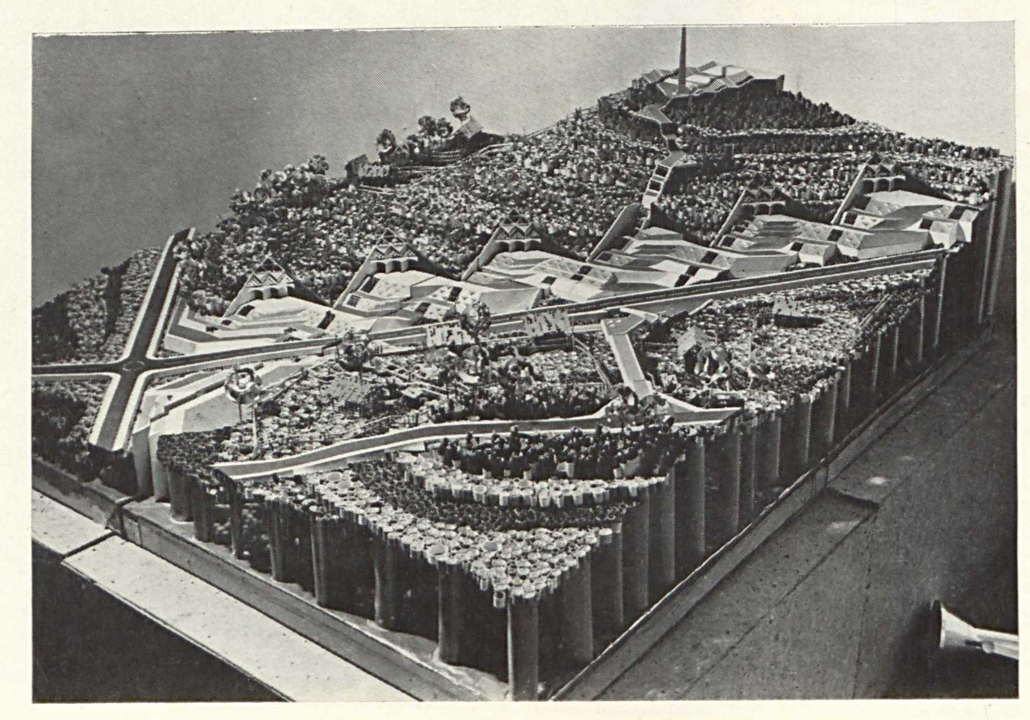
На территории Сибири в течение нескольких столетий существовало традиционное русское искусство. Пожалуй, и сегодня мы можем сказать: им все еще полна наша жизнь; его образы привлекают и волнуют нас; невозможно представить себе будущее без общения с ценностями, сохраненными для нас народным творчеством. Да, во многом оно ушло из быта, поселившись в музеях и заповедниках, став предметом занятий ученых и музейных работников, любителей старины и немногочисленных художников-педагогов. Но утратили ли от этого произведения народного искусства актуальную художественную ценность? Не правильнее ли будет сказать, что ценности эти сегодня выявились как непреходящие, что изменилась сегодня лишь форма их культурного бытования?
Жизнь в сибирских «глубинках», в отдалении от исторических центров и протекавших там культурных процессов позволила удержать в неприкосновенности многие древние элементы русской (и даже шире — славянской) культуры. Так, покрой различных видов одежды, технические приемы ее шитья и украшения восходят не только к домонгольской Руси, но и к более отдаленным временам. То же самое можно сказать и об искусстве орнаментации, которое в Сибири ярче всего проявилось в обрядовых полотенцах. В узорах этих полотенец обнаруживаются древнейшие орнаментальные образы и композиции, известные в археологическом материале со времен неолита.
Задумываясь над судьбой традиционного русского искусства в Сибири, поражаешься его удивительной жизнестойкости, способности выживать и развиваться в новых, более суровых природных условиях и в иной этнической среде. Сохранение его наиболее архаичных пластов, глубинного духовного опыта народа, воз-

---

му «своеобразия» можно переходить к первым, пусть несовершенным и незавершенным, опытам. Таким как этот, например.
«Советская культура» отметила в редакционной статье, что «опыт Центральной экспериментальной студии Союза художников СССР по созданию художественных концепций ряда городов, в частности Тынды, говорит о больших творческих резервах в этой области»[2]. Столь активная реакция на экспериментальный проект показательна. И заставляет задуматься о роли художника в современном градостроительстве.
Художественный образ города — далекая окраина действующих архитектурных доктрин. Как и на городских окраинах, магистральные, привычные, всем очевидные направления мешаются здесь с путаницей профессиональных закоулков.
Градостроительные проекты всегда подразумевают человека. Он незримо присутствует в пространствах нового района на двадцать тысяч жителей, в проекте поликлиники на 750 посещений, детского сада на 600 мест и иных «учреждений обслуживания», которые — согласно нормам плотности, инсоляции, доступности и прочего — следует разместить на участке определенного размера.
Перед нормой-законом равны все. Архитектор обязан дать каждому столько-то метров жилой площади в отдельной квартире, большой квадрат, усаженный зеленью, большой куб, наполненный воздухом, полметра беговой дорожки на стадионе, треть места в парикмахерской и так далее. Необычайно сложная задача, и едва ли скажут, что архитектор не стремится ее решить со всем профессией допускаемым изяществом.
Градостроитель создает среду для обитания миллионов, обеспечивает их кровом, работой, удобным транспортом. Деятельность его исполнена добра. Подобно верховному существу, он творит ландшафт и климат, раскидывает тут — искусственные обитаемые горы и холмы, там — сады и парки, пропускает между ними искусственные транспортные реки, предоставив людям самим устраивать здесь свою жизнь. Во всем, что касается «души города», ему приходится полагаться на «ансамбли». Своеобразие места обеспечивается лишь трассировкой уличной сети, рисуемой, по давней шутке, «для ангелов», да расстановкой общественных

Проект благоустройства Тынды
Фрагменты.
ЦЭС СХ СССР

Круглый стол

можно, явилось не только результатом относительной изоляции, в которой оказались русские переселенцы, но и своего рода приспособительной реакцией, ответом творчеством на суровый «сибирский вызов».

Но именно на этом фоне видно, насколько народное, крестьянское творчество оптимистично. В нем все радостно, торжественно, празднично. Ни суровые природные условия, ни тяжелый крестьянский труд не смогли исказить его мажорного строя. Разве это не чудо?

В прошлом веке некоторые публицисты, увлеченные пафосом общественно-литературной полемики, настойчиво твердили о мрачной, унылой жизни русского крестьянина. Видимо, они не знали крестьянского искусства. Оно и сейчас поражает красочностью, свежестью переживания, богатством жизненных энергий. Как важно помнить об этом, стараясь проникнуть в истоки его жизненности, а следовательно, в традицию!

А если задуматься об образе человека, «записанном» в произведениях народного искусства? Человек предстает здесь в удивительной слитности с природой. Крестьянин умел больше и лучше нас видеть вокруг себя, тоньше чувствовал состояние природной среды. Традиционное искусство предельно экологично.

Сейчас, говоря об экологии, следовало бы чаще вспоминать, что именно в традиционных культурах уважительное отношение к природе как к равноправному партнеру по жизни было нормой. Единение с природой вовсе не означало бессознательного растворения: внутренний настрой народного искусства на созвучие, соцветие всегда строился на близости, нежности к природе, сродном внимании. Додумывая до конца цели природоохранительных забот, мы вновь возвращаемся к опыту и мудрости народного искусства.

Иногда исследователям и энтузиастам-любителям народного творчества приходится слышать упреки в его идеализации. Переспрашиваешь, что имеется в виду — приукрашивание, преувеличение его значения? Скептикам можно ответить — народное творчество не нуждается в этом, а в научном исследовании подобные приемы недопустимы. И все же художественное воссоздание, да и самая добросовестная научная реконструкция, конечно же, основаны на приятии ценностей изучаемой культуры.

Недавно на фестивале в Новосибирском Академгородке фольклорные ансамбли из разных городов исполняли старинные русские песни, воссоздавали на сцене хороводы и народные игры. А фольклор-

---

зданий, мода на которые до удивления стандартна. И в совсем новом сибирском городе, откуда до ближайшего исторического центра дни пути, все претензии к современной массовой архитектуре (вполне обоснованные, одновременно весьма обидные и всегда почти безадресные) обостряются во много раз.

Не стоит думать, что проектировщики этого не понимают и не переживают. «Строить города не для площадей и ансамблей, магистралей или автомобилей, а для людей» надеялся А. К. Буров[3]. Но архитектор, занятый выпуском бесчисленных «листов», не в силах так пристально вглядываться в ситуацию. И художники-оформители весьма своевременно поняли, что градоустроительные сложности сегодняшними архитектурными средствами не преодолимы. На стороне архитекторов остались профессиональная четкость критериев и трезвая оценка экономических возможностей, обеспеченная всей многоступенчатой системой выдвижения и утверждения проекта. Дизайнеры смогли этому противопоставить подробность и изобретательность проработки, артистизм подачи, а главное — удивительную очевидность и наглядность своих предложений. В отличие от сухих градостроительных схем их макеты были так зазывны и интересны, так откровенно рассчитывались на зрителя, непрофессионала, потенциального заказчика...

Уже замечено, что дизайнерский и градостроительный проекты в известном смысле оппозиционны[4]. Действительно, художник чаще всего выступал с контрпредложениями. Потому что мог себе позволить роскошь взгляда извне. Он сталкивался с первыми результатами воплощения архитектурной программы, и его работы становились критическим и довольно пристрастным анализом реализуемого проекта. В качестве проектной задачи он спешил сформулировать претензии жителей к своему окружению — за них и раньше их. Противоречия были вызваны обращением к разным масштабам и разным реальностям. Архитектор сочинял первую абстракцию, художник — вторую, но адресовались: один — к зданиям, другой — к людям.

Каждый лелеял собственное понимание идеального города. Тут кончается монополия архитекторов. Их идеалы, их утопии: Лучезарный город, город под куполом, город над заливом — в своей нереальности всегда реальны. Они утопии лишь до поры и удивительно быстро могут появиться во плоти. И тогда город будущего, за несколько лет возникающий среди бразильской пустыни, вдруг оказывается городом прошлого.

Идеальные города — города людей. Сколь мало внимания уделяли Мор, Кампанелла, Бэкон архитектуре, сколь много — нравам. Еще Фукидид уверял: «Государство — это люди, а не стены и корабли»[5]. Государством тогда был — город.

Обращение к человеку — старинная задача художника. Обращаясь к человеку, он обращается к городу. «Город есть только отражение внутренней жизни его обитателей, их верований, идей, их характера, склонностей и предрассудков»[6]. Мы сталкиваемся с парадоксальной ситуацией: проще построить город, чем его обжить. Не потому ли, что не можем, а иногда и не хотим проникнуть в тайны характеров и склонностей, как советовал известный русский градостроитель В. Н. Семенов? А если эта внутренняя жизнь города еще не сложилась, значит она сама может стать предметом проектирования.

Художники начали с сотворения городской истории. В середине 70-х Кевин Линч, говоря о проектировании организованного во времени окружения, напоминал, что «накопление знаков прошедших событий» способно придать «очевидность глубине исторического времени», что необходимо не только «обнаружить и выразить прошлое, но и записывать в память места текущую историю»[7].

В проектах Сенежской студии городское пространство буквально пропитывается музейностью. Знаки событий рассеяны повсюду, определены места, где они должны появляться впредь (проектируя историю, приходится заглядывать в будущее). Особое положение у городов, еще пребывающих в младенчестве. В Тынде (по выражению авторов проекта, здесь «культурный слой так же тонок, как и почвенный»[8]) любое, даже искусственное увеличение глубины времени оправдано. Поколение первостроителей должно успеть выработать городские мифы, чтобы передать их следующим поколениям. Не так важна истинная древность, ценность, важно отношение города. Афиняне, по преданию, в течение многих веков хранили корабль Тезея, и когда ветшала какая-либо часть городской реликвии, ее заменяли новой, постепенно создавая новый корабль с прежним именем и прежним мифом.

Впрочем, как ни бедны оказались исходные данные, задача оформителей не сводилась к созданию суррогата истории. Дело художников — показать городу всю прелесть пространственного переживания времени. А там — генеральный план городской истории будет скорректирован, если, конечно, жители этого захотят. Даже открытое неприятие его лучше равнодушия.

«Прошлое следует выбирать и менять, его следует творить в настоящем, чтобы облегчить сооружение будущего»[9]. Кому адресованы эти слова К. Линча? Архитектору? Но система обыденных городских отношений не может быть использована архитектором при создании новых городов. Привычные последствия его самоотверженных (никакой иронии!) усилий — упрощение, сухость и рационализация городского сознания. Тогда-то и является на сцену дизайн среды.

Дизайну среды необходима среда. Это искусство, возникающее на уже готовых площадях. Это карнавальные шествия вдоль уже проложенных улиц, это ярмарочное веселье на уже определившихся городских пустырях — словом, все элементы массовой (не значит низкой) городской культуры, на исчезновение которой с конца прошлого века сетуют в одних примерно выражениях: «произведения искусства все более и более перекочевывают с улиц и площадей в клетки художественных музеев <...> исчезает живописная суета народных празднеств <...> театральных представлений на открытой площади...»[10]. И Линч, архитектор по призванию и образованию, ученик Ф. Л. Райта, творить жизнь, наполняющую архитектурные объемы и пространства, призывает «дизайнера событий», знатока «ритуалов», умеющего «пробуждать и усиливать спонтанность окружения». Дизайн среды лишь выявляет то, что «как возможность зависит от общих устремлении и общей истории»[11].

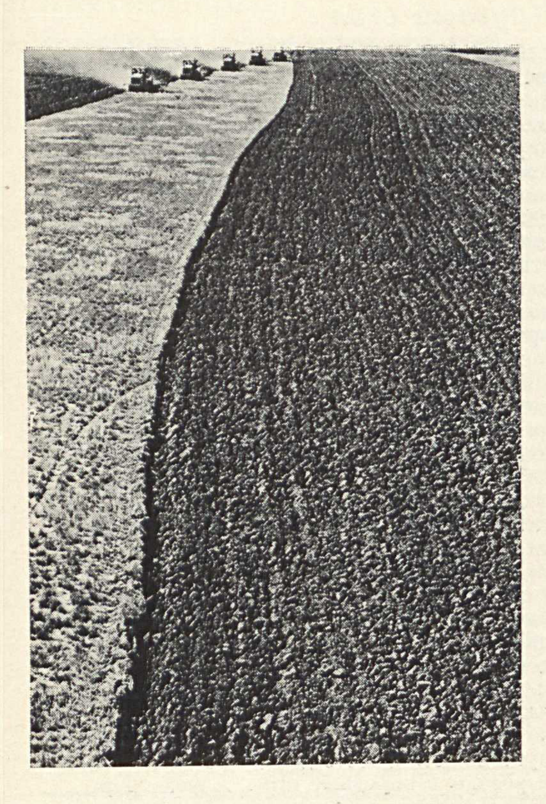
Существующая оппозиционность проектных подходов заставляет многих избирать одну лишь точку зрения. И несмотря на все остроумие проекты часто остаются высказыванием в пустоту. Ведь в «серьезном» градостроительстве дизайнерские эксперименты далеко не всегда принимают к сведению.

Трудно сказать, что же все-таки предлагают сейчас оформители — решение проблемы или только иллюзию решения. Дизайн среды 80-х, так же как и дизайн среды 60-х, не всесилен. Но как бы то ни было, игнорировать его далее невозможно. Хотя бы потому, что своими проектами оформители учат заказчиков, чего требовать от архитектурного решения. Какой может стать городская среда.

Пока проектирование все еще близко к игре, но как часто игра становилась началом обряда, обычая, реального и серьезного действия. Художников не устраивает даже беспредельность классической дизайнерской задачи: формирование предметной среды. Они претендуют на создание среды духовной.

Наивность? Благородство?

[1] *Советская культура, 1984, № 135, 10 ноября.*
[2] *Советская культура, 1984, № 104, 30 августа.*
[3] *Буров А. К. Письма. Дневники. Беседы с аспирантами. М., 1984, с. 15.*
[4] *Глазычев В. Л. Социально-экологическая интерпретация городской среды. М., 1984, с. 115.*
[5] *Цит. по кн.: Античная Греция. Проблемы развития полиса. Т. I. Становление и развитие полиса. М., 1983, с. 11.*
[6] *Семенов Вл. Благоустройство городов. М., 1912, с. 64.*
[7] *Линч К. Образ города. М., 1982, с. 203, 311.*
[8] *Розенблюм Е., Гудков В. Тында: художественно-проектная концепция.— Архитектура СССР, 1984, № 4, с. 55.*
[9] *Линч. К. Указ. соч., с. 163.*
[10] *Камилло Зитте. Городское строительство с точки зрения его художественных принципов. М., 1925, с. 131, 132.*
[11] *Линч К. Указ. соч., с. 178, 179.*

- *В XVII столетии через Иркутск ехали первые наши посольства в Китай: сибирского приказа переводчик Николай Сапфарий, Елизарий Избрант, Савва Рагузинский. На протяжении более полутора столетий через Иркутск шла вся российская торговля с Японией, Америкой, Китаем.*

- *В 1725 году в Иркутске была открыта монгольская и китайская школа.*

- *В 1790 году при главном народном училище организованы классы монгольского, китайского и маньджурского языка.*

- *Газета «Сибиръ» за 1886 год сообщила, что в Иркутской городской библиотеке в то время насчитывалось 155 наименований книг на русском, 17 на польском, 5 на немецком и по одному на еврейском и латышском языках.*

- *Здесь в 1728 году появилась славянско-русская школа, в 1754 году при Елизавете Петровне открыта была школа навигации и геодезии, в 1780 — первое в Сибири среднеобразовательное заведение: духовная семинария и градская школа, а в 1807 — губернская гимназия. Она более полувека оставалась единственной на всю Сибирь.*

- *Первые в Сибири учебные заведения для женщин появились в Иркутске.*

- *В 1805 году в городе была открыта первая в Восточной Сибири аптека.*

- *В 1814 году открылась иркутская типография.*

- *Иркутск сразу со дня своего возникновения служил центром исследования и освоения восточной части страны. Через него шли великие научные экспедиции XVIII и XIX веков, здесь побывали Беринг, Гмелин, Паллас, Георги, автор книги «Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей», Лаксман, Потанин, Черский, Чекановский, Ядринцев, открывший нахождение столицы Чингис-хана, древнего Каракорума.*

Что до слухов о Сибири, время от времени возникавших в древности в Западной Европе, — столько в них было небылиц и сказок, что одних они отпугивали, у других же и тогда вызывали усмешку <...>
У П. А. Вяземского, литератора и друга Пушкина, о мнениях такого рода есть любопытные слова: «Хотите, чтобы умный человек, немец или француз, сморозил глупость, — заставьте его высказать суждение о России. Это предмет, который его опьяняет и сразу помрачает его мыслительные способности». Тем более эти слова применимы к Сибири.
И в Европу не надо ходить: Сибирь долго «опьяняла» и «помрачала» своего же брата, соотечественника, который во взглядах на нее нес (и несет еще иной раз) такую ахинею и околесицу, что остается теперь пожалеть, что не нашлось никого, кто собрал бы их забавы ради в одну книгу. Однако ахинея эта не всегда оставалась безобидной и выражалась в указах, которые следовало выполнять.

*

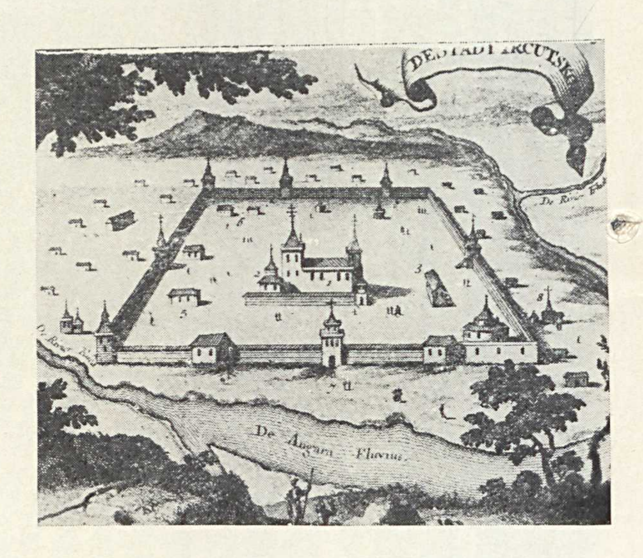
Сибири суждено было войти в плоть и кровь России — так оно и произошло. Ермак острым и быстрым клином, как ножом, вонзившись в ханскую Сибирь, лишил ее прежней власти, казаки-первопроходцы, наскоро пройдя Сибирь насквозь, простежив ее боевыми острогами, словно бы подшили ее к России...
Но русской и оседлой Сибирь сделали не воины, не служивые, промысловые и торговые люди, а хлеборобы...
Этот тихий и незаметный, как прежде говорили, угодный богу труд сделал решающее дело. В конце концов Сибирь покорилась тому, кто ее накормил. Уже через сто лет после Ермака она стала обходиться собственным хлебом, а еще через сто лет — не знала, что с ним делать <...> Он, крестьянин, и прирастил окончательно Сибирь к России, сохой завершив огромное по своему размаху и по своим последствиям предприятие, начатое Ермаком с помощью оружия. И надо признать: Сибирь досталась России легче, чем можно было предполагать. Досталась как великая удача, как небывалый, по слову сибиряка, фарт.
У нас не принято ставить памятники отличившимся городам. А было бы справедливо где-нибудь на просторах Сибири, предположим, на той же Лене, где к середине XVII века действовали самые деятельные «землесведыватели», высказать и подтвердить благодарную память сибиряков Великому Устюгу, городу теперь захиревшему, выпускающему водку и гармоники. А в то время Великий Устюг, когда-то бросавший вызов самому Великому Новгороду, еще гремел, и величие свое он подтвердил в именах Семена Дежнева, Ерофея Хабарова, Василия Пояркова, Владимира Атласова, Василия Бугра, Парфена Ходырева и многих, многих других, добывших себе по сибирским рекам, морям и волокам мужественную славу. Все они из Великого Устюга. Это не только удивления достойно, но кажется невероятным: что за оказия! как их там, в колыбели мореходов и открывателей, наставляли, чем укрепляли дух и кость?! Тут бы для гордости в веках хватило одного Семена Дежнева, открывшего Берингов пролив...
Кстати припомнить еще, что дважды в течение десятилетия (в 1630 и 1637 годах) Великий Устюг вместе с соседями — Тотьмой и Сольвычегодском — снаряжал в далекую Сибирь большие отряды девиц в «жонки» русским служивым людям. Как не считать сибирякам этот город своим родным, как не поклониться ему издалека кровным поклоном! Да и всей русской северной сторонушке, где Новгород, Вологда, Архангельск и Вятка, следует поклониться: оттуда, вслед за казаками, пришли пашенные и мастеровые люди, оттуда началось первоначальное заселение Сибири.
Русская Сибирь с них и началась, они и дали основание сибирскому характеру, о котором спорят до сих пор: чего в нем больше — человеческого или природного, благовоспитанного или стихийно приобретенного? Больше всего в нем, пожалуй, взятой в собственность личности.
Личность — это множественность в единстве, увеличение и подчинение своих возможностей заглавной, всеопределяющей цели. Без цели личности не существует.

*

...Сибиряк с самого начала был замешан на личностных качествах. Сибирь заселяли люди отчаянные — те, у кого были причины искать пристанища в далекой, неуютной земле, кто надеялся жить здесь среди воли и справедливости, которых недоставало ему на прежней родине, кто во имя праведности обновленного коллективного закона сбивался в общины и расчинал деревни, не замусоренные попервости пустолюдием, и кто, полагаясь только на себя, в одиночестве уходил в глухие углы. Во всех случаях это требовало недюжинного духа. Народная, стихийная вольница, осевшая и продолжавшая оседать в Сибири, была затем поддержана и частью облагорожена, а частью усугублена и подпорчена массовой ссылкой, так что, говоря о личности сибиряка, не обязательно иметь в виду лучшие ее выражения. Личность может быть и корявой. Для того чтобы она правильно развивалась, необходим был хоть маломальски сносный общественный климат, необходимо доверие к общественному устройству, которым Сибирь похвалиться не могла...
Надежды на обетованный край пришлось оставить, сибиряк поневоле

Продолжение на стр. 27

Карта Иркутска XVII века

Город Иркутск
Из книги Н. Витсена

■ *В Иркутске работали замечательные ученые: историк Щапов, экономист Ядринцев (его, кстати, за излишний сибирский патриотизм высылали в Петербург), филолог Азадовский.*

■ *В советское время Иркутск продолжает притягивать ярких людей: писателей В. Распутина и М. Сергеева, драматурга А. Вампилова знает вся страна.*

ный ансамбль Барнаульского музыкального училища познакомил зрителей с песнями, исполнявшимися на разных этапах свадебного ритуала — вплоть до причитаний невесты. Зрители сидели как завороженные. Пожилые люди вспоминали, казалось бы, совсем забытые ими песни и подпевали. Юноши и девушки, подростки и даже маленькие дети охотно выходили на сцену, водили хороводы, участвовали в играх. Все было естественно, словно все они вышли из деревенской среды, хотя многие из них еще в деревне не бывали. Эта естественность — свидетельство художественной достоверности, а значит, и жизненности древнего искусства.

На этом же фестивале мы показывали коллекции одежды, собранные в сибирских селах сотрудниками нашего института, сопровождая демонстрацию рассказами о материалах, из которых она сшита, о поверьях, связанных с отдельными ее компонентами, об обрядах и ритуалах, в которых она играла важную роль. Интерес к этой «наглядной истории» огромен. Он показывает, что кроме собирания, хранения и изучения традиционного народного искусства нужна его пропаганда — как можно более широкая и разнообразная.

Евгений Маточкин
искусствовед (Новосибирск)

Это верно: в суровых, прямо-таки экстремальных природных условиях Сибири, как нигде, очевидна способность искусства помогать выживанию народа. Видимо, таков закон: сохранять и развивать художественные ценности — значит поддерживать высокий уровень жизнеспособности. Проникновение в быт машин и средств коммуникации не отменяет, а лишь заостряет эту потребность. Ведь помимо украшения предметов быта, художественной организации жизненной среды искусство связано с культурной памятью народа, с его этническим самосознанием и благодаря этому имеет прямое жизнеохранительное значение.

Здесь уже говорили, что искусство Сибири отличает необыкновенная глубина исторической памяти: оно издавна развивает определенный круг традиционных сюжетов и символов. Интересно, что и сегодня, в новых культурных условиях эти символы продолжают жить, наполняясь новым смыслом, аккумулируя жизненную энергию. Так, на Алтае еще со времен скифов в долинах и на перевалах устанавливались каменные изваяния, олицетворявшие пра-предка рода, его охранителя, причем воспринимались они композиционно в единстве с ландшафтом, с той средой, которая питает людей и очеловечивается ими. Затем этот образ воскрешается у древних тюрков, сохранивших его художественный и экологический смысл.

И вот мы обнаруживаем (это открытия недавних экспедиций), что на Алтае, в тех местах, где сохранился традиционный труд чабанов, устанавливаются почти такие же изваяния. Правда, осмысление их изменилось. Раньше они использовались в культовых, мистериальных целях — теперь чабаны их устанавливают в память о героях войны или труда, но функция культурной памяти и этнического самосознания осталась все той же: это по-прежнему образ единства человека и природы, символ гордости народа, сохранившего свою идентичность на протяжении веков и верящего в светлое будущее.

Сибирская изобразительная традиция проявляется не только в народном, но и в профессиональном искусстве. Еще в начале века в «алтайских пейзажах» Г. Гуркина зритель увидел поэтические народные образы, почувствовал присутствие местной художественной традиции. Это было открытием ее новой жизни. С тех пор сибирское искусство дало множество примеров жизнестойкости традиции, вос-

Иркутск. Прошлое и настоящее

Андрей Боков,
Елена Егорьева

В будущем году Иркутску исполнится триста лет. Как все старые города в Сибири, он начался с острога, который в 1686 году получил статус города. Вокруг острога теснились, умножаясь постепенно, посадские дома. Сохранилась гравюра Г. Миллера, рисующая Иркутск 30-х годов XVIII века: среди массы деревянных домов под двускатными крышами возвышаются рубленые деревянные церкви. Город торгует, растет, появляются первые каменные строения, однако застройка складывается хаотично и бессистемно. «План города представлял как бы треснувшую в половодье льдину: в мозаике кварталов едва прослеживались главные транзитные направления».

1731 год, Иркутск становится центром обширной провинции и получает городской герб. Он богатеет. В нем строят каменные церкви и палаты. Пять крупных церквей, появившихся с 1747 по 1763 год, надолго определили пространственную композицию города. В их числе Крестовоздвиженская церковь (1747—1758) — уникальный памятник культовой архитектуры Сибири XVIII столетия. Высотные доминанты храмов контрастируют с типичными для того времени замкнутыми и мрачными деревянными усадьбами с крутыми кровлями, небольшими окнами и высокими заборами. В 1792 году в связи с работой комиссии по благоустройству русских городов утвержден генеральный план Иркутска, — сохранив нерегулярную планировочную основу старой части города, он предусматривал в районах за линией посада прямоугольную структуру. Городской центр остается на прежнем месте у Ангары на основе сложившейся системы площадей: главные улицы намечаются по основным направлениям торгово-почтовых трактов. Регламентированы как габариты фасадов, так и их окраска.

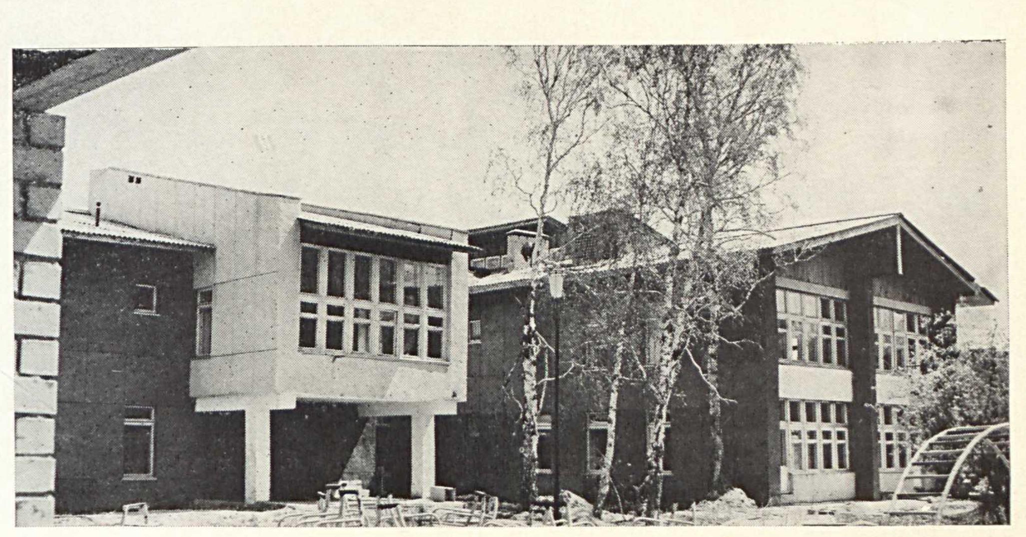
В 1796 году вся Сибирь была разделена на две губернии: Иркутскую и Тобольскую — и Иркутск стал центром громадного края от Енисея до Тихого океана. Новые кварталы, занятые купцами и чиновниками, занимают почти всю удобную территорию вдоль берега Ангары и Ушаковки, город вплотную подходит к нагорным местам, вписывается в очертания местности. В застройке по-прежнему господствует дерево.

К 70-м годам прошлого века на сто деревянных зданий в Иркутске приходи-

Детский сад
Начало XX века

Детский сад
на 280 мест

Материал подготовила А. Владимирова

крешения изобразительных мотивов народного искусства, уходящих корнями чуть ли не в палеолит. Чтобы почувствовать этнокультурный контекст в произведениях современного искусства, нужно достаточно глубокое знание поэтики народного творчества, понимание условностей его изобразительного языка.
Художественному творчеству сибирских народов была свойственна глубокая цельность восприятия мира, единство с природой, доходившее до полного ее одухотворения. Благодаря этому качеству искусство, можно думать, и способствовало выживанию народа в трудных условиях Сибири. Подобный целостный взгляд крайне важен для развития культуры сегодня — в век глобальных процессов, охватывающих всю землю и даже выходящих за ее пределы. Циолковский, Вернадский, Чижевский и другие ученые уже в наше время развивали целостное научное видение,— как ни парадоксально, но именно в этом взгляд на мир древних художников смыкается с современным научным видением. Это важная черта сибирской культуры и залог ее развития.
Традиционное сибирское искусство — как раз в силу целостного отношения к миру — очень созвучно современному планетарному сознанию. Разве случайно, например, что Н. Рерих, мечтая о возникновении нового стиля эпохи, основанного на общечеловеческих началах, об искусстве, сближающем человечество, зовущем к миру, основанном на культурном сотрудничестве, обращал взор к сибирским древностям? Это злободневные вопросы, они и сегодня волнуют нас. Думается, в их разрешении голос сибиряков полнозвучен и многообещающ.
Древнее искусство Сибири пока еще мало известно широкому кругу советских зрителей: оно мало публикуется, понимание его связано со знанием мифологии, бытовых и художественных традиций. Видимо, нужна более широкая пропаганда сибирского художественного наследия. Оно должно стать достоянием и художественной общественности, и самого широкого круга зрителей. В доступности традиции — один из залогов успешного развития культуры, усиления ее жизнетворческой роли.

Римма Зверева

социолог, сотрудник Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР

Когда мы говорим о той части программы «Сибирь», которая касается культурного развития народностей Сибири, не надо забывать об одной важной «детали». Разработка мероприятий по сохранению и обогащению изобразительных традиций предполагает не только музеефикацию или организацию народных промыслов, но прежде всего работу по художественному воспитанию, охватывающую всех детей (по крайней мере дошкольного и младшего школьного возраста).
Причем основываться эта художественно-педагогическая работа должна не только на глубоком понимании народных изобразительных традиций, но и на изучении особенностей этнической педагогики данного народа, ее медико-экологических и социально-психологических функций.
В этнической педагогике каждого сибирского народа существуют традиции и правила, по которым обучение и воспитание традиционно начиналось с первых дней жизни. Ведущая роль здесь всегда была за родителями и теми в роду, кто составлял основу социальной организации. Это позволяло каждому новому члену семьи уже к 5—7 годам овладевать основными духовными ценностями и трудовыми навыками.
Но самое интересное для нас — что одним из элементов этнопедагогики сибирских народов было изобразительное творчество, которое являлось составной частью трудовой деятельности при изго-

В Иркутске, пожалуй, ярче всего видна была борьба нарождавшегося капитала за место под солнцем. «Наиболее характерным явлением в истории сибирского общества было развитие и общественное преобладание в сибирских городах купеческого сословия и его антагонизм к местному административному классу — чиновничеству. ...Особым преимущественным сосредоточением купеческих владычеств был город Иркутск. Здесь процветала и властвовала над общественным управлением олигархия знатных в Сибири купцов — именитых граждан, коммерции советников и т. п.».

В. Сукачев, городской голова Иркутска, 1891

Вид г. Иркутска
Начало XX века

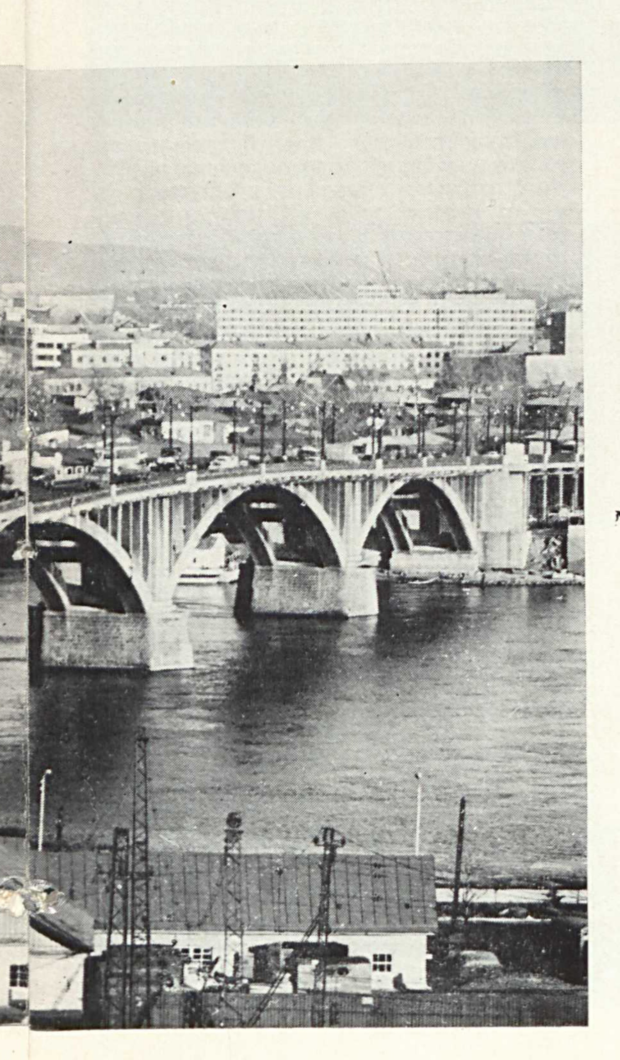
Современный
Иркутск

товлении предметов повседневной необходимости — жилища, одежды, орудий труда и охоты; овладение преднавыками такой деятельности было обязательным и способствовало социальной и психологической адаптации человека.
Теперь мы наблюдаем, что повсеместный перевод на обучение и воспитание по европейскому образцу вызвал значительные перемены в передаче национальных, издавна сложившихся навыков изобразительного творчества. В современной школе обучение начинается в 6—7 лет, когда, согласно традициям этнопедагогики, оно уже почти завершалось. В школе обучение рисованию и другим видам изобразительного творчества занимает один-два урока в неделю; согласно традициям этнопедагогическим, изготовление орудий труда, быта, предметов первой необходимости и украшение их сложным орнаментом и рисунком было обязательным для детей до 7—8 лет и они занимались им бóльшую часть светового дня. После этого возраста каждый член семьи, усвоивший всю сумму навыков, уже не считался ребенком и получал права взрослого — в меру своего трудового вклада в фонд семьи. По традиционным правилам, почти каждая девочка уже была квалифицированной художницей-вышивальщицей, а мальчик — мастером резьбы по камню, кости, металлу или дереву.
Такое включение в творческую изобразительную деятельность имело не только непосредственное прикладное значение, оно регулировало и регламентировало эмоциональную жизнь подрастающего поколения. У народностей Сибири практически не существовало проблем в воспитании детей, тех трудностей, какие испытывает современное цивилизованное общество европейского типа, не было, как мы говорим, проблем «подросткового возраста», «трудных детей» и т. д. Нарушение социальных, нравственных и этических правил было чрезвычайным событием.
Переход от традиционных методов воспитания к новым имел целью сделать человека приспособленным к современной жизни. Но он, к сожалению, исключает целые комплексы веками существовавших трудовых навыков, нарушает сложившуюся систему передачи жизненного опыта и, в частности, приемов изобразительного творчества. Дети стали жить в интернатах, вдали от семьи. Родители потеряли возможность обучать их традиционным ремеслам. Существующие сегодня у нас в стране методики и программы художественного воспитания на основе изобразительного искусст-

■ *Деяния иркутских воевод и наместников по разбойному своему характеру выделялись даже на фоне безобразий «сибирских сатрапов» (выражение, пущенное в ход декабристом Штейнгелем), несмотря на то, что жестокость, произвол и корыстолюбие последних попало в старые словари и энциклопедии. В XVIII веке в Петербурге казнили иркутского воеводу Ракитина и вице-губернатора Желобова, отдавали под суд наместников и губернаторов Якобия, Лецано, Селифанова, Пестеля, а доведенные до отчаяния иркутяне дважды сами себе назначали малолетних правителей.*

■ *«Едва верят здешние обыватели, что они имеют некоторую степень свободы и могут без спроса и дозволения собираться, танцевать или ничего не делать».*

М. Сперанский. Начало XIX века

лось лишь три каменных. Город представлял собой однородную массу деревянной, преимущественно одноэтажной застройки, среди которой выделялись многочисленные вертикали церквей, крупные объемы гостиных дворов и лавок, жилых и казенных каменных домов.
Пожар 1879 года уничтожил большую часть этой застройки. План восстановления города 1887 года упорядочил опорную планировку города, однако не изменил ее принципиально. Город застраивался новыми каменными домами — постройка деревянных зданий в центре была теперь запрещена. К началу 90-х годов Иркутск отстроили заново. Появились крупные сооружения — банки, торговые пассажи, магазины, доходные дома, гостиницы, театр, музей. Архитектура этих зданий эклектична, в ней множество различных псевдо- и неонаправлений. Основной строительный материал — кирпич и светлый местный песчаник.
В связи с прокладкой транссибирской магистрали в 1889 году была разработана новая схема генерального плана Иркутска. По этому плану все районы, кроме уже застроенного центра, получили четкую прямоугольную планировку. Планировочную основу центра Иркутска в начале XX столетия составили две пересекающиеся оси — Большая и Амурская улицы, связывающие набережные Ангары и Ушаковки. Сформировавшийся в то время костяк застройки: несколько старых церквей и крупные каменные здания в стиле модерн и прочих неостилей — в основном сохранился до наших дней и образует исторический центр современного города.
В советское время Иркутск из города в основном торгового становится крупным промышленным центром Восточно-Сибирского региона. Здесь было осуществлено значительное промышленное строительство, отчего город приобрел расчлененную планировочную структуру, включившую в себя старые районы правого берега и три обособленных района на левом берегу.
Первый советский генплан Иркутска 1940 года корректировался в 50—60-е годы: генплан, разработанный в 1970 году ЦНИИП градостроительства, поддерживает стремление к децентрализации и развитию города вдоль Ангары, Иркутского водохранилища, Иркута и железнодорожных линий.

*

Итак, за плечами триста лет типично сибирской истории: острог, каменные церкви, сибирское барокко, запоздалые против Центральной России ампир, неоклассицизм и прочие неостили, сибирский модерн и индустриальное строительство XX века. А в недалеком, вполне обозримом будущем — рост массового жилого и индустриального строительства, которое, если не следить за ним очень строго, в миг один способно поглотить и загубить любой из 115 объявленных заповедными городов РСФСР (Иркутск с его пятьюстами архитектурными памятниками входит в их число).
Правда, до сих пор судьба Иркутска складывалась относительно счастливо, у него было свое лицо, поскольку город, помимо торговли, всегда жил напряженной духовной жизнью, а также просто в силу его географического положения и близости, если это можно назвать близостью, к иным странам и континентам. Он даже застраивался необычно. В его барочных церквях счастливо сплелись наследие Русского Севера, украинского зодчества и дыхание великой буддийской цивилизации. Недаром облик старых иркутских церквей несет на себе то ли отпечаток, то ли отзвук силуэтов пагод и ступ. А орнамент самой из них знаменитой Крестовоздвиженской и вовсе эк-

■ *Иркутское купечество славилось размахом и щедростью и, наряду с разбоем, лихоимством, эксплуатацией местного населения, винными откупами и прочими бесчинствами, поощряло исследование и изучение края, жертвовало деньги на школы и больницы, покровительствовало наукам и искусствам. Городской голова В. П. Сукачев подарил городу картинную галерею. Купцы Сибиряковы жертвовали огромные деньги на организацию географических экспедиций, поддержку музеев и на учебные заведения.*

■ *На могиле известного сибирского ученого Щапова — этнографа, историка и публициста город поставил памятник с надписью «Родина — историку».*

■ *В период самой массовой ссылки перед революцией 1905 года в Иркутск были высланы Киров, Фрунзе, Орджоникидзе и другие революционеры.*

ва, как правило, совершенно не учитывают традиционного материала культуры. По большей части, они построены на европейский, «академический» манер или имитируют методы современного художничества. Если и есть в них приемы народного творчества, то скорее как материал для восприятия и расширения осведомленности.
По-видимому, при определении программ художественного воспитания следует ставить не только задачи общего развития творческих способностей, но и задачи введения ребенка в образный мир его народной культуры, прививать ему основные навыки художественного ремесла и образного видения, сохраненные традицией. Кроме художественно-педагогических целей, эти усилия важны и для поддержания авторитета своей народной культуры, укрепления этнического самосознания, ослабление которого мешает успешно приспосабливаться к жизни в многонациональных поселениях и трудовых коллективах.
Разумеется, традиционные элементы художественного языка и приемы изобразительного творчества не могут не осмысляться сегодня в контексте общесоюзной и мировой культуры, но содержание и материал творчества должны оставить простор для народной изобразительной традиции, создать условия для врастания в нее.
Вообще же нужно понять, что художественное воспитание — это прежде всего приобщение детей к традициям этнической культуры своего народа, ведущее к усилению роли специфически культурных механизмов регуляции человеческого поведения. Это одно из важных направлений совершенствования образа жизни и одна из неотложных задач, которую должна решить программа культурного развития Сибири.

Владимир Бойко

доктор философских наук, председатель региональной межведомственной комиссии по координации исследований проблем развития народностей Севера

Я хотел бы прояснить эту тему. Вообще проблема дальнейшего исторического развития коренных народов Сибири и их культур возникла с первых лет Советской власти. Наряду с мероприятиями, способствовавшими экономическому подъему, предпринимались усилия, во-первых, по сохранению культурных ценностей сибирских народов; во-вторых, по их трансформации, в соответствии с при-

Деревянная застройка конца XIX века

Областной иркутский краеведческий музей Конец XIX века

зотичен — он геометричен и напоминает несколько восточный ковер.
Поразительно стойким оказался и необычный силуэт Иркутска: его составили вертикальные доминанты старых церквей, расположенных с большим искусством на сложном рельефе,— приречные террасы, изрезанный рельеф, заболоченная пойма. Любые новые стилистические волны застройки как бы накладывались на него, как на решетку, но не разрушали, так как застройщики соблюдали заданный природой масштаб. Эта тенденция сохранилась и в советское время.
Хотя Иркутск вовсе не обделен историческими памятниками, но сегодня город замечателен, уникален не только традиционной архитектурой, но и архитектурой современной, правда, в традиционном, если не вечном, о ней представлении «как об искусстве». Иркутский архитектурный феномен — это более чем десяток лет труда, давшего далеко не единичные имена и работы, но отчетливое предпочтение следования штампам и обстоятельствам — постижению и утверждению «своего собственного» — собственных и новых архитектурных образов.
Само существование в городе архитектуры имеет целый ряд причин, а также прямых и косвенных следствий, из которых прежде другого в Иркутске отмечаешь отсутствие «строительного разгула», пространственного беспорядка, больших и малых пустырей и провинциальных небоскребов. Иркутск счастливо избежал восторженного забвения градостроительной культуры, когда под лозунгом «свободной планировки» дома ставятся «наперекосяк» и без причин уничтожаются дворы, улицы, скверы и площади.
Иркутская архитектура, возникшая как совместный плод везения и усилий, представляет тем не менее очень органичный для города сплав градостроительного традиционализма и архитектурного новаторства — являющих основание «иркутского стиля», стиля «иркутской школы», который уже сегодня не спутать, к примеру, с ленинградским или прибалтийским, тем более, со среднестатическим или типовым.
Органичность этого явления, несомненно, кроется в иркутской истории, иркутской культуре и в том обстоятельстве, что трудолюбивый и промышленный Иркутск ощущается другими и ощущает себя сам прежде всего «культурным центром». А слагаемым иркутской культуры, с упомянутой уже необычайностью исторической, наряду с краткой и исполненной романтизма историей, явились необычайность географическая, пространственная разомкнутость и открытость, судьба не изолята или окраины, но города-перекрестка на берегу «славного» и «священного» моря.
Особая иркутская архитектура, возможно, представляла бы лишь краеведческий или искусствоведческий интерес, если бы не обстоятельство, делающее ее ценностью универсальной. Любое сооружение иркутских коллег — повод и средство организации возможно более обширного городского окружения, нечто наделяемое мощным средоформирующим потенциалом, не безразличное, отчужденное и изолированное, подобно основной массе изделий «строительного конвейера», но синтезирующее особое качество, именуемое «городской средой». Все эти консоли, выносы, пересечения, углы, балки, стены, опоры, разрезающие, кроящие, ориентирующие и поляризующие пространство города, делающие его осязаемо трехмерным, любование этой трехмерностью, свободное его владение — все это атрибуты с надеждой ожидаемого сегодня, в муках рождаемого «средового подхода». Отгороженность, закрытость и обособленность коробок и ящиков заменена разомкнутостью, открытостью и актив-

пятой у нас системой учреждений культуры, народного просвещения и так далее. И в-третьих — по включению культур сибирских народов в единую интернациональную культуру советского общества. В настоящее время результаты этой гигантской работы налицо: создание письменностей, ликвидация неграмотности, возникновение национальных литератур, музыкальных, хореографических ансамблей, наконец, само наличие национальной интеллигенции — все это позволяет говорить, что коренные культуры перестали быть «традиционными» и стали «историческими», то есть развивающимися. Теперь развитие культур — это не процесс, сопутствующий этногенезу, а результат культурной политики, процесс в значительной мере планируемый и управляемый.

Но, как всегда бывает, на пути решения проблем возникают новые. Так, например, создание укрупненных поселений (приводящих к повышению социального и культурного потенциала), возникновение новых форм общежития, освоение нетрадиционных видов труда — все это ведет к изменению этнического самосознания. Жизнь в условиях многонациональных (и многоязычных) поселений и трудовых коллективов связана для представителей национальных меньшинств с потребностью в сохранении «этнической идентичности», в осознании своих корней, в культурном самоуважении. Иначе говоря, ускоренное развитие по пути интернационализации традиционных культур в силу исторической диалектики скорее заостряет, чем ослабляет потребность в своеобразии народной культуры. Вопрос о национальных языках и традициях имеет в Сибири отношение не только к проблемам культуры в узком смысле слова: он смыкается с вопросами организации труда, семейного быта, отдыха.

Так, мы сегодня ставим вопрос о сохранении и повышении эффективности традиционных видов труда (оленеводства например). А его решение в свою очередь связано с сохранением традиционной сети малых сел, еще недавно зачислявшихся в разряд неперспективных. Очень важно обеспечить для этого полную занятость населения на местах, особенно молодежи, возвращающейся в село после получения специального образования или службы в армии. А это в свою очередь ставит проблемы, которые из области социального управления переходят в область архитектурного и дизайнерского проектирования.

Оленеводство может давать 200—300% прибыли — это очень прибыльное занятие. А условия жизни оленевода? Он по-прежнему кочует по тайге или тундре, перевозя с собой на нартах или тракторе свой «дом», который нужно каждый раз собирать и разбирать; в поселок он возвращается один-два раза в год, а семью, особенно ребятишек, за собой не потащишь. Следовательно, дети в интернатах, семья бо́льшую часть времени оказывается разделенной. Что поделаешь — для молодых людей, вернувшихся из армии, такой образ жизни оказывается малопривлекательным. Поэтому для интенсификации производства мы предлагаем строить микропоселения, своего рода хутора — семей на семь, с общим домиком-клубом, электростанцией, мастерской для традиционных женских занятий, баней и прочим. В этом случае основная жизнь сосредоточивается в поселке, одна бригада оленеводов, сменяя другую, работает в радиусе 30—40 км от хутора. Как важно, чтобы были продуманы, проектно проработаны функциональность и среда такого хутора с учетом особенностей культуры и нынешних потребностей!

Это лишь один пример того, как привычные для архитекторов и дизайнеров проблемы преломляются в сибирских условиях. Сейчас службы, вырабатывающие управленческие, архитектурные и

Современный Иркутск

художественные решения, весьма разобщены между собой. Это одно из препятствий на пути реализации единой культурной политики, которое должно быть устранено.
Вообще надо сказать, что взаимопонимание разных специалистов, выработка общего языка и желание выходить за узкие профессиональные рамки — важная часть комплексной программы культурного развития Сибири. Художники, архитекторы, культуроведы, археологи и этнографы не составляют здесь исключения. В общем процессе развития культуры важны каждый голос, не замыкающийся на себя, и, разумеется, желание мыслить не только ретроспективно, но действенно, планово и проектно.
Почему я об этом говорю? Потому что, разрабатывая комплексную целевую программу культурного развития, мы не можем действовать по старинке: отдельно планируя работу учреждений культуры, отдельно развивая производства, отдельно трудовые ресурсы и т. д. Речь идет о комплексном подходе, в рамках которого культурная политика имеет отношение ко всем сферам образа жизни, когда сохранение и развитие культуры вместе с сохранением и преумножением природных богатств стало важнейшим источником и показателем социального развития.
Для выработки решений о перспективном развитии всех сфер образа жизни северных народов в 1982 году на базе трех Сибирских Академий — АН СССР, АМН СССР и ВАСХНИЛ — была создана Межведомственная комиссия по координации исследований проблем развития народностей Севера. Работая над комплексной целевой программой, мы укрепились в мнении, что культура управления — важная часть национальной культуры. Казалось бы, план экономического и социального развития — документ сугубо прозаический, сухой, а никак не творческий. Но ведь в нем закладываются условия, которые в будущем определят и состояние культуры. Есть в таких планах много вопросов, впрямую связанных с созданием пространственно-предметной среды; в их решении основная роль будет принадлежать архитекторам, художникам и дизайнерам. И мне кажется, настало время подумать о совместной и параллельной разработке планов комплексного развития среды, включающих в себя как пространственные, так и художественно-проектные решения.

Особое место в истории города сыграли декабристы, жившие тут в тридцатые годы: Муравьевы, Трубецкие, Волконские, Бесчастный, Вадковский, Торсон, Якубович, Юшневский, Мазалевский, Репин, оба Борисовы, Кюхельбекер...

Когда декабристы впервые по этапу попали в Иркутск, город встретил их столь восторженно, что каторжан немедленно увезли дальше.

«Независимо от врачебного и всякого другого рода пособия, декабристы являются защитниками народа против злоупотреблений чиновничества. .»
В. Сукачев, 1891

На набережной Ангары стоит памятник Муравьеву-Амурскому, присоединившему к России Приморский край.

Сейчас в Иркутске действует общество охраны памятников, где местные энтузиасты-инженеры собирают уникальный материал об истории края.

В 1920 году в Иркутске открылся первый в стране музыкальный университет, где было 100 преподавателей, две тысячи учащихся и самая широкая программа универсального музыкального образования.

В 1921 году молодой Николай Охлопков поставил на городской площади массовое действие с участием войск в честь 1 Мая.

В наши дни в городе открыт мемориальный музей декабристов, организован реставрационный центр, обслуживающий всю Сибирь, музей деревянной архитектуры под открытым небом, где устраивают замечательные фольклорные праздники.

ностью стен, крыш, плоскостей и линий. Дом строит курдонер, двор, улицу, выгораживает столь ценные в необъятных просторах Сибири камерные и защищенные городские пешеходные пространства. Сложность его очертаний и неожиданность силуэта, незавершенность кровли и разорванность стен, выход лестницы и расчленение объема — не прихоть и не каприз, а серьезное и убежденное созидание города, отчетливое стремление охватить, объединить, организовать окружение, — строя дом, строить ландшафт. Волей судьбы и своих создателей иркутская архитектура предпочитает дефицитным строительным и отделочным материалам самый доступный и наиболее труднопостижимый — пространство, бескомпромиссно меняя одномерную многоэтажность на полноценную многомерность относительно невысоких зданий.
Образы иркутской архитектуры — образы романтические, напряженные, исполненные динамики и драматизма. Они явно чужды идеям заигрывания с климатом и программно отвергают ссылки на суровость сибирской природы. Постройки последних лет с галереями, переходами, открытыми лестницами, лоджиями, верхним светом и т. д. и т. п. способны казаться едва ли не «южными» и менее всего «сибирскими», если не замечать главного их свойства — слитности с местом, на котором они стоят.

Цвет в деревянном городе

Виктор Елизаров

Жилое строительство из дерева преобладало в Иркутске вплоть до начала нашего века. Обычай узорочно расписывать и раскрашивать деревянные дома пришел в Сибирь, очевидно, еще с ее первыми поселенцами — выходцами из северной Руси. Покраска дерева — потребность не столько утилитарная, сколько декоративная. В результате Иркутск приобрел неповторимую цветовую фактуру деревянного города.
Использование цвета в городской деревянной архитектуре отмечено своей спецификой — сказывается соседство каменной архитектуры. Рубленый дом часто «гримировался» под формы и цвет престижных каменных зданий. Дощатая обшивка стены, гладкая или имитирующая рустовку, окрашивалась в желтый или серый цвет, на фоне которого белели ставни и другие детали.
Подъем строительства в Иркутске после пожара 1879 года привнес в палитру города новые цветовые тональности. Обшитые фасады стали красить в плотные, яркие цвета. Крупные темные массы цвета деревянных палаццо дополнялись контрастными светлыми пятнами ставней и мелкой деталировки.
Постепенно возник устойчивый прием полихромии — цветовая структура выявляет конструктивный и композиционный строй фасада и его фрагментов. В отличие от расписных изб Русского Севера, Поволжья, «семейских» Забайкалья, где популярны изобразительные и орнаментальные мотивы росписей на плоской поверхности, цветовой «диалект» иркутских домов (да и всего региона) более лаконичен. Активная пластика как бы препятствовала изобразительности. Избирательная гамма в два-три цвета выступает в единстве с богатой пластикой иркутского деревянного барокко, подчеркивая и выделяя рельеф декора, благодаря чему он лучше читается издалека. Цветовая сдержанность экстерьера только

Анатолий Золотухин

главный художник Красноярского творческо-производственного объединения ХФ РСФСР

Возникшее у нас в Красноярске движение за превращение Сибири в край высокой культуры поставило перед нашими художниками такие задачи, решать которые приходится комплексно — одновременно в творческом, производственном и организационном планах.

Говоря о вкладе сибирских художников в развертывание этого движения, мы должны основное внимание уделить тем формам нашей деятельности, благодаря которым изобразительное искусство наиболее широко, в наиболее массовом масштабе соприкасается со зрителем, со своим потребителем. Прежде всего, это, конечно, выставочная работа, которая из крупнейших городов должна распространяться и в малые города, и в села.

На мой взгляд, очень перспективной тут является практика формирования новых картинных галерей на основе комплексного тематического плана, разрабатываемого правлением зональной организации Союза художников совместно с представителями органов социального управления города или села-заказчика. Такой «социальный заказ» предусматривает создание достаточно большого количества произведений разных видов изобразительного искусства, на основе которых формируются фонды будущей галереи. Так были открыты народные картинные галереи в селах Тесь и Урия, государственная картинная галерея в Лесосибирске.

В прошлом году исполнилось 300 лет городу Ачинску — его история легла в основу тематического плана краевой выставки, коллекция которой также стала основой новой галереи в этом сибирском городе.

Другое важное направление в культурной программе края — создание культурных центров, способных стать местом, где люди знакомятся с искусством и занимаются им. Значительным событием в жизни красноярцев стало открытие органного зала (в реконструированном для этого здании бывшего костела) и крупного концертного зала на 2000 мест. Над художественным оформлением этих объектов — вместе с архитекторами работали многие красноярские художники, представители монументального и декоративно-прикладного цеха. Культурный центр, будь то концертный или выставочный зал, театр или дворец культуры, должен быть привлекательным для горожан не только своим репертуаром, но и как то место в городе, посещая которое человек ощущает себя в состоянии «высокого досуга», а это в немалой степени зависит и от архитектурно-художественных качеств сооружения. Кажется, в названных случаях усилия художников и архитекторов определенно увенчались успехом.

Не меньший интерес для художника представляют помещения интерьеров, где люди бывают в будни,— ведь повышение качества обслуживания, качества услуг — одна из задач, которая наиболее сопряжена с культурной программой. Причем в Сибири и этот вопрос стоит, может быть, более остро, чем в иных местах. В работе над такими объектами, как Дом быта в Норильске, аэропорты в Красноярске и Кызыле, курорт «Красноярское Загорье» или, скажем, интерьеры ресторанов, художники-проектировщики решали вопросы комплексного оформления, привлекая целые коллективы своих коллег по прикладному искусству.

На мой взгляд, практика комплексного проектирования имеет хорошие перспективы в области бытового, социального, медицинского или информационного обслуживания: на ее основе удается добиться разнообразия и эмоциональной насыщенности, а иногда и образной занимательности среды, что чрезвычайно важно для ощущения комфорта, удовле-

---

- *«Декабристы... оказали огромное влияние на наш город в его общественном и нравственном развитии, словно не они, считавшиеся преступниками, а местное общество отдано было им на исправление и воспитание...»* *В. Распутин, 1980*
- *Отсюда под видом купца отправился в Маньчжурию на поиски кратчайшей дороги к Амуру чиновник особых поручений при губернаторе по казачьим делам, князь Петр Алексеевич Кропоткин, бывший фельдфебель Пажеского корпуса и камер-паж императора Александра II, будущий революционер.*
- *Единственный в мире Иркутский лимнологический музей изучает жизнь уникального моря — озера Байкал.*
- *Иркутск за три века своей жизни видел множество необычных и замечательных людей. Сюда ссылали и через него ехали Абрам Петрович Ганнибал (арап Петра Великого), Радищев, Бакунин, Чернышевский, Петрашевский и участники его кружка, социал-демократы и большевики.*
- *На кладбище бывшего женского Знаменского монастыря похоронен основатель «русской Америки» Григорий Шелихов. Памятник на его могиле исписан стихами: «Колумб здесь российский погребен»... Г. Державин; «...Не забывай потомок, /что Росс — твой предок и на Востоке громок» И. Дмитриев.*
- *Реставрируют дом Волконских, где когда-то собиралось местное общество, устраивали балы, музыкальные вечера и любительские спектакли, которые дали толчок к возникновению местного драматического театра.* *В день 160-й годовщины со дня восстания на Сенатской площади тут будет открыта первая выставка.*
- *Научная библиотека Иркутского государственного университета имеет три миллиона единиц хранения. Более одного миллиона книг в библиотеке им. Мамина-Сибиряка.*

На стр. 18
Деревянный дом
Конец XIX в.

Жилой дом
Арх. В. Павлов

внутри дома сменяется пышностью и яркостью расписных «заборок», дверей, мебели.

Палитра прошлого во многом определялась доступными красителями — широко использовались желтые или красные охры, создающие теплую цветовую атмосферу, а побелка в окружении летней зелени создавала впечатление свежести, зимой же она удачно гармонировала со снежным пейзажем. В наше время синтетические краски расширили традиционный «ассортимент» (он заметно «похолодел»), но сложившийся цветопластический подход сохранился. Цветовые отношения, обычно не развитые нюансными градациями, контрастны по светлоте. Несмотря на скупость употребляемых средств, тонкие вариации цветосочетаний придают домам разнообразные и выразительные характеры: от сдержанности и даже суровости до праздничной нарядности.

Выбирая цвет для покраски, человеческий глаз ищет гармонии и равновесия с природным окружением. Возникшие на доме искусственные цвета (сейчас распространены синие, голубые, зеленые, желто-охристые тона) как бы восполняют ахроматику долгой зимы сочными красками лета.

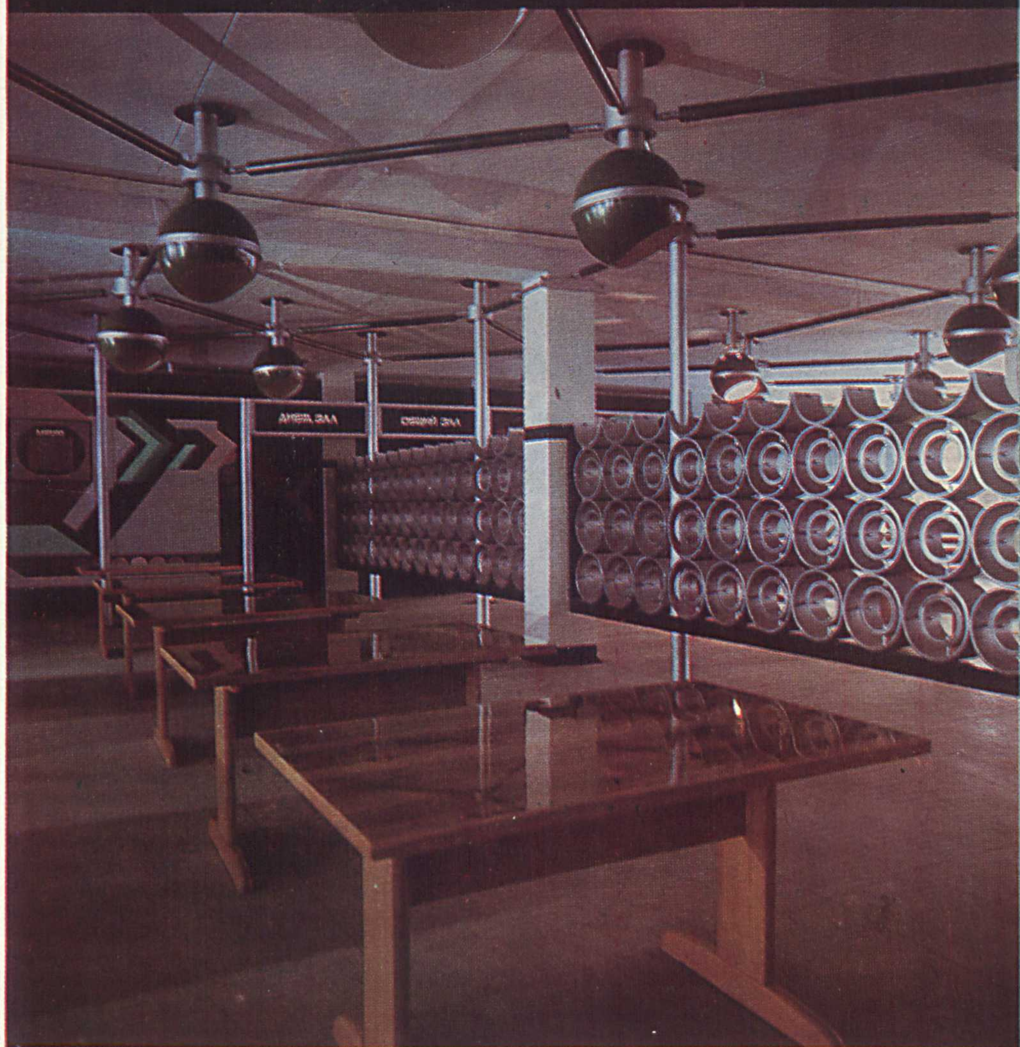
Издревле исходит из природных прообразов тектоническая семантика цвета: темные, плотные тона, ассоциируясь со стволом дерева, землей, камнем, производят впечатление прочности и материальности; светлые же наоборот — белый, например, отражение парящих облаков и рыхлого снега. Поэтому так удачно раскрывает конструктивную суть накладного декора светлый цвет. Природные цветовые метафоры, столь близкие духу сибиряка, преломляясь сквозь призму культуры эпохи, материально воплощаются в полихромии народной архитектуры.

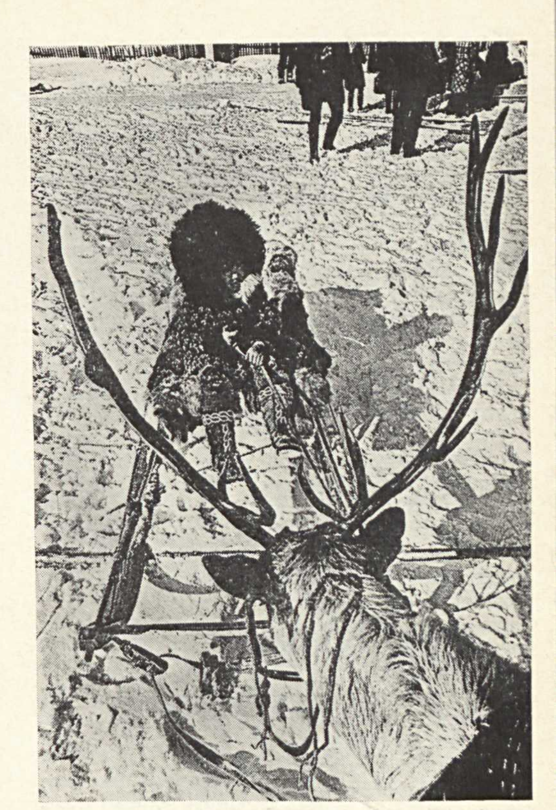
Все-таки дерево, такое теплое на ощупь, подразумевается и теплым по цвету. Такое представление радикально изменяется новым цветовым покрытием. Хотя бревенчатая стена обычно не окрашивается, отдельные прецеденты нарушают эту практику,— тогда возникает своего рода семантический конфликт в виде «голубого бревна». То, что уместно при гладкой обшивке «под штукатурку», становится парадоксальным для бревенчатой стены. Но, несмотря на все сложности и противоречия в отношении «дерево — цвет», де-

В. Смагин
Гобелен в зале
ресторана «Интурист»
Иркутск

Выступление
фольклорного
ансамбля в Музее
под открытым небом
Иркутск

В. Соколов,
А. Шипицин,
В. Димов
Интерьер
заводской столовой
Иркутск

ревянная застройка Иркутска живет своей жизнью, постепенно превращаясь в почерневшие от городской копоти развалюхи.

Как быть в условиях современного города с сотнями деревянных домов в центре Иркутска, составляющих самобытное лицо города? В Томске, например, решили покуда окрасить маслом и эмалями некоторые уникальные памятники, которые, между прочим, помимо консервации, получили новое эмоциональное прочтение. Технологические возможности, кстати, не исчерпываются глухой покраской, погребающей текстуру дерева. Сейчас для пропитки деревянных поверхностей применяют цветные, но прозрачные лаки.

Проект создания в историческом ядре Иркутска заповедной зоны деревянной застройки «Желябовский комплекс» предусматривает функциональную активизацию этих кварталов города. Безусловно, надо сохранить видимые «знаки прошлого», особенно если это касается ценных памятников; но вместе с тем надо учесть и современную цветовую культуру города. Хочется думать, что цветовые традиции найдут преемственное развитие и в колористике нового индустриального города, станут импульсом к творчеству архитекторов и художников Иркутска.

Плотницкое дело

Тамара Крючкова

То, что сделали иркутские резчики в домовой резьбе, составляет сейчас гордость нашего города. К сожалению, деревянные постройки XVII—XVIII веков не сохранились, и домовая резьба представлена только работой резчиков XIX — начала XX века.

Декор домов богат и разнообразен. Он сосредоточен в основном на наличниках больших окон, карнизах домов и крылечек. Здесь можно встретить почти все виды архитектурной резьбы, от плоской до пропильной. Наиболее эффектна объемная резьба, создание которой очень трудоемко и требует от мастера высокого ремесла. Растительные мотивы объемной резьбы берут свое начало в XVIII веке.

творенности, снятия напряжения и т. п. Следующее направление нашей творческой работы — художественное решение значительных по размерам фрагментов жилой и общественной среды. В комплексных проектах центра Туруханска и села Горевое наши художники-проектировщики опробовали свои силы в этом новом пока еще для нас жанре. Это — пограничная зона между архитектурным и художественным проектированием, область, которая имеет сегодня к делу повышения культуры самое прямое отношение (если, конечно, искусственно не замыкать культуру в рамки одних учреждений культуры). Среда, в которой мы живем и трудимся, ее исторические и современные фрагменты, ее целостные образы — все это вносит существенный вклад в общее состояние культуры. Работа над такими проектами, как показывает опыт, может опираться на местные материалы (у нас это чаще всего — дерево), традиционные приемы их обработки и местные хозяйственные возможности. Но дело, видимо, не столько в материальных и технологических ограничениях, сколько в гибкости, приспособительности проектного подхода, который должен быть использован для нахождения образной специфики сибирского города и сибирского села.

Работа художников-прикладников нашей зоны заметно активизировалась после образования в 1983 году в Красноярской организации СХ РСФСР секции художественного проектирования и декоративно-прикладного искусства, а также творчески-производственного объединения с филиалами-мастерскими в Норильске и Абакане. Один из показателей этой активности — участие представителей цеха в краевой выставочной жизни. Осенью 1984 года состоялась краевая художественная выставка, посвященная 50-летию образования Красноярского края. В ее рамках — в отдельном зале — был открыт раздел «Художественное проектирование и декоративно-прикладное искусство», построенный на показе крупных комплексно-проектных работ, большая часть которых уже реализована или близка к завершению. Интерес, проявленный к этому разделу зрителями, превзошел ожидания самых оптимистически настроенных художников. Тому причиной, видимо, возрастающее общественное признание художественно-проектного труда, социальной потребности в нем. В настоящее время наши художники готовятся к краевой выставке, которая вся целиком будет посвящена декоративно-прикладному и художественно-проектному искусству.

К концу XIX века получила распространение пропильная резьба, которая выполнялась очень быстро, часто по заранее приготовленным шаблонам. Но и здесь мастера проявляли чувство меры: умело введенная в постройку, подчиненная замыслу целого, резьба эффектно украшала дом. Судя по разным «пошибам», в Иркутске работало несколько мастерских, и каждая имела свой стиль. Все это свидетельство давней и развитой традиции резьбы в регионе.

Не найдено сведений о том, когда в Иркутске, основанном в 1661 году, появились первые резчики. Однако в описи Иркутского Вознесенского монастыря, составленной в 1742 году, отмечено в деревянной Успенской церкви «над царскими вратами резное распятие в меру человека».

Если в XVII — начале XVIII века в Иркутске работали в основном приезжие мастера, то к середине XVIII века здесь набирают силу умельцы из потомственных иркутян. В это время жители города, занимающиеся различными ремеслами, объединяются в цеха.

По обработке дерева в XVIII веке в Иркутске существуют два цеха — резной и плотницкий. В первый записывались мастера более высокой квалификации, хотя они иногда брались и за плотницкую работу. Искусство иркутских цеховых резчиков высоко ценилось в Восточной Сибири, и они часто получали заказы из других городов и населенных мест.

Время, частые пожары, заблуждения людей унесли от нас многое из того, что сделано руками трудолюбивых умельцев, но и сохранившееся говорит о том, как прекрасно сибирские мастера чувствовали красоту, своеобразие дерева, как умели неожиданно выявить его лучшие качества.

Полнее представить искусство иркутских резчиков XVIII—XIX веков помогла уникальная находка: в 1981 году при расчистке подвалов иркутской Крестовоздвиженской церкви обнаружено 17 деревянных скульптур, значительно пополнивших коллекцию Иркутского художественного музея. В 20-е годы исследователь местной скульптуры И. И. Серебряков писал: «Все иркутские скульптуры, по первому на них же взгляду, оставляют впечатление разнохарактерности, что понятно, ибо, как население иркутского края составилось из переселенцев с юга и с севера европейской России, так и в местной деревянной скульптуре южно-русские традиции манерного ваяния смешались здесь с лаконичностью выражения северных скульптур, и элементы то одного, то другого ваяния или спорят меж собой, либо одни перебивают другие, не оставляя целостного впечатления».

То же разнообразие резчиков можно отметить и в собрании скульптур Иркутского художественного музея, составляющем в настоящее время 25 произведений. Есть скульптуры, в которых прослеживается влияние западноевропейской резьбы по дереву. Можно предположить, что мастер, выполнивший, например, скульптуру «Богоматерь», был выходцем из Польши. Легкость и изящество глубоких складок одежды, выявляющих конструкцию фигуры, умело выполненное лицо, экспрессия — все говорит о мастерстве автора. Своеобразный внешний облик Богоматери с маленьким удлиненным лицом, с несколько одутловатыми щеками и большими навыкате глазами имеет нерусский тип. Такой встречается в Польше. И, возможно, этот мастер приехал из Польши, с Украины или из Белоруссии, где «барокко и иезуитский стиль пышно расцвели».

Кроме художественного потока, шедшего в Сибирь с Украины в XVII—XVIII веках, необходимо также отметить прочные культурные связи Сибири с Русским Севером, объясняющиеся тем, что большой процент сибирского населения составляли выходцы из северо-восточной Руси. Сдержанностью чувств, утяжеленной массивностью форм скульптура «Богоматерь» напоминает работы устюжских мастеров. Приезжие мастера, сталкиваясь с местной культурой, новой географической средой, проявляли себя в Сибири в новом качестве. Своеобразие условий жизни, влияя на последующие поколения бывших переселенцев, накладывало отпечаток на их характеры, мысли, вырабатывало определенные черты. Ведь до сих пор есть понятие «сибиряк», которое ассоциируется с надежным, стойким, крепким человеком. Образ этот воплотился в произведениях искусства, созданных в Сибири.

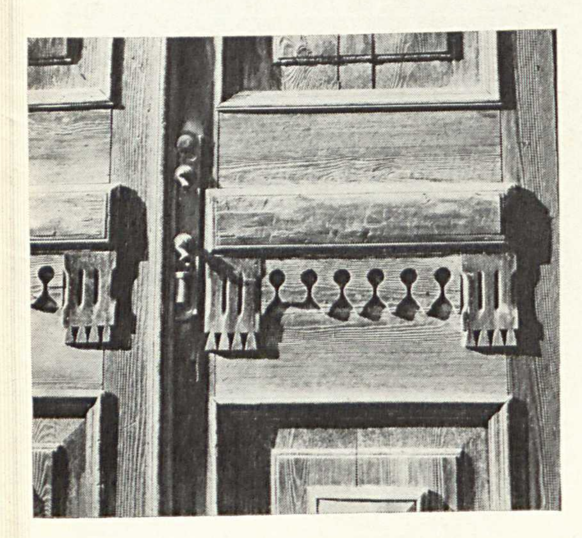
На наш взгляд, это своеобразие есть в скульптуре «Распятие», в которой монголовидное лицо Христа отражает местный этнический тип живущих в Сибири аборигенов. В пермских и других русских распятиях часто подчеркиваются мученичество, страдания умерщвленной плоти Христа, а в этой скульптуре поражают умиротворенность, спокойствие и сосредоточенность. Эти черты характерны для многих буддийских изображений.

Интересна скульптура «Неизвестный святой», которая напоминает языческого каменного идола. Мастер (скорее всего, самоучка) смело и творчески обыграл монолитный кусок дерева, создав выразительный образ святого.

Многие скульптуры из иркутской коллекции говорят о большой одаренности сибирских умельцев-резчиков, остро чувствующих пластические формы, красоту материала, умеющих передать зрителю свое творческое видение мира, свое представление о прекрасном.

Деревянная резьба
Конец XIX века
Иркутск

...дум высокое стремленье...

Юрий Пясковский

«Настоящее житейское поприще наше началось со вступлением нашим в Сибирь, где мы призваны словом и примером служить делу, которому себя посвятили».

(Из переписки декабриста М. С. Лунина) [1]

Большое внимание, уделяемое выставочной работе в этой области, конечно, не случайно. Участие в формировании художественно значимой среды наших городов и сел требует от нас сегодня не только расширения географии художественно-проектных работ, но и совершенствования их организации, подъема авторитета профессии в глазах общественности, работников культуры и управления, да и в глазах коллег-художников. Выставки — основной путь для достижения этой цели, для обмена опытом работы, для критического и искусствоведческого анализа.

На зональной выставке «Сибирь социалистическая» также предполагается широко показать как самостоятельные работы художников-проектировщиков, так и комплексные проекты, включающие в себя произведения монументального и декоративно-прикладного искусства. Однако уже сейчас стало ясно, что отсутствие в составе выставкома художника-проектировщика, заинтересованного в формировании специального раздела выставки, не идет на пользу ни разделу, ни выставке в целом. Комиссия по оформительскому и декоративно-прикладному искусству правления СХ РСФСР уже обращалась в секретариат с предложением ввести в состав выставкома такого профессионала, чтобы поправить сложившееся положение дел. Аналогичные трудности встречают художники-проектировщики и при вступлении в союз.

Вопросы прозаические, но без их решения нам не сделать следующего качественно нового шага в столь важном для Сибири деле, как повышение культурного потенциала среды, в которой мы живем и трудимся, среды, которая должна быть для каждого из нас родной, близкой, в лучшем смысле слова «сибирской».

Борис Палей

председатель Норильской организации СА РСФСР, член правления СА РСФСР

Хочу добавить, что нет абстрактной среды, которую можно формировать каким-то одним раз и навсегда выбранным способом. Напротив, только когда архитектор имеет в виду своеобразные природные и исторические условия, среда может складываться и развиваться органично. Отношение к ней как к носителю художественно значимых образов, как явлению культуры должно опираться на видение художника, на какую-то авторскую творческую концепцию. Их может быть много, и здесь возникают свои проблемы — но без авторской концепции среда не может быть объектом проектирования.

У нас на Севере, вероятно, как нигде больше ценятся те точки в городской среде, где жители города могут встретить друг друга, вступить в общение. В северных климатических условиях таким местом является, как правило, общественный интерьер. У нас почти нет зеленой архитектуры, парков, скверов, где можно было бы проводить время, и по суровости климата экстерьерная часть архитектуры не может нести такую образную нагрузку, какая является естественной для южных районов или средней полосы. Поэтому интерьер должен взять на себя дополнительные социальные функции, компенсировать дискомфорт городского экстерьера, обеспечить возможность досугового общения и необходимый минимум образных средовых впечатлений. Да и в художественном отношении внутреннее пространство здесь невольно становится более значимым, чем наружное.

При Горбыткомбинате Норильска сложилась группа художников, которые разрабатывают сегодня творческую концепцию общественного интерьера в сибирском городе. Наша задача — сделать пространство образно выраженным и не

На протяжении нескольких столетий, оставаясь главным местом ссылки и каторги, Сибирь в то же время наделяла своих обитателей свободой в такой мере, в какой ее никогда не знали не то что в России, но и в любом государстве Европы. Парадокс здесь только кажущийся, и туманный образ Беловодья не входит в противоречие с отрезвляющим видением острога. Неразрывный характер обеих ассоциаций вполне законен и имеет свои исторические предпосылки.

Уже в конце XVI века, точнее, в 1593 году, в Сибирь высылают около трехсот угличан по делу об убийстве царевича Димитрия, а четырьмя годами позже издается правительственный указ, дарующий свободу и официальное признание всем бежавшим в Сибирь и проживившим там не менее шести лет. И потекли на восток два потока переселенцев, унося в неизвестность людей самых различных званий и судеб — добровольцев и невольников. Для одних впереди расстилались новые земли, раскрывались великие богатства края, других ожидали чужбина, каторга, гибель.

Каждый крупный исход из России обогащал суровую жизнь сибиряков. Правда, оживляющее влияние цивилизации в основном ограничивалось усвоением отдельных хозяйственных новшеств. Культурное же развитие было чрезвычайно затруднено; за дальностью расстояний, неустроенностью быта, неподготовленностью поселенцев — европейское просвещение долго не могло привиться в Сибири. До самой середины XIX века примитивность жизни здесь состязается с первобытностью нравов. М. А. Бестужев, поселившись в Селенгинске, писал о том, что «верхний слой населения Селенгинска, состоявший главным образом из купечества, чиновников и офицеров местного гарнизона, лишь позже, к 60-м годам, приучился читать газеты и журналы, интересоваться вопросами общероссийской жизни. В 40-х годах эта группа населения вела жизнь, далекую от каких-либо образовательных интересов и запросов; развлечения ее были «чисто материальны»: чуть ли не главное место в этой жизни занимали патриархальные пирушки» [2].

Наблюдая быт местных крестьян, М. А. Бестужев сетует на их общую нерадивость и леность: «Ежели он, а пуще того она, — пишет Бестужев, — обладают 1,4 кирпича чаю карымского, даже без куска хлеба, они не пошевельнут пальцем для работы. Голод — единственный стимул их деятельности... Целый день он или она сидят на завалинке, и когда опустеет горшок с кирпичным чаем, то снимают дранье с дому, чтобы вскипятить другой горшок» [3].

Такова была среда, и таковы были нравы. Впрочем, даже здесь постепенно созревает готовность воспринимать и образовываться. Было бы кому образовывать... Сибирь вопрошающе смотрит на западные пределы, на далекие российские столицы, неизменный источник всяческой цивилизации, а оттуда уже несутся этапные тройки с осужденными участниками восстания 14 декабря.

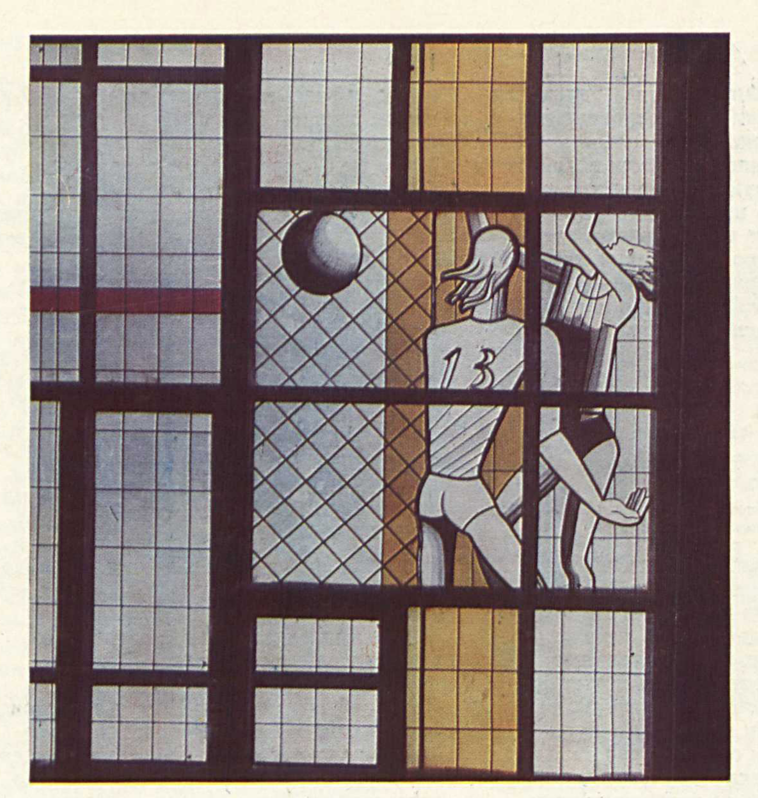
Поражение на Сенатской неожиданно обернулось просвещением Сибири. Способом диким и насильственным, наконецто, была протянута прочная нить культурной преемственности между Сибирью и Европой.

Деятельность декабристов в Сибири обширна и многообразна. Она охватывает все основные виды созидательного человеческого труда: науку, искусство, ремесло, земледелие. М. И. Муравьев-Апостол на поселении в Ялтуровске занимался статистическим описанием края. Г. С. Батеньков предавался изучению истории и экономики Сибири. А. А. Бестужев-Марлинский исследовал жизнь якутов. Н. В. Басаргин написал труд о развитии путей сообщения, промышленности и торговли в Сибири. И. Д. Якушкин производил минералогические исследования в Тобольской губернии. Н. Муравьев разработал проект развития речного транспорта, охватывающий всю Российскую империю.

В иркутском салоне Волконских собиралось общество любителей музыки, давшее толчок к возникновению первого сибирского театра. Не разделяя, стремясь опровергнуть распространенное в те годы мнение о Сибири как о «земле без будущего», декабристы предлагали открыть в Иркутске историко-краеведческий музей для широкого обозрения.

Универсализм культурного человека первой трети XIX века во многом сказался на характере культурно-просветительской деятельности декабристов. Однако при нередкости разносторонних дарований в декабристской среде круг интересов братьев Бестужевых поражает своим разнообразием. «Не было такой отрасли деятельности (в условиях каторги и ссылки), в которой бы Николай Бестужев, а за ним и брат его Михаил ни проявили себя. От сапожного мастерства, столярного, слесарного до ювелирного, конструкторского, инженерного, наконец, художественного и литературного мастерства...» [4]. Чтобы картина была полной, нужно добавить различные сельскохозяйственные увлечения Бестужевых: хлебопашество, огородничество, садоводство, малоуспешные попытки разведения тонкорунных овец (замышлялось крупное коммерческое предприятие), эксперименты в области селекции. Интересны научные изыскания братьев в области физики, астрономии, сейсмологии, естествознания, экономики Забайкальского края. Они поглощены этнографическими исследованиями бурятского населения, среди которого главным образом протекала их жизнь в Селенгинске. Известны и чрезвычайно интересны этнографические очерки Н. А. Бестужева, в том числе — «Гусиное озеро» [5], являющийся самым полным описанием быта и нравов забайкальских бурятов середины XIX века. Братья многократно принимаются за изучение монгольского языка, впрочем, всегда с одинаковым неуспехом. Они ходят на охоту с бурятами, водят дружбу с Чойван-Дорже-Жемцуевым, главой ламаистского духовенства Восточной Сибири; Михаил увлекается буддизмом. Пишет трактат о буддизме. Пишет другой трактат... «О новоизобретенном в Сибири экипаже». Изобретатель — М. Бестужев. Экипаж имеет специальное название — «сидейка» и предназначается для удобной езды по горным дорогам. Рекламируя свое изобретение, М. А. Бестужев открывает мастерскую для изготовления образцовых сидеек. В мастерской занято человек тридцать бурятов и русских, заодно обучающихся столярному, кузнечному ремеслу и другим специальностям.

Целое поколение селенгинской и кяхтинской молодежи выросло под влиянием братьев Бестужевых. Неудивительно, что известность и уважение, которыми они пользовались в окрестностях, были огромны. Удивительны та неистощимая энергия, с которой они буквально хватались за любое предприятие, неутолимая, непреходящая жажда деятельности.

Т. Овручская
Витраж в школьном спортивном зале.
г. Нефтеюганск

Е. Ушаков
Панно
«Песнь об Иркутске»
в пассажирском аэропорту
Береста
Иркутск

■ *По выходе в свет «Истории государства Российского» Карамзина среди ее подписчиков числилось сорок москвичей и сорок иркутян.*

■ *Иркутский драматический театр, открытый в 1851 году, долго считался лучшим в Сибири.*

■ *Сразу после установления Советской власти иркутская интеллигенция, увлеченная революционными идеями, открыла в 1918 году в городе Народный институт изящных искусств и школу сценического искусства, созданную для того, чтобы «возвратить народу отнятые у него капиталом возможности и оздоровить искусство, влив в него организованные новой школой народные дарования».*

Ангел
XIX в.
Дерево, резьба, левкас, золочение

Богоматерь
Дерево, резьба, левкас, масло
XIX в.

Б. Бычков
Витраж «Октябрь»
в Краеведческом
музее. Стекло
Иркутск

Е. Ушаков
Панно
в Доме моделей
Береста
Иркутск

Сейчас в Иркутске в доме Трубецких открыт мемориальный музей декабристов, где устраиваются вечера с музыкой и чтением стихов. Эти вечера транслирует телевидение. И вся страна видит, как иркутский пианист исполняет вальс, сочиненный Павлом Пестелем на фортепиано, некогда принадлежавшем Волконским.

Иркутск первый из сибирских городов обзавелся настоящей картинной галереей.

Фрагмент
скульптуры
«Иоанн Богослов»
XVIII—XIX вв. Дерево,
левкас, резьба, масло

столько в целях незаинтересованного созерцания, сколько для ощущения причастности к человечески обжитой среде, для снятия, как говорят медики, последствий «северного напряжения», утомления от специфических условий здешнего образа жизни.

Так, в норильском Доме быта, спроектированном архитекторами как семиэтажная «машина для услуг», мы старались образными средствами воспроизвести эффект теплого паркового пространства, раскрытого в небо, окутанного листвой; в салоне ателье «Норильчанка» — дать возможность нашим модницам забыть о пурге на улице; в одном из заводских «домов быта» — обыгрывалась тема дороги, сборов в поездку. Использование эмоциональной режиссуры, или, как еще иногда говорят, театрализация пространства — вот путь, по которому, на наш взгляд, могут развиваться подобные интерьерные решения.

Художники Норильска более десяти лет связаны с Центральной экспериментальной студией СХ СССР. Творческие концепции, отрабатываемые на семинарах студии (при участии художников из самых разных городов страны), методический подход к решению средовых объектов — это также источники культуры формирования среды. Работая в творческих группах в Москве, в других городах, мы не имеем повода чувствовать себя оторванными от профессиональных центров, где формируются профессиональные нормы. Это очень важно, если помнить об удаленности сибирских городов друг от друга, о редкости наших творческих встреч.

Виталий Смагин

председатель правления Иркутской организации Союза художников РСФСР

В условиях новой, быстрорастущей Сибири проблемы формирования городской среды, ее соответствия складывающемуся здесь образу жизни стоят особенно остро. Огромные города и новые городские районы возникают на глазах одного поколения; индустриальное строительство своими однотипными блоками грозится стереть из памяти привычный образ сибирского города, связанный с традициями деревянного русского зодчества, барокко, классицизма, затейливой восточной декоративности. Возникает среда, требующая систематического и энергичного художественного вмешательства. Наши монументалисты, дизайнеры чувствуют себя объединенными одним общим делом — они имеют дело с «типовым» современным городом и одновременно — с вкусами и запросами горожан, с их потребностями в «формировании среды» жизни и деятельности.

Художникам всех специальностей приходится предлагать решения, так или иначе вплетающиеся в сложившуюся образную ткань города, согласующиеся или противоречащие ей и... мнению о ней коллег-архитекторов. Здесь говорилось об объединении усилий — но я сам три года проработал главным художником г. Иркутска и хорошо знаю, что до сих пор творческие задачи художника в городе и его творческие полномочия — вопрос весьма и весьма спорный.

Мы много спорим меж собой о синтезе искусств,— а разве согласованная работа главного архитектора и главного художника, их творческое взаимопонимание — не организационная основа синтеза? Будет ли главный художник по должности помощником главного архитектора или самостоятельной административной единицей — у него должны быть свои задачи и свои права. Потому что есть в жизни города такие стороны, где

Декабрист Константин Петрович Торсон, поселившийся в Акше, считая «здешний сибирский народ вообще ленивым», решил, что машина, облегчающая труд, будет иметь успех среди населения. И приступил к строительству молотилки. Однако этому начинанию не суждено было осуществиться по причине совершенного безразличия акшинских крестьян к техническому прогрессу. Раздраженный и обиженный Торсон писал Н. А. Бестужеву: «Ежели в Англии Арканта за изобретение Муль-джени едва не убили камнями, то мне должно считать себя благополучным, что за желание доставить машинную пользу им (то есть крестьянам.— *Ю. П.*) они не поступили со мной еще хуже...» Но все-таки он не унывает. Перебравшись в Селенгинск, Торсон приступает к осуществлению своего глобального плана механизации всей сельскохозяйственной отрасли. Он предполагает построить молотилку, веялку, крупчатку, а на вырученные от эксплуатации машин деньги «устроить большую мастерскую для приготовления разных земледельческих машин <...> ввести их в употребление в Сибири» [6]. А пока что, собравшись с последними средствами, он выстраивает молотилку. «По недостатку мастеровых, — рассказывал Торсон, — работа продвигалась до конца октября, машина была поставлена на берегу реки для удобнейшего подвоза хлеба. После нескольких проб, когда жители увидали в полной мере ее пользу... начали молотить хлеб, то люди, незнакомые в обращении с машинами, не замедлили ее сломать» [7]. Вообще Торсону не повезло, условия жизни в Восточной Сибири совсем не благоприятствовали его прогрессивным замыслам. Сложно было проводить механизацию в крае, «...где труд нипочем, где население бедно и редко, где огромные расстояния разделяют землепашца от машин, долженствующих обрабатывать произведения земли» [8].

Зато педагогическая деятельность декабристов была удачливее и имела широкое распространение. Ими были открыты школы в Петровском Заводе, Чите, Селенгинске, Минусинске, Тобольске и в других городах, а также во многих сибирских селах. Педагогической деятельностью занимались И. Д. Якушкин, И. И. Пущин, братья Беляевы, братья Кюхельбекеры, А. А. Поджио и многие другие.

Учебные программы декабристов использовали самые выдающиеся достижения русской и мировой педагогической мысли. Изначальная установка на тесную связь обучения с жизнью исключала возможность зубрежки, стимулировала рост интеллектуальных способностей учащихся.

Осознавая громадные возможности Сибири, декабристы полагали, что ее процветание и благоденствие должно быть достигнуто путем экономических реформ и повсеместного распространения образования. Известны многочисленные идеи, проекты и предложения, связанные с реорганизацией сибирской экономики и усовершенствованием различных ее отраслей. Сибиряк по рождению, декабрист Г. С. Батеньков писал, что Сибирь необходимо утвердить «как верную спутницу России и присоединенную некогда в качестве дикой и пустынной еще раз присоединить как образованную и прогрессивную» [9].

Обширная культурно-просветительская деятельность декабристов нашла благодарный отклик в народе; в Сибири сложился фольклор, в котором роль культурного героя принадлежит декабристу. Многочисленные сказания и легенды приписывают ему введение в обиход различных ремесел и начинаний. Существует целый ряд пословиц и поговорок, смысл которых остается загадочен вне Сибири: «Мастер на все руки, что барин», «То бестужевское начало», «От здешних бар идет». Парадоксальная, на первый взгляд, ситуация — барин, обучающий мужика работать,— таковой не осознается, что, конечно, свидетельствует о большей эмансипированности сибиряков (сравним, например, образ барина в русских народных сказках) и о простоте поведения самих декабристов: «На семейных праздниках крестьян, на вечорках декабристы были рядовыми участниками: пели, играли, плясали» [10].

Необычайная творческая активность и удивительная энергичность декабристов, проявлявшаяся в тяжелых условиях каторги и ссылки, связаны прежде всего со специфическими чертами самой культуры декабризма, сложившейся в первых десятилетиях XIX века [11]. Культуры, всемерно воспитывавшей и поощрявшей в человеке волевое, активное, действительное начало. В области революционной практики эта культура выражалась прежде всего в поступке, жесте, слове (деятельность Северного и Южного обществ). После высылки бунтовщиков в Сибирь и искоренения в России декабризма последний, лишившись своего революционного компонента, приспосабливается к новым условиям, по-прежнему определяя мировоззрение и поведенческие нормы декабристов.

Правда, теперь на смену действию — жесту приходит действование, то есть регулярная работа, ориентированная на постепенное исправление и смягчение социальных аномалий посредством длительного просвещения широких слоев населения. Можно сказать, что декабристы в Сибири отчасти возвратились к обширной программе Союза Благоденствия, предполагавшей продолжительную подготовку всего общества к принятию законно-свободного образа правления и конституционного порядка путем м и р н о г о распространения прогрессивных идей во всех сферах государственной и общественной жизни. Политическая свобода, представлявшаяся бесспорным результатом просвещения, соответственно, определяла и характер политической практики, важнейшими инструментами которой являлись такие культурно-этические категории, как знание, нравственность, истина. Таким образом, просветительская деятельность декабристов в Сибири, по-видимому, ими самими осознавалась как политическая. «Можно положительно сказать,— писал Басаргин, — что наше длительное пребывание в Сибири доставило в отношении нравственного образования сибирских жителей некоторую пользу и ввело в общественные отношения несколько новых и полезных идей» [12].

---

1 *Лунин М. С. Сочинения и письма. Петроград, 1923, с. 6.*

2 *Гирченко Вл. Декабристы братья Бестужевы в Селенгинске.— В кн.: Декабристы в Бурятии. Верхнеудинск, 1927, с. 2.*

3 *Там же, с. 3.*

4 *Декабристы Восточной Сибири.— В сб.: Иркутск, 1976.*

5 *Очерк впервые напечатан в «Вестнике естественных наук» в 1854 году, анонимно.*

6 *Дубровцев И. Ф. Декабрист К. П. Торсон в Забайкалье, с. 86.*

7 *Там же.*

8 *Там же.*

9 *Карцов В. Г. Декабрист Г. С. Батеньков. Новосибирск, 1965, с. 193.*

10 *Нубалов Б. Крестьяне Восточной Сибири и декабристы.— В кн.: Сибирь и декабристы. Иркутск, 1925, с. 35.*

11 *По этому вопросу см. статью Лотмана Ю. М. «Декабрист в повседневной жизни (Бытовое поведение как историко-психологическая категория)».— В сб.: Литературное наследие декабристов. Л., 1975.*

12 *Басаргин Н. В. Записки. М., 1872, с. 138.*

«Городок» устраивался так: в начале масленой деревенская молодежь принималась за устройство «городка», делала из снега на льду р. Енисея двое ворот одни против других, на небольшом расстоянии. Верхняя перекладина на воротах украшалась снежными фигурами казаков пеших и на лошади, с винтовкой за плечами. У ворот ставились снежные пушки и другие атрибуты крепостной защиты. На внутренней стороне других ворот делали из снега стол с полным собранием угощений, тут ставили графины и бутылки, закуски, пироги и т. д., но все из снега и льда.
В «прощеный день» часам к 3 собиралась около городка масса народа, нарочито приезжавшего из ближних деревень и города. Именитые горожане жертвовали устроителям города деньги на «угощение», т. е. на водку.

В. Суриков. Взятие снежного городка Фрагмент

Устроители еще проходили по рядам всех собравшихся зрителей с ледяными тарелками, собирая все на тот же «откуп».
Около ворот города с внешней стороны, по обе стороны, становились защитники с хворостинами и метлами в руках. Часто молодежь имела в руках трещотки. Напротив «защитников» в кошевках и верхом становились на порядочном расстоянии нападающие.
Перед началом боя «городничий» объезжал «город», чаще всего в телеге, чтобы виднее и слышнее было, смотрел, все ли в порядке, читал стихотворное произведение под названием:
Начатие и прибытие прошедшей масленицы
После прочтения этого произведения, чтения невыразительного и быстрого, временами скандировавшего, городничий на удобной рифме подавал знак и осаждающие стремительно бросались на приступ. Но гарнизон «города» не дремал: трещотки, крики, неистовое стеганье хворостинами и метлами немедленно пускались в дело; лошади нападающих горячились, вставали на дыбы, бросались в сторону зрителей, которые с криками и смехом шарахались от них.
Некоторые из осаждающих довольно скоро отступали, но настойчивые заворачивали своих лошадей, стегали их и опять бросались на «город», снова встречая град ударов и бойких насмешек над неудачей. Этот бой для многих участников оканчивался довольно серьезными ушибами и увечьями.
Битва продолжалась до тех пор, пока какой-нибудь смельчак не продирался сквозь толпу защитников и влетал в ворота, на взлете разрушая верхнюю перекладину. После этого все принимали участие в дальнейшем разрушении «городка». Это был конец. Победителя угощали вином и качали, а затем начиналось общее угощение и веселье участников боя. В это время «городок» доламывался и зрители разъезжались».

«Сибирская живая старина». Выпуск II. Иркутск, 1924.

удалился в себя и воздвиг там крепость, куда постороннему достучаться было непросто...

...Можно сказать, что во всех своих качествах, удачных и неудачных, плохих и хороших, сибиряк есть то, что могло произойти с человеком, за которым долго не поспевали ограничительные законы.
...Как европеец в Америке превратился в тип янки, так и русский в Сибири видоизменился в тип сибиряка, имеющего отличия и в психическом складе, и даже в физическом облике.

Простой мужик, устроившись на новом месте рядом с бурятом или тунгусом, сразу и без труда входил с ним в дружеские отношения, передавая ему свой опыт пахаря и мастерового и перенимая от него навыки в охоте и рыбалке, в знании местных условий и природного календаря. Ничуть не страдая своей избранностью (за русскими этого, кажется, и вовсе не водится), он стал родниться с аборигенами семейными узами и до того увлекся, что практика эта встревожила и правительство, и церковь. Еще в 1662 году московский патриарх Филарет взыскивал с сибирского архиепископа Киприана: «Ведомо нам учинилось и от воевод, и от приказных людей, которые прежде всего бывали в Сибири, что в сибирских городах многие служилые и жилецкие люди живут не христианскими обычаями, но по своим скверным похотям; многие де русские люди... с татарскими и с остяцкими, и с вогулицкими погаными женами смешиваются и скверная деют, а иные живут с татарскими некрещенными и деют с ними противность...» Нет ничего удивительного, что чем дальше в глубь Сибири, тем больше смешанных браков и тем заметнее азиатчинка в русских лицах. В Восточной Сибири, к примеру, едва ли не каждое четвертое или третье лицо — с раскосыми глазами и широкими скулами, что придает женской красоте новую очерченность и выразительную свежесть, отличающую ее от усталости и стертости красоты европейской. Сибиряк, получившийся от слияния славянской порывистости и стихийности с азиатской природностью и самоуглубленностью, быть может, как характер не выделился во что-то совершенно особое, но приобрел такие заметные черты, приятные и неприятные, как острая наблюдательность, возбужденное чувство собственного достоинства, не принимающего ничего навязанного и чужого, необъяснимая смена настроений и способность уходить в себя, в какие-то свои неизвестные пределы, исступленность в работе, перемежающаяся провалами порочного безделия, а также хитроватость вместе с добротой, хитроватость столь явная, что никакой выгоды от нее быть не может...

Не слишком склонный к абстрактным размышлениям, он тем не менее сосредоточен был на жизни шире, чем она включала его, и, оглядывая видимый мир, перебирая доступные памяти года, склонен был судить себя родовым судом, позволявшим видеть дальше и помнить больше. В этом смысле положение русского сибиряка можно назвать выгодным: за его плечами не стояла тьма веков, он мог еще дотянуться до первопроходца, занесшего сюда его фамилию, и, находясь там же, что и тот, легко представить его начальные труды и мысли. Без самоуглубленности подобные мысли человеку недоступны.

Соответствие сибиряка Сибири — вопрос отдельный, оно, похоже, еще только подготовлялось, человеческая природа неосознанно искала пути встать вровень со спокойным могуществом приютившей его страны, а у Сибири, надо полагать, не хватило времени, чтобы устроить на свой манер своего жителя, когда появилась новая сила — техника, стремительно возвысившая человека и тем самым невольно нарушившая их естественные связи.

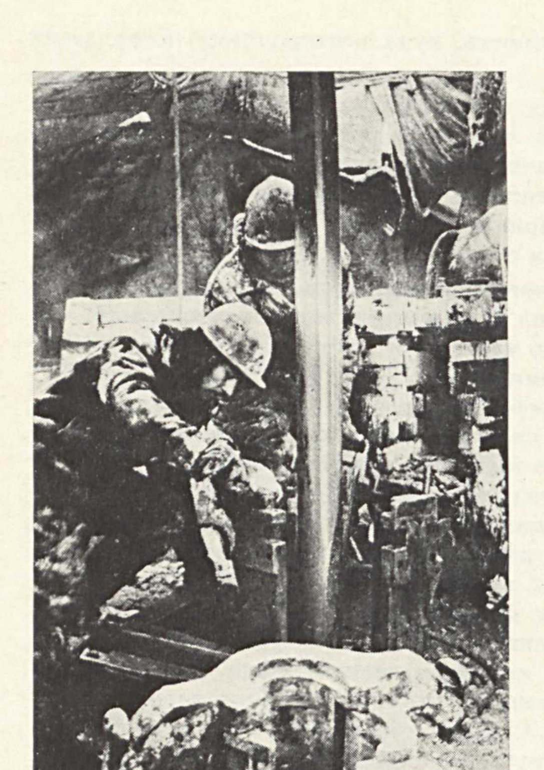
К чему, спросите вы, этот экскурс в прошлое Сибири и сибиряка? Не к тому, чтобы показать, что и мы, сибиряки, не лыком шиты, что нас голыми руками не возьмешь. И не к тому, чтобы сделать попытку доказать, что сибирская порода — нечто особенное, самое надежное и крепкое. Как бы ни хотелось обольститься подобным взглядом, он был бы неверен. Сибиряк нынче перестает существовать в своих прежних устойчивых чертах, доживая отличия, словно донашивая старую одежду; все, что формировали природа, отдаленность, самообеспечение, даже некоторый консерватизм, — все это мало-помалу приобретает общее выражение и перерождается на один лад. Хорошо это или плохо — другое дело, но такова реальность, с которой, хочешь не хочешь, приходится считаться. Сибирь перестала быть отдаленной неизвестной землей, сибиряк не без удовольствия натянул на себя все доспехи человека нынешнего века.

И в городе, и в деревне он сильно изменился, теперешний сибиряк. Но он все еще сибиряк, и тем сильнее он тоскует о потерянных своих качествах (для примера можно сослаться на героев из книг и фильмов Василия Шукшина), чем больше они были необходимы ему для крепости и надежности в жизни. Но именно это и дает надежду, что за оставшееся в нем «нутро» он станет держаться со свойственными ему упорством и упрямством.

*

От богатств самородных, лежащих на поверхности и близ поверхности, до богатств глубинных и производительных — все есть в Сибири, каж-

Окончание на стр. 44

художник является более компетентным специалистом,— целостный образный строй города, включающий в себя и сложившуюся образную среду, и произведения искусства, и системы визуальной информации и наглядной агитации. Сегодня архитекторы, кажется, мыслят город более как пространственную, чем образную структуру, они стеснены в выборе архитектурных средств — с этим ничего не поделаешь. Ну что же, давайте, казалось бы, вместе делать образ города средствами художественными? Но здесь-то и возникает главная трудность: утеря традиций образного зодческого мышления. Мне кажется, что это вопрос, который для Сибири, для успешного осуществления программы культурного развития имеет огромное значение. Ведь люди, живущие в городе, должны чувствовать, что это сибирский город, не только по климату... Но я вернусь к задачам главного художника.
Он должен проводить определенную художественную политику, влияющую на развитие образного строя имеющейся городской среды. Несколько лет назад мы пытались в Иркутске создать план развития монументально-декоративного искусства и наглядной агитации. Споров много было: архитекторы считали, что можно ограничиться списком предлагаемых работ и указанием их места на генплане города; мы настаивали, что это должен быть прежде всего художественный документ (может быть, он должен называться «художественный проект»): в нем будут выявлены характерные образные зоны, центры активного насыщения, основные художественно-исторические ценности среды; разработаны колористика и стилистика малых архитектурных форм; найдена образная режиссура, то есть чередование более или менее нейтральных зон — с зонами повышенной художественной насыщенности. Кроме того, казалось нам, такой художественный документ нельзя создать единовременно, должна быть постоянная работа по его совершенствованию — новшествами, находками, преемственностью. Эта работа должна вестись в связи с творческими союзами, с обществом по охране памятников истории и культуры, с общественностью города — без этого, кстати, работа главного художника вообще вряд ли может быть плодотворной.
Целостный образ города — общее достояние всех живущих в нем людей, часть их жизни, человеческой судьбы. И потому — явление культуры, о сохранении и развитии которого надлежит заботиться постоянно, не забывая, что формиро-

Из биографии хайтинского фарфора

Анна Парфененко

Сибирское фарфоровое производство ведет свою историю с XIX века. В 1866—67 годах на р. Хайтинке строятся корпуса и горны фарфоровой фабрики, а в 1869 году учреждается фирма «Фарфоро-фаянсовая фабрика торгового дома Переваловых». Выходцы из крестьян Данила и Филипп Переваловы быстро наладили производство фарфоровых изделий, и вскоре переваловский фарфор успешно конкурировал с изделиями фабрики М. С. Кузнецова. Владельцы фабрики, заботясь о квалифицированных кадрах, ездят по российским фарфоровым заводам, вывозят рабочих, художников, специалистов по приготовлению фарфоровой массы из Дулевского, Императорского фарфоровых заводов. Оседают здесь знающие дело и местные талантливые люди. Особого расцвета производство достигает в 70—90-е годы при Иване Перевалове. И. Д. Перевалов создает крупную торгово-промышленную фирму, сосредоточивая в своих руках производство и сбыт фарфора. Он вводит свои деньги — фарфоровые жетоны синего, зеленого и красного цвета различного номинала. Выплачивая заработок жетонами, Перевалов еще крепче привязывал рабочих к производству, так как только на фабрике и в лавках при ней имели хождение его деньги. Этот случай применения фарфоровых денег — единственный в практике России.
Изделия фабрики Перевалова отличались высоким качеством технического исполнения. Трудно найти черепок, равный по белизне и просвечиваемости хайтинскому. Объясняется это уникальными свойствами местной глины, беложгущейся, с высокой связывающей способностью и чистотой добываемого на Байкале кварца. Переваловский фарфор очень наряден, красив. Фигурная лепка краев и ручек, затейливая форма корпусов, роспись золотом, надглазурными и подглазурными красками завоевали изделиям популярность среди самых широких слоев населения. Хайтинский фарфор расходился по всей Сибири, появлялся на ярмарках, завоевал ряд призов и медалей на отечественных и международных выставках. Однако после 1907 года из-за нерадивого хозяйствования, устарелого оборудования фабрика постепенно пришла в упадок и к 1917 году стояла на грани закрытия.
В 1920 году фабрика была национализирована и частично реконструирована. К 1941 году выпуск фарфора увеличился

Чайный сервиз. Переваловский фарфор. Конец XIX в.

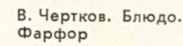
вдвое. Однако художественному фарфору в это время уделялось мало внимания. Перед заводом стояли другие задачи: необходимо было обеспечить население дешевой посудой, а также увеличить производство технического фарфора. В годы Великой Отечественной войны завод был почти полностью переведен на производство изоляторов и деталей машин, абразивных кругов.
Только в 1954 году завод обращается к широкому выпуску бытового фарфора. Предпринимаются попытки создания новых форм и росписей изделий, появляется стремление дать декоративное оформление, основываясь на местном, сибирском материале. В 1960 году на Хайтинском заводе была создана художественная лаборатория. С этих пор на заводе по-настоящему началась работа по созданию новых форм изделий. Художники стремились найти простые, технологичные, но образные и выразительные формы предметов. Большое внимание уделялось росписи изделий. Перед коллективом встала сложная задача — разработать новые темы и приемы росписи, создать «лицо» хайтинского фарфора.
Одной из первых сибирскую тему начала разрабатывать Н. Асямова. Еще в 30-е годы на ее изделиях появляются олени, соболь, лайки. Решенные в графической манере, рисунки художницы лаконичны и выразительны. Тематику Сибири, сибирского севера еще больше развила и углубила Д. Воронцова. Она создавала простые и оригинальные по форме скульптурки на северные и бурятские темы, широко вводила в декорировку изделий бурятский орнамент.
Живописная линия в оформлении изделий связана с именем Р. Алешиной. Работы Алешиной красивы, праздничны. Радуют глаз разнообразие росписи, мягкость и пластичность мазка. Любимая тема художницы — сибирские цветы. Она создала целые серии цветочных композиций, то ярких, насыщенных по цвету, то приглушенных, решенных в спокойной монохромной гамме.
К 70-м годам на завод пришло новое поколение художников, которые продолжают поиски, совершенствуют мастерство, развивают исторические традиции сибирского фарфора.

вание среды во многом определяет самоощущение человека, его гордость, что он живет в этом месте, а не в ином, то, что мы называем любовью к родному краю.
В последние годы заметную роль в решении сибирских средовых проблем стало играть художественное проектирование — дело новое, многообещающее, но и вызывающее самые противоречивые мнения. На прошедшей в 1982 году в г. Барнауле пятой выставке «Сибирь социалистическая» и в ходе подготовки шестой в г. Кемерове мы имели возможность познакомиться с интересными работами сибирских художников-проектировщиков из Барнаула, Иркутска, Кемерова, Красноярска и других городов.
Среди их авторов — много увлеченных специалистов, способных увидеть в машине, промышленном интерьере или городской ситуации художественную задачу, образно осмыслить ее, суметь реализовать и даже убедить в правоте своего подхода многих людей — и членов худсовета, и заказчиков, и коллег-соисполнителей. Правда, впоследствии нередко оказывается, что заказчик толком не понял, что к чему, и все ограничивается этой первой стадией... И тем не менее можно с уверенностью сказать, что потребность в художественно-проектных работах у нас в Сибири огромная, так что нечего сомневаться в нашей глубокой заинтересованности в развитии этого дела; пора подумать о том, как расширить фронт подобных работ, улучшить их качество, сделать их более эффективными. Здесь уже говорили, что сегодня при отборе этих работ на выставки возникает много трудностей — как, впрочем, и при приеме художников-проектировщиков в СХ СССР: постоянно приходится слышать вопрос — где же в проекте художественное, самоценное начало, что в нем показывает уровень художественной компетентности автора? Уровень взаимопонимания между художниками-проектировщиками и представителями других художественных специальностей оставляет пока желать лучшего. Видимо, какая-то доля вины лежит здесь и на нас, художниках: чувствуем ли мы вполне специфику нового вида деятельности, не находимся ли сами в плену старых представлений? Художественное проектирование, как и монументальное искусство, прикладное, городской дизайн, самодеятельное творчество — все это влияет на успех столь важного дела, как повышение качества среды обитания сибирских городов.
И все же, повторяю, без активной творческой постановки образных задач архи-

В. и С. Лозинские
Сервиз для пельменей
Фарфор

В. и С. Лозинские
Вазы «Таяние снегов»
Фарфор

В. Чертков. Блюдо.
Фарфор

В. и С. Лозинские
Чайный сервиз
«Соболиный край»
Фарфор

Хайтинский
фарфоровый завод

Художники из Хайты

Нонна Верховская

Последнее десятилетие было для хайтинского фарфора периодом активного художественного самоопределения. В начале 1970-х годов, с уходом зрелых, опытных в фарфоровом деле художников, в Хайте сложился новый творческий коллектив, объединивший выпускников Одесского и Иркутского художественных училищ. Его ядро составили наиболее талантливые и инициативные художники: Виктор и Станислава Лозинские и Владимир Чертков. Молодых художников, влюбленных в свой край, горячо увлеченных всем, что связано с его историей и бытом, не удовлетворял проторенный путь подражания стереотипу общероссийского стиля. Им хотелось, чтобы сибирский фарфор по-особому звучал в многоголосом хоре русского фарфора, выделялся в нем своей темой.
Хотя восприятие фарфора и отношение к нему у Виктора и Станиславы Лозинских разное, в искусстве они единомышленники.
В отличие от своих предшественников, Лозинские видели путь к самостоятельности не в смене декора и сюжетов росписи, а в новизне формы — первооснове керами-

тектуры и градостроительства наша работа нередко лишается главного — комплексности. А ведь именно к этому призывает нас программа культурного развития.

Анатолий Алексеев

народный художник РСФСР, член-корреспондент Академии художеств СССР

Традиционное изобразительное искусство Сибири имеет многовековую историю, а вот профессиональное формируется в общем-то на наших глазах. Не все его виды равномерно укоренились в разных краях и областях, не везде оно находится на уровне задач, стоящих перед сибирской культурой, и все же мы можем сказать: у нас есть силы, накоплен творческий потенциал для участия в осуществлении программы «Сибирь». Нашей иркутской организации СХ РСФСР в 1983 году исполнилось 50 лет. Она выросла, пожалуй, на наиболее плотной в Сибири художественной почве: в Иркутске находится самое богатое за Уралом собрание произведений изобразительного искусства, складывавшееся с 70-х годов прошлого века. Классы рисования и живописи, на основе которых возникло нынешнее художественное училище, были открыты в 1910 году. Многие художники тогда связали свою творческую судьбу с Иркутском. И все же наша история — это история советского изобразительного искусства.
Особенно активная жизнь началась у нас в 20-е годы и затем — когда был сформирован СХ РСФСР и из Москвы и Ленинграда стали приезжать художники-энтузиасты. Тогда мы впервые почувствовали, как важна работа в высокой творческой среде, позволяющая избегать опасности застоя и провинциализма.
К сожалению, встречи эти впоследствии стали реже — но теперь, когда у нас на Байкале открылся прекрасный Дом творчества, к нам вновь будут приезжать и наши российские художники, и гости из-за рубежа. Разреженность художественных событий, редкие профессиональные контакты расхолаживают, тормозят движение вперед. Мы придаем им очень большое значение и ждем к себе в гости представителей всех видов и жанров нашего искусства.
Громадную роль в развитии сибирского искусства играют зональные выставки «Сибирь социалистическая». До них мы мало знали, что делается в соседних центрах, не имели возможности обсуждать общие для нас художественные проблемы. Теперь мы уже ставим воп-

---

ческого искусства. Истоки нового стиля Хайты они искали в характере старых местных образцов, поразивших художников своей необычностью. В ослепительно белой и пластичной массе округлых кувшинов и чайников, почти прозрачной и чуть зеленоватой в просветах затейливого рельефа, Лозинские заново открыли для себя красоту и возможности традиционного материала. Однако первые сервизы Лозинских, при всем изяществе силуэта, отличались сухостью линий и однообразием деталей. Фарфор, хранившийся в заводском музее со времени Переваловых, долго не открывал художникам секрет своего очарования.
Освоить и творчески переосмыслить это историческое наследие помогла хайтинским художникам Лидия Владимировна Андреева, московский искусствовед, историк отечественного фарфора, посетившая Хайту в 1977 году. Она предложила Лозинским совместно работать над восстановлением «фирменного» сервиза Переваловской фабрики. Эта работа стала для Виктора и Станиславы увлекательным процессом познания законов материала и тонкостей профессионального мастерства, приобщением к высокой художественной и технической культуре, во многом утраченной современным фарфоровым производством. Она изменила творческий метод Лозинских. В создании образа вещи они отказываются от прежнего открытого изобразительного хода, применяют более сложные художественные приемы, моделируя форму собственно конструктивными и скульптурными средствами. В текучей пластике набора для пельменей и чайного сервиза «Лена», в мягком переходе линий и объемов ощущается пульсация массы, передающая внутреннюю жизнь материала. Легкая и нежная цветочная роспись Станиславы свободно и непринужденно ложится на фарфор. Она заполняет пространство белого фона то отдельными ветками, подобно русским «прозолотным» рисункам, то изящными розовыми бутонами и цветами багульника, собранными в медальоны и гирлянды. В светлую цветовую гамму, заимствованную у небросклй северной поросли, художница деликатно вкрапливает серебристый, зеленоватый и золотистый люстр, придавая ей легкость и воздушность.
Более смело решают Лозинские тему природы в декоративных произведениях. Художественно трансформируя образ вещи, они укрупняют формы, предельно насыщают цвет, придают пейзажам панорамность, присущую сибирским просторам.
Деятельность Лозинских не ограничивается производственными проблемами. Наряду с созданием нового ассортимента для завода они готовят творческие работы для выставок и конкурсов, пробуют свои силы в техническом творчестве, дизайне, занимаются оформительским искусством. Их достижения отмечены бронзовой медалью ВДНХ, премиями ЦК ВЛКСМ и Министерства культуры СССР.
Творческая судьба Владимира Черткова, тонкого и многогранного художника, была непростой. Удачи сменялись периодами сомнений в истинности своего пути. Первые работы, выполненные Чертковым на Хайтинском заводе, принесли ему признание и успех. Его роспись на чайниках и блюдах привлекала яркой и броской манерой, идущей от народных и массовых видов искусства: лубка, плаката и агитационного фарфора. Она подкупала своей наивностью, прекрасно передающей дух красочного сибирского быта. В последние годы художественное мировоззрение художника и его манера, последовательно впитавшие различные принципы декоративности в любом их проявлении, от народной игрушки до японской гравюры, неузнаваемо изменились. Постоянная серьезная работа в области рисунка, вдумчивое отношение к своему жанру привели Черткова к отказу от внешне эффектного, но поверхностного стиля, определили его переход к чистой графике.
Последние работы Черткова — это лирические пейзажи, монохромные натюрморты, портретные миниатюры, тонкая геометрия орнаментальных рисунков.
Так разными путями хайтинские фарфористы идут к общей цели. Успехи молодого коллектива, наращивание его творческой активности убеждают в том, что время, отсеяв наносное, довершит кристаллизацию самобытного стиля хайтинского фарфора.

На Богашевском керамическом заводе

В. и С. Лозинские
Кухонный набор.
Фарфор
Хайтинский фарфоровый завод

Для интерьеров и выставок

Борис Бычков

Декоративно-прикладное и монументальное искусство Сибири еще очень молодо. Так, в Иркутске до начала 60-х годов этот вид творчества практически не развивался: не было художников-специалистов, существовавшие в прошлые века на территории Иркутской области очаги народного искусства до наших дней не дошли. И только начиная с 60-х годов в Иркутск стали приезжать художники декоративно-прикладного и монументального искусства. Тогда же в Иркутском училище искусств было открыто декоративно-оформительское, а несколько позже — керамическое отделения.
К началу 70-х годов в творческую жизнь города начали включаться выпускники керамического отделения училища. Художники Л. и С. Назаровы внесли большой вклад в развитие художественной керамики, работая на Ангарском керамическом заводе; помимо образцов для массового производства они разработали много изделий декоративных, уникальных. В Братске плодотворно работает А. Иванов, который занимается в основном созданием декоративных изделий, ансамблей для оформления общественных интерьеров города.

рос о создании постоянно действующего органа, в рамках которого можно было бы анализировать творческую ситуацию, совместно вырабатывать художественную политику и следить за ее осуществлением. Зональный выставком собирается все-таки редко и имеет другие задачи — отбор произведений, формирование экспозиции. А есть более общие вопросы, требующие систематического осмысления. Вот в Красноярске возникло впервые в Сибири высшее художественное училище. Планируется открытие мастерской Академии художеств. Хотелось бы обсудить направление их работы, понять пути сотрудничества с другими творческими союзами, с сибирскими учеными.

Вопрос — на что в первую очередь должны быть нацелены наши творческие силы, что может обеспечить их скорейший рост, может быть, главный в нашей работе. Каких-нибудь 20—25 лет назад во многих городах Сибири своих художников не было. Приходилось без особого разбора набирать в организации СХ СССР людей, приезжавших из разных городов европейской России, представителей разных школ, традиций. Там, где, как в Иркутске, была своя художническая традиция, развитие организации шло более или менее органично. А вот в других городах ускоренное комплектование сыграло отрицательную роль: в состав Союза вошло много творчески не сформировавшихся людей, которые не дали себе труда расти дальше. Сейчас все согласны, что политика широкого допуска исчерпала себя, что нужно быть строже (например, требовать участия в республиканских выставках большими, серьезными произведениями), но это — лишь одна, организационная сторона дела. Ею творческого роста еще не обеспечишь. Поэтому снова встает вопрос об истоках творчества, о связях его с более глубокими художественными традициями.

Вас, наверное, больше интересует положение декоративно-прикладного искусства. Мне кажется, что у нас в Сибири им еще творчески не освоены, не затронуты целые пласты народной культуры. А ведь в традициях коренных сибирских народов и переселенцев есть для этого искусства глубокие исторические корни. Но так уж получилось, что в большинстве районов Сибири в первые, самые трудные десятилетия Советской власти многое было утрачено: сошли на нет местные промыслы, перевелись мастера, преемственность оказалась нарушенной. Нам ясно, что местные художественные традиции могли бы много дать и собственно прикладному искусству, и другим жанрам. И прежде всего — стилистическое своеобразие, неповторимость, творческую, да и личную, самостоятельность. А то ведь как получается: побывает художник в Прибалтике или Молдавии — и его не узнать, он уже другой. Нет, я говорю не о естественных для всякого творческого человека впечатлениях, а о поверхностно заимствованных приемах, темах, материалах. Тяга к определенности оборачивается чужеродностью; он и сам потом года три мучается, изживает случайно вобранное в себя, теряет время, пока снова не прислонится к своей почве.

У нас в Сибири издавна были в большом ходу художественно обработанные кожи, дерево, глина, меховые изделия, резьба по камню, войлоки. Недавно прошла в Иркутске великолепная выставка традиционного прикладного искусства, где мы имели возможность еще раз убедиться в богатстве нашего художественного прошлого. На каждой большой выставке мы теперь показываем самобытное творчество тувинских камнерезов. А в 1982 году в Барнауле благодаря усилиям художника-энтузиаста Ф. Торохова мы увидели алтайские войлоки-сырмаки. Это очень древнее искусство, дожившее до наших дней. Как оно укра-

---

Художники Н. и А. Лодяновы посвятили свое творчество работе в камне; их ювелирные изделия из нефрита, лазурита, чароита, сердолика экспонировались на многих выставках. Художники ищут свой собственный стиль, свой язык выявления декоративных особенностей камня.

Группа иркутских художников выполняет работы в технике гобелена и батика. Многие из них используются в оформлении общественных интерьеров, среди них гобелены для банкетного зала гостиницы «Интурист» в Иркутске, выполненные по проекту и при участии В. Смагина, гобелен «Весна на БАМе» В. Смагина, гобелены «Байкал» и «Поля Приангарья» А. Медведева, батики «Байкал» Е. Петровой для ресторана «Байкал» и другие.

Работы из стекла для серийного и массового производства выполняет на Тулунском стеклозаводе Б. Бычков; этот художник также работает и над декоративными композициями из стекла и хрусталя для выставок и общественных интерьеров—композиции «Посвящение женам декабристов», «Энергетика Сибири», «Стройки Сибири», «БАМ строится», композиция из цветного стекла и латуни «Дружба — Найрамдал», витражи: «1917 год» — для краеведческого музея, «Иркутск» — для гостиницы «Интурист» в Иркутске. Для ресторана «Интурист» выполнена композиция «Рождение кристаллов» из различных сибирских минералов и латуни.

В необычном для монументального искусства материале работает художник Е. Ушаков: он выполняет декоративные композиции в технике пластинчатой мозаики из бересты. Красивые, благородные сочетания цвета, богатство фактуры бересты органично входят в интерьер. Е. Ушаков создал большую композицию на тему «Байкал» в интерьере кинотеатра «Баргузин», композицию «Старый Иркутск» в Доме быта, фриз в Доме моделей, а также четыре композиции на тему «История Иркутска» в здании аэропорта города.

В различных материалах работает художник В. Смагин. Помимо названных ранее работ в гобелене В. Смагин в соавторстве с архитектором В. Федориным разработал проект Мемориала, посвященного воинам-иркутянам, погибшим в годы Великой Отечественной войны; проект оформления ресторана «Ангара», где использованы смальтовая мозаика, витраж, кованый металл. Художником также выполнены росписи в ТЮЗе, в молодежном кафе. Наиболее значительная работа В. Смагина — трехчастная роспись в вестибюле Дворца спорта на тему «Содружество». Торжественная по настрою композиция органично входит в довольно сложную архитектурную среду.

В 70-е годы возник творчески активный коллектив художников-монументалистов и прикладников в Братске, которые на высоком профессиональном уровне выполнили оформление различных общественных организаций города.

В Томской области работает хорошо известный в крае Богашевский керамический завод, производство которого основано на местных белых глинах. В последние пять лет художниками завода Н. Кириленко, Н. Арвентьевой, Т. Васильевой и другими ведутся поиски художественного стиля богашевской керамики на основе изучения богатой природы, растительного мира Сибири. Успехи этого коллектива в создании расписных декоративных изделий и их серийного тиражирования несомненны.

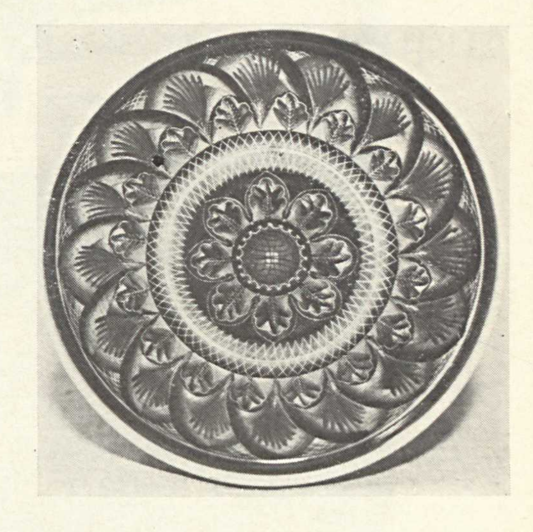
В настоящее время в Иркутске и Иркутской области насчитывается всего около десяти членов Союза художников — монументально-декоративного и прикладного искусства. По масштабам Иркутской области это очень мало.

Неоднократно ставился вопрос об открытии в Иркутском училище искусств факультета по художественной обработке дерева, камня, металла. Наличие специалистов, работающих в этих материалах, позволило бы развивать традиционные виды декоративного искусства на основе местной богатой сырьевой базы. Но пока это предложение не реализовано.

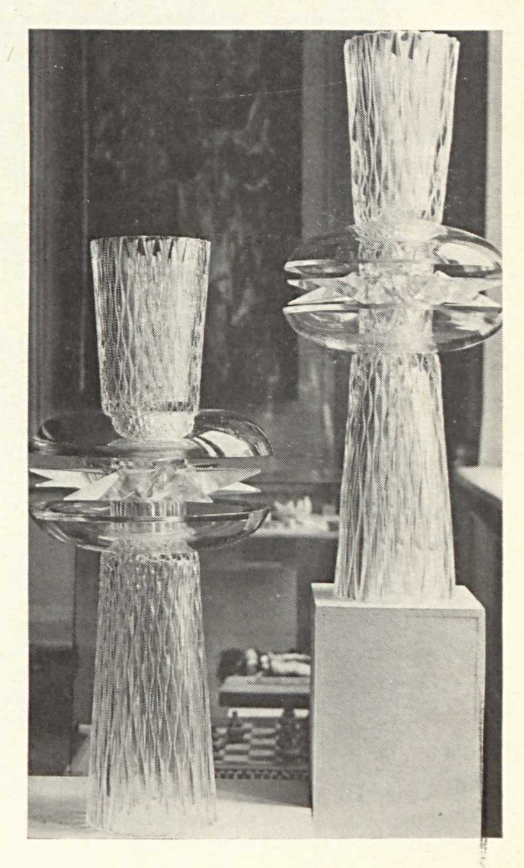
Не менее важный вопрос — формирование творческого мировоззрения художников. Часто выполняя работу о Сибири и сибиряках, художники приходят к решению темы упрощенно, используя стереотипные схемы, упирая на «экзотику», наполняя произведения примитивными, шаржированными персонажами.

Вклад художников декоративно-прикладного искусства в культуру Сибири пока еще незначителен. Произведений, отражающих жизнь современной Сибири, формирующих средствами искусства окружающую среду, еще недостаточно по сравнению со все более возрастающими потребностями. И сейчас, когда поставлена задача превращения Сибири в край высокой культуры, вопрос о количественном и качественном росте произведений монументально-декоративного и прикладного искусства особенно важен.

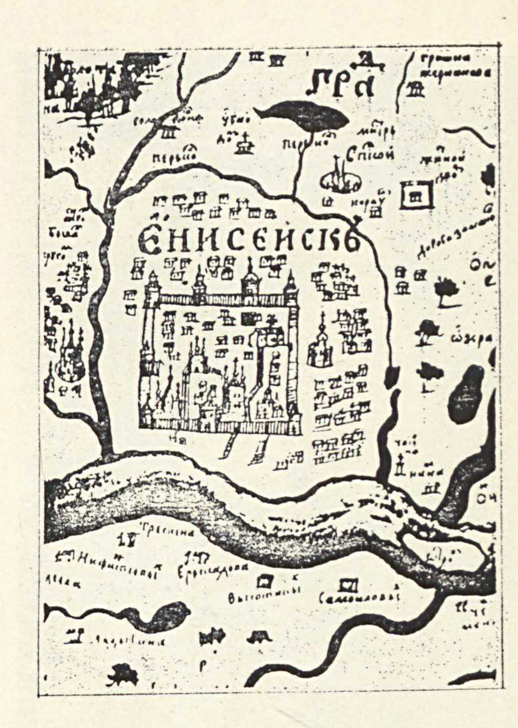
Н. Арвентьева
Декоративное блюдо
Керамика
Богашевский керамический завод

Б. Бычков
Декоративная композиция
«Энергетика Сибири».
Хрусталь. Иркутск

План Енисейска из «Чертежной книги Сибири» С. Ремезова Конец XVII в.

Енисейск — город исторический

Юлия Гринберг,
Инна Роднянская

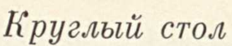
В числе десятка лучших городов России называли в XVIII веке Енисейск. Первое крупное русское поселение на великой реке, он почти полтора века был «главными воротами» в Восточную Сибирь и «отцом» почти всех старинных городов между Енисеем и Охотским морем. Красноярск и Иркутск, Нерчинск и Братск, Канск и Якутск основаны енисейскими казаками. Ни одна землепроходческая экспедиция, ни один посольский обоз в Китай на протяжении XVII и XVIII веков не миновали Енисейска.

Заложенный в 1619 году на левом берегу Енисея, неподалеку от впадения в него Ангары — главного пути к востоку,— город рос удивительно быстро. Место размещения острога, названного вначале Тунгусским, предопределило расположение городского центра и направление его развития параллельно берегу реки, вдоль главной проезжей дороги.

Закаленные и смелые мастеровые люди шли в неизвестные дали приенисейской тайги. Они несли строительные и художественные традиции русских зодчих-градоделов и плотников, принесенные из разных краев России отцовы и дедовы, веками отработанные приемы и секреты ремесла.

Уже в 1635 году, через 16 лет после основания, Енисейск получает свой первый городской герб и печать: «два соболя, а меж ними стрела, внизу лук»... Однако богаты были тунгусские края не только «мягкой рухлядью» — пушниной, но также дичью, рыбой, прекрасным строевым лесом. Скоро стали появляться здесь и соляные варницы, открываться рудные залежи. Еще древние местные племена добывали и бронзу, и железо — теперь железоделательное ремесло широко и успешно возрождалось.

В «Краткой летописи Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии 1594—1893 гг.», составленной А. И. Кытмановым, основателем местного музея, под 1695 годом сообщается: «В Ени-

сило «Сибирь социалистическую»! Не берусь судить, в какой степени оно повлияет на творчество сибиряков, но это крепкая местная традиция, чего не скажешь о батике или гобелене.
Спрашивается: что же мешает художникам найти себя в богатейшем материале сибирской художественной традиции? Наверное, мало увидеть раз-другой и увериться, что живешь не на пустом месте. Должна возникнуть художественная заинтересованность предметом, нужно полюбить и почувствовать его, найти близкие себе ростки художественного образа, и тогда получается не еще один формальный прием, а органическое расширение, новая черта творческого самовыражения. Давно известное, но непростое, как оказывается, дело.
После постановления о развитии народных художественных промыслов мы в Иркутске на заседании областного выставкома смотрели много образцов для местных промыслов и часто поражались, как мало используется то, что у нас уже есть в экспозициях и запасниках музеев. Почему художникам вовремя не были привиты навыки обращения даже с традиционными материалами? Теперь у нас уже есть решение Министерства культуры РСФСР об открытии в Иркутском художественном училище отделения народных художественных промыслов. Дело можно будет поправить.
Есть и вопросы, требующие теоретических размышлений. Куда как легче искать национальные корни прикладного искусства в местах с одной, определенной этнической культурой — в прибалтийских или закавказских республиках, на рязанской или владимирской земле. А на какой основе развивать народные промыслы у нас в Сибири — с ее тридцатью коренными народами и множеством пришедших? На что ориентировать молодых прикладников? Мы ждем от искусствоведов и историков искусства помощи в ответах на эти вопросы — на обсуждениях наших выставок, на страницах «ДИ СССР».

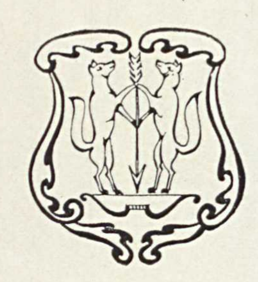
Борис Угаров

народный художник СССР, президент Академии художеств СССР

Я хотел бы напомнить, что открытие в 1985 году в Красноярске живописной мастерской Академии художеств — лишь первый шаг в организации нашего Сибирского отделения.
Президиум Академии художеств СССР определил, что вслед за этим в Красноярске будут открыты мастерские скульп-

Богоявленский собор в Енисейске

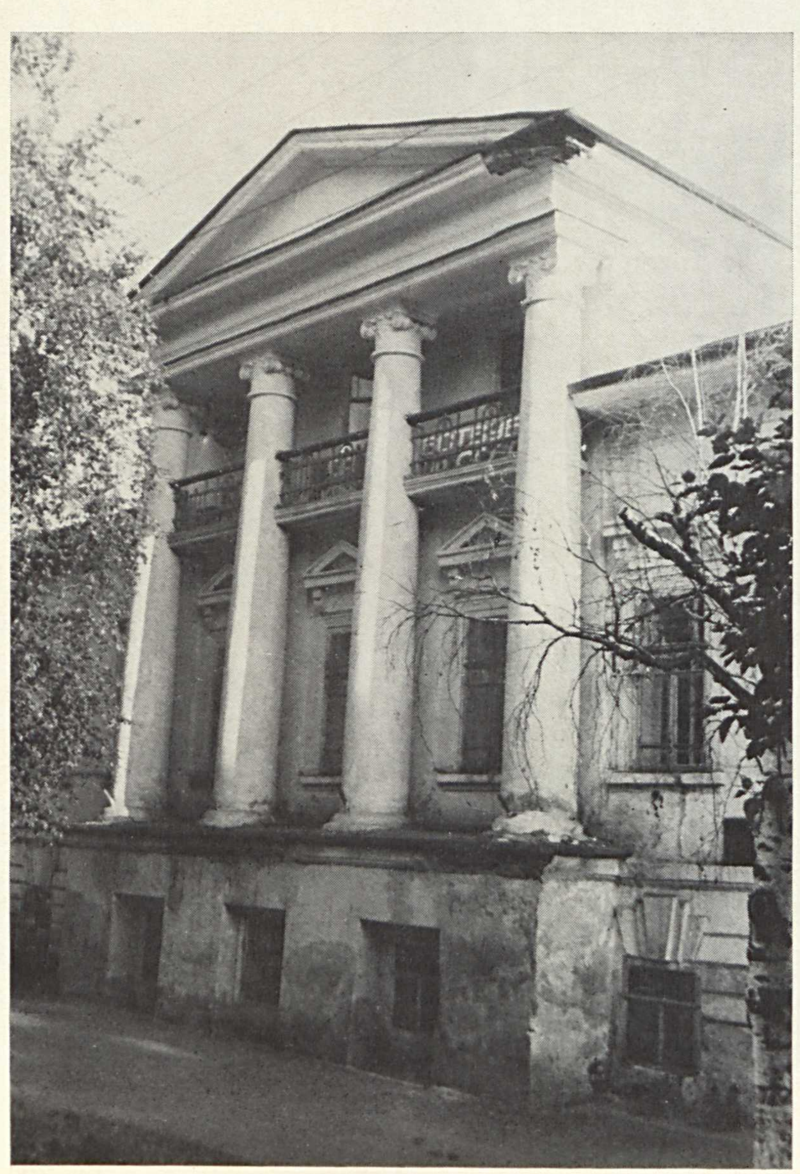

Первый герб Енисейска. Восстановлен по описанию и изображениям на печати

Б. дом купца 1-й гильдии Дементьева 1830-е годы

Ограда работы местных кузнецов

туры, графики, архитектурно-художественного проектирования. В дальнейшем возникнет академический институт, где на факультетах живописи, скульптуры, графики, архитектуры и искусствоведения сибиряки получат основательное художественное образование. Будет создан большой художественный музей. На базе этих учреждений к 90-му году сложится академический комплекс, который даст возможность не только готовить творческие кадры для Сибири, но и практически работать над комплексными проблемами формирования среды — на основе синтеза архитектуры и искусства. Решение перечисленных задач и создаст предпосылки для образования Сибирского отделения Академии художеств. Я думаю, что это реалистическая и очень перспективная программа, к осуществлению которой нужно приступать безотлагательно.
Ведь движение за превращение Сибири в край высокой культуры вовсе не случайно: оно выразило назревшую потребность в сомасштабном Сибири подходе к вопросам культуры. От постепенного накопления культурного потенциала необходимо перейти к интенсивному развитию. А для этого в первую очередь нужно создать здесь свои творческие центры, художественно-производственную базу, развернуть подготовку творческих кадров высокой квалификации.
Да, в Сибири открываются университеты и институты, театры и филармонии, художественные училища. Но все же врастание искусства в повседневную жизнь идет тут медленнее, чем хотелось бы, да и то, в значительной степени, с помощью других регионов страны. Сегодня мы уже не можем полагаться на подготовку будущих сибирских художников только в столице или иных культурных центрах. Задачи, стоящие перед культурой Сибири, будут решаться успешно и органично лишь в случае, если ее творческие силы в основном будут взращиваться на самой сибирской земле.
Самое главное — речь тут идет не только об организационных новшествах, но и о перспективах развития нашего искусства. Сибирская природа, трудовые свершения, сама жизнь сибиряков — все это должно дать изобразительному искусству новые творческие импульсы, такие темы и сюжеты, которые существенно обогатят современную художественную летопись страны.
Укрепляя здесь академические основы образования художника, мы, таким образом, заботимся о советском реалистическом искусстве в целом. Высокое мастерство, утверждение реалистических принципов образного отражения действи-

---

сейске развито железное производство, и местная руда служит для выплавки железа. Местные кузнецы выделывают разные железные поделки: заступы, скобели... подковы, гвозди, крючки для рыбной ловли и прочее... В числе енисейских кузнецов были Ивашка Шадра, Нилка Кувакин, Якушка Тауснев...»
Со временем расширялся ассортимент изделий, росло число кузниц у реки Мельничной, на окраине города. О мастерстве кузнецов сейчас можно судить как по экспонатам музея, так и по сохранившимся в городе оградам, балконным и парапетным решеткам домов, кованым дверным полотнам старых лавок.
Плотничьи артели не только ставили избы, различные общественные и торговые здания, выразительные по силуэту церкви, оборонительные стены и башни — в течение XVII — начала XIX века изготавливали они кочи и дощаники, баржи и другие небольшие суда на верфях в устье речки Мельничной. Обеспечивали «мастера судового дела» нужды всех «водяных путешествий по Восточной Сибири».
Далеко шла слава енисейских рукодельниц и золотошвеек из женского монастыря. Работали в городе свои иконописцы и резчики, гончары и кожевенники.
Богатейшие августовские ежегодные ярмарки собирали в Енисейск купцов и покупателей Русского Севера и Астрахани, Иркутска и Москвы, Красноярска и Кяхты. Интересно, что завозилось для продажи в Енисейск довольно много по тем временам книг для чтения и учебников. Бойко шла торговля и товарами «заморскими».
В 1675 году Енисейск именуется уже областным городом, управляет «всеми водворениями на Ангаре, Енисее и Забайкалье», а в 1718 году он стал административным центром одной из сибирских провинций, и были тогда Томск и Красноярск у него в подчинении.
Крупные посады выросли с юго-запада от перестроенного острога и на восток от него, за речкой Мельничной. С середины XVII века стали формироваться у главных въездов в город комплексы монастырей, вначале деревянные. Зажатый на невысоком гребне между Енисеем и болотистой низиной, линейно рос город, постепенно формировалась его двухплановая панорама — речной фасад. Свободный веер улиц вливался в главную, обеспечивая краткие пути и соответствующие им визуальные связи между высотными ориентирами — культовыми зданиями. На протяжении второй половины XVIII века, в основном на местах сгоревших деревянных церквей, поднялись каменные церкви и соборы Енисейска, закрепив узловые точки его планировочной структуры, став основой пространственной композиции, главными акцентами исторического центра.
В своих путевых заметках от 21 сентября 1913 года Фритьоф Нансен отмечает роль нарядных силуэтов культовых зданий Енисейска в восприятии города с реки (его «Омуль» подходил к причалу с севера): «...Около часу дня мы начали различать колокольни, а по мере приближения над рекой стали вырастать зеленые и золотые купола и белые стены церквей. Я не знаю, сколько именно церквей в городе, но я насчитал их не меньше 12—13». Знаменитый полярный путешественник не ошибся — 12 церквей и соборов на три с половиной километра береговой линии являли собой сказочно неожиданное зрелище города на лесистых берегах могучей реки.
Оживал город после частых здесь наводнений, после пожаров, поднимался на старом, привычном месте, лишь спрямляя постепенно свои улицы по требованиям «регулярства» русских городов, привычного после возведения основных построек Петербурга.
...Но вот прошел, минуя Енисейск, московско-сибирский тракт (правда, с ответвлением на Енисейск), а потом и железная дорога — южнее, через Красноярск, и стал превращаться славный древний город в «глубинку», замер в своем росте и развитии, лишь недолгий период «золотой лихорадки» середины XIX века потряс Енисейск, его степенную, размеренную жизнь, но не вернуло и это былой славы первого города Восточной Сибири.
Большое количество памятников истории, связанных с освоением края, с пребыванием декабристов, пролетарских революционеров, большевистской фракции IV Государственной думы, деятельностью первых Советов и героической борьбой с колчаковщиной, вместе с архитектурным наследием XVIII — начала XX века составляет главное достояние этого тихого небольшого города, отметившего недавно свое 360-летие.
В 1970 году Енисейск в ряду 115 городов и населенных мест республики получил официальный «титул» исторического.
Увы, ритмический строй силуэта Енисейска нарушен значительными утратами, однако уцелевшие объемы культовых зданий еще «держат» пространство городского центра, возвышаясь над невысокой, разреженной застройкой. Возможность восстановления части визуальных связей между главными ориентирами, цельность практически не нарушенного масштаба и структуры исторического центра, широкие развороты на речные просторы — ценнейшие качества городской среды Енисейска, требующие тактичного освоения и преемственного развития.
Сравнительно хорошо сохранившийся комплекс Спасского монастыря и четыре церкви, дошедшие до наших дней с различной степенью утрат, являют собой неповторимые образцы местной школы барокко. Построенные в XVIII веке, они близки русским храмам XVII века по планировочно-пространственной структуре и живописности декора, а украинским — характером многоярусных, пышных завершений. Однако своеобразие в сочетаниях различных приемов, самобытность трактовки деталей и использование местных орнаментальных мотивов выделяют сибирское барокко в самостоятельную восточную ветвь этого стиля. Енисейские мастера, обучившись у приезжих тобольских «уставщиков», сами затем не только свои каменные постройки возводили, но и обеспечивали фигурным кирпичом и мастерами большую округу — и в Красноярске строили первые церкви, и в Кежме на Ангаре.
Работы реставраторам много. Покалеченная колокольня Богоявленского собора (1730—1740 гг.) встречает гостей Енисейска, прибывающих водным путем. Наполовину разобранный, собор поражает совершенством форм и богатством декоративного убранства из тесаного кирпича и керамических вставок. Сейчас здесь находится городская котельная. Воскресенская церковь (1747 г.) отмечает устье Мельничной и сохранила только объем с апсидой, завершенный высоким восьмигранным сводом. Ее окружают постройки механического завода, и сама она служит кузнечным цехом. Между этими двумя культовыми зданиями размещается заповедная древняя часть городской территории.
Глубинный ряд ориентиров представлен двухэтажной Успенской церковью на са-

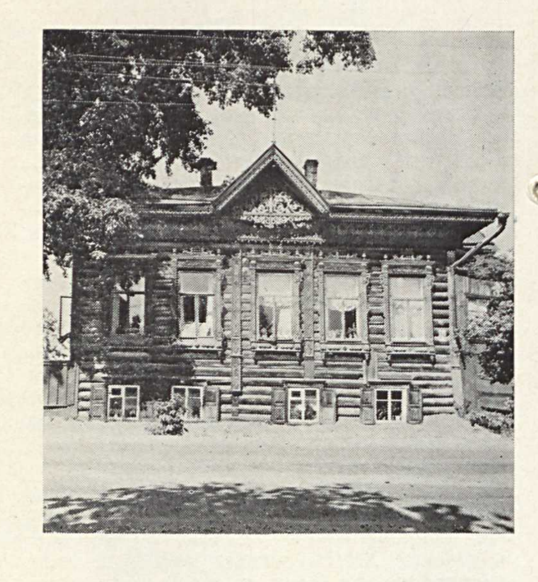
тельности — во всех видах изобразительного творчества — цель и смысл академической художественной школы. Ведь дилетантизм, как и формализм в искусстве, какую бы социальную активность автор ни имитировал, несовместимы с социалистическим реализмом.
Это безусловно относится не только к станковым видам искусства (живописи, графике или скульптуре), но и к декоративно-прикладному творчеству, а также к художественному проектированию.
Потребность в выразительных художественных образах — это потребность самой жизни. В последнее время много говорят о формировании художественно полноценной окружающей среды, о роли художника как ее творца, о социальной и идейно-эстетической значимости ее образности. Говоря о широком привлечении к практическому решению этой актуальной задачи художников, мы имеем в виду архитекторов и мастеров изобразительного, декоративно-прикладного искусства, а также художественного проектирования. Жестких разграничений здесь, как мне представляется, быть не должно. Мы все создаем единый стиль — стиль нашего времени, нашего образа жизни и достойной великих свершений советского народа окружающей среды.
В Сибири, где идет такое широкое строительство, вопросам быта и благоустройства нужно уделять особо пристальное внимание. Развитие социалистического общества, рост благосостояния советского народа достигли сегодня такого уровня, что мы уже не можем и не должны мириться с жизненными неудобствами. Характерное для развитого социализма соединение достижений научно-технической революции с преимуществами нашего строя надо осуществлять не только на производстве, но и в быту.
В этой работе многое зависит от уровня художественной культуры. Ее подъем в Сибири — вот чего мы, в конце концов, добиваемся.

Влаиль Казначеев

академик Академии медицинских наук СССР, директор Института клинической и экспериментальной медицины СО АМН СССР

Все мы, говоря о перспективах развития сибирской культуры, в конечном итоге думаем о человеке, во имя и на благо которого трудится наша страна. Сибирь дает для такого размышления особо много поводов: ведь говоря о ней, мы имеем в виду не только гигантские территории, сравнимые по размерам с целыми материками, не только разнообразный и суровый климат, но и более плотное,

мой высокой точке рельефа (1793—1818 гг.), утратившей только пятиглавие, и Троицкой (1774—1782 гг.), поражающей изысканностью пропорций и цельностью декоративной рельефной орнаментации, роднящей эту постройку с более ранней Крестовоздвиженской в Иркутске и почти повторяющей ее Покровской церковью в Красноярске. К сожалению, пострадала Троицкая церковь очень значительно — сохранился лишь ее нижний ярус, в котором пробиты большие проемы при «приспособлении» под гараж. В 1980 году выполнена графическая реконструкция этого памятника в дипломном проекте В. Пирогова (Красноярский инженерно-строительный институт).
Несколько лет уже ведется под руководством объединения «Спецпроектреставрация» восстановление собора Спасского монастыря (1750-е гг.) и всего этого комплекса, второго по ценности и сохранности из подобных редких сооружений в Восточной Сибири. По своему облику Спасский собор ближе всего к культовым постройкам Верхотурья: композицией основных объемов — к Покровской церкви, а эффектным обрамлением арочных проемов — к Троицкому собору. Монастырский комплекс является самым значительным памятником истории и архитектуры города и находится на республиканской охране.
Спасский монастырь занимает плоскую вершину невысокого холма, по бровке которого проходит каменная ограда с плавной волной верхнего края прясел. Восточный участок стены прерывает руинированная надвратная церковь, а северный край замыкает двухэтажный корпус келий. Только деревянные постройки не сохранились.
Почти не изменился характер окружения — историческая среда комплекса со стороны наиболее выразительных видовых точек и панорамных раскрытий. Именно здесь, у бывшей Сенной площади, по долине высохшего ручья предполагается создание заповедной зоны деревянного зодчества путем частичной расчистки и замены отдельных построек переносимыми с других участков ценными домами, сохранение которых на месте невозможно.
Без значительного и цельного фрагмента деревянной застройки немыслимо представить историческое ядро таежного сибирского города — испокон века дерево оставалось здесь преобладающим строительным материалом и при восстановлениях после пожаров мастера «образа строения своего не переменяли, не хотят отступать от прежнего отцовского плана». И стоят просторно вдоль широких улиц Енисейска двухэтажные высокие дома и одноэтажные избы с непременными ставнями и изукрашенными искусной резьбой наличниками на темных бревенчатых стенах, соединенные дощатыми заплотами с воротами и калитками, некоторые из которых — и сами произведения народного искусства. Вызывают удивление своими размерами и мощью массивных стен, прорезанных лишь крошечными оконцами, двухъярусные амбары — наследники старинных хлебных «мангазей».
Основной части деревянных енисейских построек чужда декоративная нарядность. Как правило, крупные наличники с различного типа резьбой — почти единственная деталь украшения дома. При всем разнообразии орнаментов и приемов преобладают наличники объемной, «фряжской» резьбы с сильно развитыми барочными завитками-волютами, узор которых зеркально повторен на подоконных обрамлениях. Повторяемость мотива и композиционной схемы разнообразится различной прорисовкой деталей на каждой из построек и становится своеобразной эмблемой деревянной застройки Енисейска.
Первое каменное гражданское сооружение города — двухэтажный Воеводский дом — поднялось на главной улице города в 1722 году. Оно и сегодня несколько сурово поглядывает на прохожих небольшими окнами лаконичных фасадов. Еще пять домов донесли до нас строительные приемы енисейских каменных дел мастеров XVIII — первого десятилетия XIX века. При возведении жилых и общественных зданий (магистрат, казначейство и пр.) они очень сдержанно и умело использовали отдельные элементы барочного декора. Чаще всего это узор из валика, вьющийся по плоским лопаткам и вокруг оконных проемов.
Только второе — третье десятилетия прошлого века, вследствие очевидного «запаздывания» новых веяний, отмечены здесь решительной сменой барочных мотивов на формы классицизма — стиля, надолго определившего характер жилой застройки центра города и внесшего регулярность в структуру. Многие памятники архитектуры Енисейска этого продолжительного периода являются хорошими образцами провинциального классицизма, и даже те из них, что выполнены по образцовым и повторным проектам, отличаются своеобразным прочтением многих элементов местными мастерами. Трогательны и наивны прорисованные ими ионические капители, которые стали впоследствии часто изображаться и на резных досках-пилястрах в простенках деревянных галерей и веранд, а также на опорных столбах ворот и калиток.
Лучшая жилая постройка периода классицизма не только в Енисейске, но, пожалуй, и в губернии,— «дом с колоннами» купца первой гильдии Ф. Дементьева (1830-е гг.). Это двухэтажный особняк с мезонином. Центральная часть его главного фасада выделена четырехколонным портиком ионического ордера (ул. Ленина, 109). Характерен и одноэтажный корпус лавок (ул. Ленина, 103), который в подражание столичным постройкам оформлен массивным фронтоном с крупными «сухариками», нарочито выделенными замковыми камнями над небольшими окнами и маленьким двухколонным портиком тосканского ордера на главной оси фасада.
Последние десятилетия XIX и начала XX века, несмотря на заметный спад экономики и строительной деятельности, представлены в застройке Енисейска не-

Деревянный дом в Енисейске

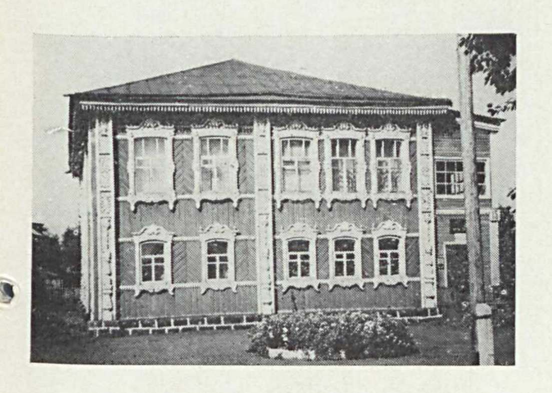

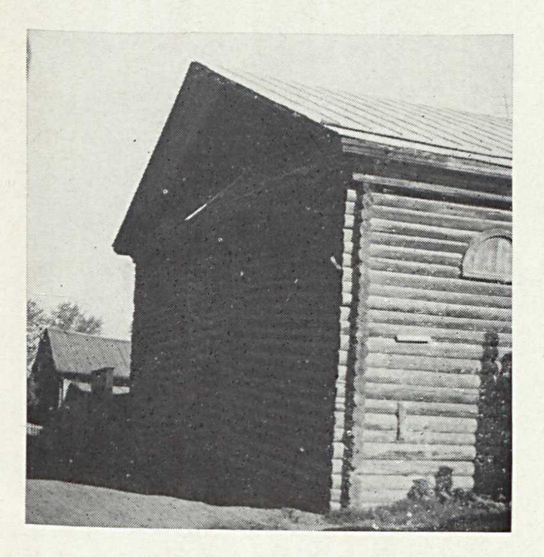
Троицкая церковь. Проект реставрации

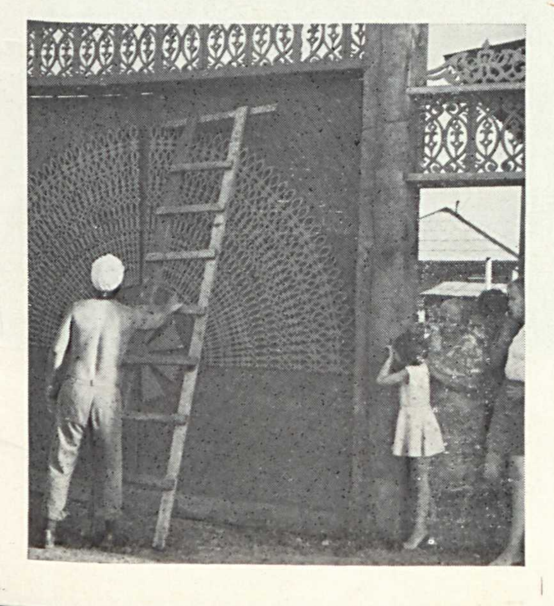
На стр. 37
Амбар б. усадьбы Лапшина

Резчик по дереву А. Зубарев за отделкой ворот своего дома

напряженное сочленение человека и природы, позволяющее лучше чувствовать будущие задачи человечества, по-новому ощущать красоту земли и красоту человеческой души.
Сибирские проблемы глобальны в самом что ни на есть буквальном смысле слова. Разработка и осуществление комплексной целевой программы «Сибирь» — небывалый эксперимент в области «прикладной глобалистики». Мы уже привыкли к большим цифрам, когда речь заходит о Сибири, к небывалым темпам роста; знаем, что их достижение требует здесь качественно новых методов хозяйствования, интенсификации труда, внедрения технологий, стоящих на уровне новейших достижений НТР. Но все же дело не в больших количествах, а прежде всего — в переходе к решению качественно новых проблем, для осмысления своего требующих и новых понятий, подходов, образов. Заметьте, что, говоря о перспективах культуры Сибири, мы по давно заведенной привычке в первую очередь вспоминаем о памятниках и традициях, то есть о вещах хотя и тонких, возвышенных, но все же — не относящихся впрямую к миру живой природы и живой культуры. Мы и о человеке вспоминаем скорее как о носителе отвлеченной «культуры», а не как о составной и живой ее части. Видимо, это излишне «гуманитарное» отношение к культуре и человеку — следствие разделения труда, доставшееся нам в наследство от доэкологического этапа истории культуры.
Вместе с тем происходящая ныне экологизация науки, связанная с именами В. И. Вернадского, А. Л. Чижевского, экологизация культуры, о которой недавно писал Д. И. Лихачев, приблизила нас к другому, все более укрепляющемуся взгляду на культуру и человека. Мне как медику ясно, например, что сегодня нельзя обсуждать перспективы культуры, оставляя в стороне вопросы сохранения и развития здоровья. Вам это может показаться странным, но и человек, и народ, являющийся носителем культуры,— это живые социальные системы, целостной характеристикой которых является именно физическое и духовное здоровье. В экологической перспективе оно не только влияет на культуру или зависит от нее, но является ее важнейшей частью, можно сказать, ее функцией, ее продуктом. А это значит, мы получаем еще одну важную основу для рассмотрения культуры, планирования ее развития,— такой основой может стать экология человека — наука, разрабатывающая принципы формирования и совершенствования различных систем жизнеобеспечения, цель которых — здоровье, и не только отдельного человека, но и здоровье поколений, популяций, этносов. И коль скоро оно — функция культуры, необходимо, чтобы и культура была осмыслена в том числе и с этой точки зрения, чтобы можно было объяснять ее влияние на здоровье (а бесспорными фактами такого влияния наука располагает давно), прогнозировать и планировать это влияние.
Мы часто подчеркиваем, что экология человека соответствует духу того реального, практического гуманизма, который мы связываем с нынешним этапом коммунистического строительства — с реальным социализмом. Но всегда ли мы — в своих творческих начинаниях — стоим вровень с гуманистическими потребностями времени?
В прошлом году у нас, в Сибирских отделениях АН и АМН СССР, прошли (уже в четвертый раз) «Рериховские чтения»; в интервью газете рассказывал о них вице-президент АН СССР академик А. Л. Яншин назвал имя знаменитого художника в ряду выдающихся имен ученых-гуманистов, заложивших естественнонаучные и культурно-исторические основы нынешнего целостного, экологического видения мира. Почему? Потому, что творческая деятельность Н. Рериха — это

сколькими довольно крупными зданиями, преимущественно общественными (гимназия и женская прогимназия, типография, читальня и др.). Это характерные образцы «кирпичного стиля», сохраняющие, однако, классицистическую основу — верный признак провинциального консерватизма. Позже появился в ряду торговых домов на главной улице единственный в формах модерна.
О центре Енисейска можно говорить как о разновременном, но цельном ансамбле. Замедленные большим расстоянием от европейской России эволюционные изменения стилей и направлений, сходство материалов и конструктивных систем зданий, возведенных до первых десятилетий XX века, и невысокие темпы современного развития города способствовали сохранению масштаба и художественно-композиционного единства застройки, цельности среды и исторической непрерывности ее формирования.
Истинным средоточием истории и культуры служит в Енисейске краеведческий музей. Особая роль подобных учреждений вообще отмечается в малых городах с относительно ограниченным кругом учреждений культуры. В городе такой долгой и сложной судьбы, как Енисейск, музей — место встреч и общений разных поколений жителей и почетных гостей города, «дом родной» для краеведов и историков, исследователей и художников, реставраторов и писателей. Прошлое старого города, в котором за сегодняшним запустением и неспециалисту видны следы его былой красоты, приводит в музей каждого, попавшего в Енисейск даже случайно, проездом.
В октябре 1983 года музею исполнилось 100 лет. Юбилей музея стал праздником города, на который съехались многочисленные гости, в том числе потомки основателя музея Александра Игнатьевича Кытманова. Отец Кытманова, Игнатий Петрович, происходил из крестьян и в юности в селе Назимово обучался грамоте у сосланного сюда декабриста А. И. Якубовича. Способный самоучка, став золотопромышленником, много средств вложил в дело образования и развития городского хозяйства Енисейска — на его средства построены были гимназия и детский приют, построен первый на Енисее пароход. Он даже вел переписку с Российской Академией наук, а сына Александра отправил учиться в Петербургский университет.
С 1882 года А. И. Кытманов работает в родном городе. Он — автор нескольких научных публикаций по геологии, флоре, рыбному промыслу и истории края, в том числе «Краткой летописи Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии 1594—1893 гг.». Однако главным делом его жизни стал Енисейский музей, созданный на общественных началах и при значительной помощи и участии политических ссыльных. Более двадцати лет А. И. Кытманов заведовал музеем, который его стараниями уже к открытию имел свыше трех тысяч экспонатов, в числе которых ценнейшая этнографическая коллекция.

«Музей, как в фокусе зеркала, отражает местную жизнь и потому имеет большое общеобразовательное значение для населения и всякого желающего ознакомиться с этим краем» — таким кредо основателя музея и его портретом открывается юбилейная выставка музейных фондов в большом зале здания, куда вскоре будет переведена вся экспозиция отдела советского периода истории города и района. В старом корпусе музею давно уже тесно — в этом здании — памятнике архитектуры XVIII века, сохраненном заботами служителей и сотрудников всех поколений, останутся его старые экспонаты. И будет каждое лето радовать жителей и туристов разноцветьем клумб участок сквера перед входом в музей — дело рук сегодняшних его тружениц и память о жене декабриста М. А. Фонвизина, Наталии Дмитриевне, когда-то давшей первые уроки цветоводства жителям северного города...

Обаяние народного искусства, его давние традиции доносят не только музейные экспонаты. Старые постройки города с богатой резьбой подсказывают пути и сегодняшним мастерам-умельцам. На ул. Рученой выстроил свой дом слесарь А. С. Зубов. Декоративный фриз, наличники окон, орнамент на воротах выполнены им в технике пропиловочной резьбы, воронки водосточных труб украшены розетками и кружевом просечного железа. Празднично смотрит этот дом светлыми окнами, останавливая внимание прохожих, заставляя «подтянуться» и хозяев соседних дворов. Немало еще в Енисейске и в районе, в окрестных селах мастеров, руками которых можно при должном руководстве начать планомерное восстановление рез-

ного великолепия памятников деревянного зодчества.
Тромозом работ по сохранению и возрождению историко-архитектурного наследия Енисейска является отсутствие здесь (и вообще в Красноярском крае) реставрационно-производственных участков, не говоря уже о собственных научно-реставрационных мастерских, а объем необходимых (и срочных!) мероприятий очень велик. Сделано за последние годы немало. Объединением «Спецпроектреставрация» разработан проект зон охраны Енисейска, проходит согласование его новый генеральный план, выполненный институтом «Красноярскгражданпроект», создана постоянная комиссия при крайисполкоме для оказания практической помощи историческому городу.
Поблизости от Енисейска разрастается крупная лесопромышленная агломерация с центром в Лесосибирске — предполагаемой «столице» Ангаро-Енисейского территориально-промышленного комплекса. В Енисейске не предусматривается размещение значительных производственных предприятий, новым генеральным планом города определена на перспективу и численность населения до 25—30 тысяч жителей, то есть он сохраняет статус «малого города». Это может лишь способствовать тому, чтобы сохранить и развить городу свою главную функцию историко-культурного ядра территориально-производственного комплекса, включающего множество новых поселений. Вторая важная функция Енисейска — быть центром туризма. План развития города предусматривает рост предприятий обслуживающей группы, строительство гостиницы и туристского комплекса, городского и районного домов культуры, развитие системы озеленения и благоустройства территорий.
Таким образом, складывается возможность создания цельной единой экспозиции старейшего города Восточной Сибири, тихого островка, заповедной красоты таежного русского города на берегу могучего Енисея в его природном окружении, в гармоничном соседстве с индустриальными центрами.

Скворечник

Учащиеся иркутского училища на практике

Мастера сибирских сел

Геннадий Переладов

Сегодня мы больше знаем Сибирь как богатейший край, где имеются огромные природные ресурсы, где построены и строятся важные промышленные центры... Вместе с тем сибиряки и их культура составляют одну из интереснейших граней духовного запаса нашей страны. Культурное наследие Сибири далеко не однозначно. Оно по-разному проявляется как в отдельных регионах Сибири, так и на различных этапах ее освоения.

Западную Сибирь достаточно сложно рассматривать как единый массив народной культуры. В нем сложилось несколько обширных регионов традиционной народной культуры, обусловленных природными и социально-историческими условиями: Север, Зауралье и Алтай.

В течение XVII — начале XVIII века была осуществлена титаническая работа по освоению Западной Сибири. Приток русского населения в Сибирь вызывал необходимость обеспечить переселенцев не только продуктами питания, но и промышленными изделиями. В целом можно сказать, что начиная с XVII века в Западной Сибири начался процесс формирования промыслов, в том числе художественных, основанных на традиционном народном искусстве. Этот процесс охватывает одну отрасль за другой. В течение XVII века здесь возникают деревообделочные, кожевенные, металлообрабатывающие, гончарные, портняжные, пимокатные и некоторые другие промыслы. История показывает, что в XVIII—XIX веках промысловая деятельность сибирского крестьянства широко распространяется далее на восток и в южные районы Западной Сибири. Вслед за зауральскими центрами промысловыми городами становятся Ишим, Тюкалинск, Томск, Каинск, Мариинск, Барнаул и многие другие, а также промысловые села, их окружающие, что свидетельствует об устойчивых и развитых формах традиций народного декоративно-прикладного искусства сибиряков.

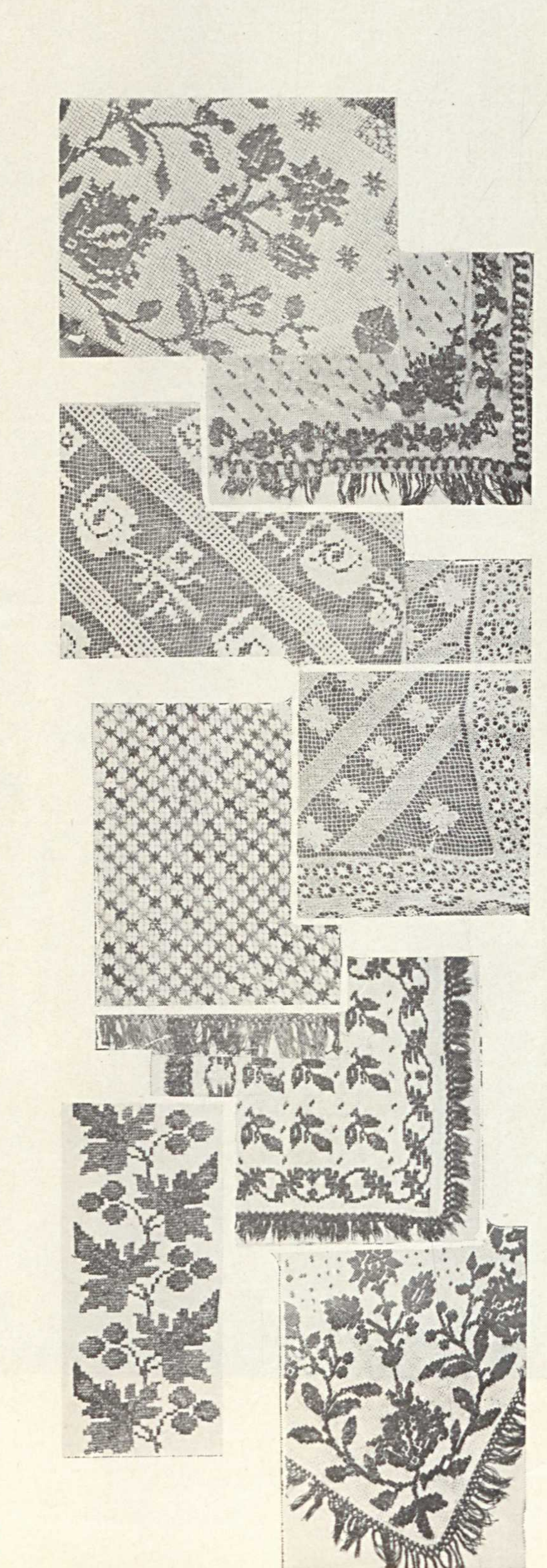
Одним из самых ярких и широко распространенных видов народного искусства

одна из попыток синтеза культур Запада и Востока, столь важного для нашей многонациональной Сибири; это была попытка разработки исторической экологии, обращенной к первоосновам культуры — к ее народным корням, к этнокультурной памяти, включающейся как тысячелетний опыт в опережающий культурный синтез.
Эта память отнюдь не ограничивается музеями и памятниками, готовыми образами искусства, как часто склонны думать: она коренится в глубочайших этнических процессах, в единении человека с его историческим прошлым.
Единство с природой — в пространстве и времени — обеспечивает выживаемость, жизнестойкость народа, и это «записано» в его «этническом стереотипе». Это естественно-историческая составляющая культуры, являющаяся ее «базисом», ее живой частью. Я не могу согласиться с теми учеными, кто видит в памятниках искусства утонченное выражение того, что в этнической культуре обречено на грубость и неразвитость. Культура — это именно народная живая культура, каким-то образом связанная с естественно-историческим «телом народа», тогда как профессиональная культура — довольно тонкий слой, под которым лежит целый материк: здоровье и чистота самой земли, здоровье народов, живущих на ней. Нельзя — в перспективных размышлениях — отрывать культуру, ее социальные институты от развития этнических процессов, забывать, сколь важно для человека в образе его жизни проявление черт социальной общности в видимой части культуры.
Качество физического здоровья всегда связано с качеством духовного. Его залог — цельность внутреннего мира, дальность видения человеком самого себя, своего жизненного пути, дел, которые он свершает, удовлетворенность плодами своего труда, своим образом жизни, активность жизненной позиции. А если говорить о более крупных сообществах людей, каковыми являются этносы, поколения и другие социальные общности, то залогом их здоровья окажутся сплоченность, крепость связей, включение традиционных культурных ценностей в повседневный культурный обиход. Как медик я вижу в исторической экологии большие резервы культурного развития.
В Сибири — удивительное многообразие природных факторов, она богата водами, растительным и животным миром. Но Сибирь — это и вечная мерзлота, и необычная суровость климата. Малые коренные народы Севера, а затем и русские переселенцы сумели выжить и освоиться в этих экстремальных условиях. Их жиз-

стала художественная обработка дерева. И это, конечно, не случайно. Природа Сибири щедро наделена богатствами леса, где преобладают хвойные породы: сосна, ель, лиственница, кедр, много березы и осины. Искусство сибиряка проявлялось с основательностью начиная со строительства дома. Некоторые старые избы Сибири, монументальные и крепкие, являются как бы соратниками крепостей. Зодчий чувствовал и понимал красоту дерева, он строил красивые и величественные остроги и крепости, а также дома. Они были конструктивно ясны и лаконичны. Мастер никогда не привносил в свое сооружение ничего лишнего. Это роднит их с архитектурой Русского Севера. На стыке скатов крыши концы досок обычно перекрывались толстым выдолбленным снизу бревном — «охлупнем» («шеломом», «коньком»). В Западной Сибири чаще употребляли название «конек». Своей тяжестью он прижимал всю конструкцию крыши, придавая ей необходимую прочность. Конец такого «конька» обычно выдавался вперед и иногда декоративно обрабатывался. Это был чаще трезубец или изображение головы коня.
Любовь русского народа к узорочью особенно сказалась в деревянной резьбе Сибири. Образцы кружев из дерева без труда отыщутся в любом из старых сибирских городов. Среди всего многообразия форм резьбы по дереву есть скульптурная резьба, плоская, рельефная и пропильная, которая получила наибольшее распространение.
Резьбой украшались наиболее важные композиционные части сооружения: фронтоны, карнизы, обрамления окон и дверей, ворота. Это говорит о живучести традиций русского народного зодчества в условиях Сибири, где также все строго продумано, все являет единство конструктивного и эстетического. Богатство декора нарастает от основания дома к его крыше. Особенно пышно украшен фронтон, поскольку он завершает, «венчает» дом. К торцам кровли прикрепляются «подзоры», а к центру поля фронтона — ажурное «солнышко». Некоторые элементы резьбы имеют давнее происхождение. Например, крыша дома и прилегающие к ней части воспринимались крестьянским сознанием как подобие головного убора. Мы знаем, что головным уборам в древности уделялось чрезвычайно большое внимание, им приписывались различные магические свойства. Интересные ассоциации вызывает в связи с этим характерное для наиболее старых жилищ Томской области оформление верхнего наличника окна резной доской, напоминающей древнейший женский головной убор — рогатую кичку. В резьбе таких наличников особенно часто встречаются мотивы солнечной розетки, коня, птицы, которые, как мы знаем, являлись оберегами в представлении восточных славян. Эти пережитки языческого культа животных, связанного с представлениями о плодородии, жизни, добром начале, сохранились в крестьянском искусстве практически до наших дней, хотя их изображения, конечно же, давно утратили первоначальное значение оберегов, превратившись в чисто декоративные элементы оформления жилища.
Отличительную особенность сибирских изб составляет роспись масляной краской по штукатурке или по дереву. Кроме традиционной растительной орнаментики в росписи встречаются бытовые и даже исторические сюжеты: сцены охоты, эпизоды из похода Ермака и др. Местное население, восприняв и творчески переработав многие наслоения, выработало свою живописную систему, которая позволяет называть ее сибирской кистевой (маховой) росписью, истоки которой уходят в северную и уральскую школу этого вида народного творчества. В настоящее время в Западной Сибири сохранились редчайшие образцы интерьерной росписи. Центрами распространения росписи были купеческие селения региона: Каинск, Колывань, Черепаново, Камень-на-Оби, Мариинск и многие другие.
Многие сибирские дома украшались не только резьбой и росписью, но и различными изделиями из жести: чаще всего это водостоки, иногда дымники, флюгера, а то и просто украшения на крыше. Особенно славится дымниками Тюмень, но есть они и в Новосибирске, Томске, Кемерове и других городах и населенных пунктах Сибири.
Со второй половины XIX века просечное железо приобретает широкую популярность в украшении балконных ограждений, фронтонов крылец, садовых ворот. В городах, а иногда и селах Сибири многие из дымовых труб и водостоков украшались, да и украшаются по сей день, художественными венцами. Иногда ставят «флюгер», что указывает на старую традицию северных изб устанавливать

Многообразная по технике сибирская вышивка

вращающуюся птицу-флюгер. Интересно, что в Новосибирске даже на одной из труб мылзавода стоит именно такая птица-флюгер в виде петуха, выполненная из просечного металла. Мастера-кровельщики изготовляли и множество подвесных кружевных подзоров из жести, но особенно много их руками создавалось дымников. Из жести изготовлялась также посуда — чайники, кружки, ковши и пр. Производство жестяных изделий было сосредоточено в большей степени в крупных населенных пунктах и городах, таких как Бийск, Новосибирск, Барнаул, Омск и Томск, но был развит этот промысел и в городах меньшего масштаба: Куйбышеве (Новосибирская область), бывшем Каинске, Барабинске, Камне-на-Оби и других.

Ценность для современных промыслов представляют бытовые изделия с росписью, которые имеют свои отличительные особенности. Это расписные прялки, деревянная утварь, сундуки, долбленая посуда, бондарные ушаты, изделия из бересты и многое другое. Раньше в больших селениях, где были ярмарки, имелись обычно мастера, изготовлявшие прялки, гребни, трепала и т. д. Многие изделия народных мастеров обращают на себя внимание художественной отделкой. Резьба и роспись на предметах быта и орудиях труда выполнялись в традиционной манере. Росписью народные мастера Сибири покрывали стены дома, мебель, орудия труда; расписывались бондарная посуда, изделия из бересты и токарные изделия из дерева. Несмотря на разный материал, форму и назначение изделий, есть общее в стилистике их росписи.

Можно говорить об особом варианте урало-сибирской росписи, которую мы назвали сибирской. Кроме того, в сибирской росписи можно выделить омскую, новосибирскую, томскую и кемеровскую ее разновидности. В целом для нее характерны цветной фон и лаконичный растительный орнамент живописного типа. Широко развит в Сибири также и керамический промысел.

Исследователи отмечают, что в XIX веке более всего гончарным делом славились села Томской и Тобольской губерний. Много керамики делалось и на Алтае. П. А. Голубев, исследователь этого промысла в прошлом веке, отмечал, «...что редкая сибирячка не может сделать горшок сама». На территории юга Западной Сибири сложилось несколько крупных районов по производству керамики — в Томской, Новосибирской, Омской и Кемеровской областях. На территории Новосибирской области, например, керамические центры были в Венгеровском, Ордынском, Кыштовском, Сузунском, Колыванском районах. Изделия сибирских кустарей отличались разными формами, размером и назначением: банки для варенья, крынки, квашенки, горшки для цветов, миски и т. д. Лучшей по качеству слыла посуда колыванских мастеров, получившая название «колыванок», но ранние лепные образцы в основной своей массе выглядели грубовато. Расписная посуда в Сибири была редкостью, так как ангобы малоизвестны, а для глазури требовалось сырье особого качества и глёт (окись свинца), который стоил очень дорого и был не всем доступен. Гончары-глазуровщики старались сохранить в тайне секреты глазури и не всегда передавали их по наследству. Более традиционно для керамики Западной Сибири украшение рельефом, сохранившееся до XX века. Украшения делались в виде зигзагов из белой глины или рантов и цепочек, выступающих над плоскостью черепка.

Любопытно, что в Сибирь гончарный круг пришел раньше, чем во многие центральные области России. В подавляющем

ненный опыт, памятники, но главное — их живая культура — ценнейший материал для научного изучения и культурного творчества.

Андрей Ершов

академик АН СССР, заведующий отделением информатики Вычислительного центра Сибирского отделения АН СССР

Я думаю, что, говоря о перспективах развития сибирской культуры, нельзя ограничиваться рассмотрением лишь той ее части, которая основана на социальной памяти и выражается в традициях. Эта постоянная часть культуры, обеспечивающая преемственность развития, должна гармонически сочетаться с теми культурными новообразованиями, которые характеризуют сегодняшний день, отражают достижения социального и научно-технического прогресса. Кстати, и постоянная часть культуры не столь уж постоянна: она обогащается новыми находками и открытиями, изменяющими наше видение истории, наше отношение к предметам культуры зависимо от времени и т. д.

Все это тем более справедливо, когда мы говорим о культуре Сибири, о ее роли в деле освоения и использования сибирских территорий и природных богатств. Конечно, нужно очень бережно сохранять те частицы культуры прошлого, что поддерживали жизнь в этом краю, когда нас здесь еще не было; нужно прилагать как можно больше усилий для того, чтобы привить к сибирской почве выверенные временем традиции классической, академической культуры. Но было бы несправедливым не замечать или игнорировать многие новые явления и перспективы в культуре, порожденные научно-технической революцией и влияющие на психологию человека, его отношение к работе и жизни, на его культуру в самом широком смысле этого слова. Одна из таких перспектив связана с развитием вычислительной техники, с происходящим превращением программирования — в массовую, доступную для всех деятельность.

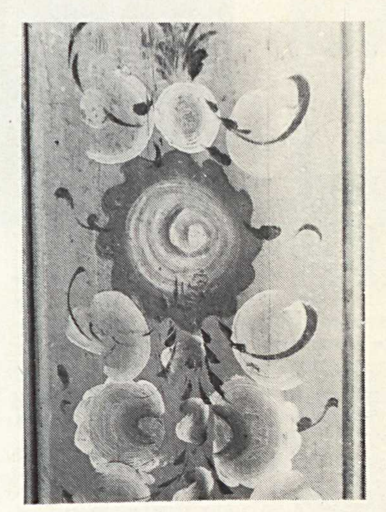
В самое ближайшее время миллионы людей — операторов производства, наладчиков, машинистов, продавцов-контролеров, библиотекарей, монтажников, секретарей, сборщиков на конвейерах — сядут за полностью оборудованные рабочие места, на которых ЭВМ станет их партнером по работе. И хотя этот партнер будет дружествен и надежен, должна произойти достаточно глубокая психологическая и познавательная перестройка для того, чтобы человек сумел сохранить свою внутреннюю цельность и достоинство

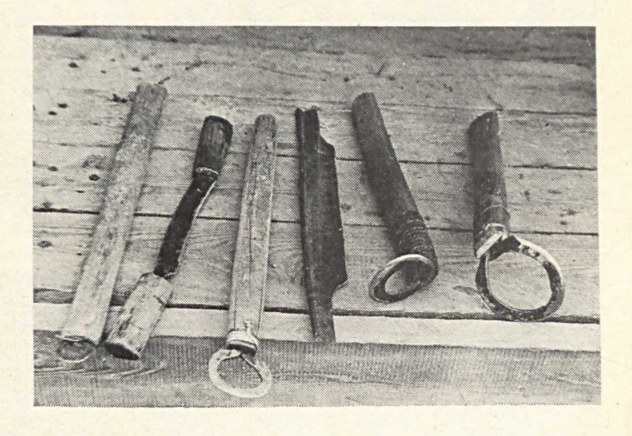
Сибирская маховая роспись

Инструменты для обработки шкур

Крынки

Деревянные ворота г. Красноярск

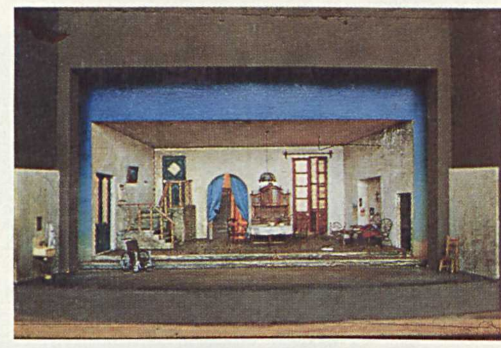

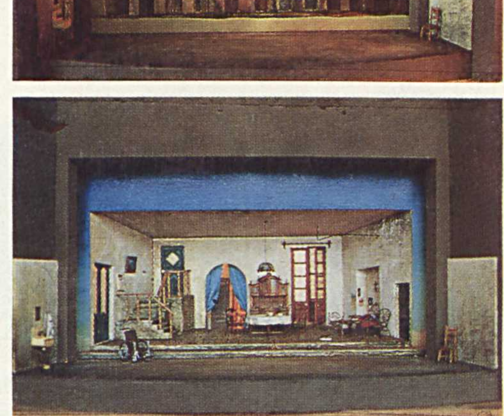
в этой новой обстановке. Через пару поколений это изменение коснется практически каждого человека, вовлеченного в общественное производство. Программирование станет не только массовой профессией, но и одной из воспитываемых способностей человека, составляющей его культуры и жизненной позиции. Программирование как вторая грамотность — вот одна из прогностических перспектив культуры.
Вообще влияние НТР на развитие культуры двойственно. С одной стороны, она привносит в жизнь нечто новое: ведь электричества, атомной энергетики, телевидения или вычислительной техники когда-то не было, а теперь они есть; но, с другой,— оказывается, что НТР лишь раскрывает в человеке то, что было ему присуще и ранее, но в дремлющем, неосознанном, неразвитом еще виде. Так дело обстоит, на мой взгляд, и с программированием: если понимать его широко, как умение планировать свои действия, предвидеть их последствия и доводить до конца, оно окажется естественным свойством человека. Действуя, человек всегда составлял программы; бóльшая часть того, что мы обычно делаем, это работа по программе. Процесс обучения — это та же выработка программ, причем одни из них усваиваются инстинктивно, а другие вырабатываются путем длительной тренировки. Так что вычислительные машины лишь актуализировали проблему программирования, точно так же как в свое время изобретение книгопечатания актуализировало грамотность. Поэтому, говоря о программировании как о второй грамотности, я стараюсь подчеркнуть не только новизну этой профессии, но и органический характер способности к программированию, которую нужно развивать в период наибольшей восприимчивости человека. В последней школьной реформе уже поставлен вопрос о необходимости изучения программирования и применения ЭВМ в школе. Культивирование способности к осознанному программированию сделает его элементом внутренней культуры человека. С другой стороны, присущие программированию «операционные ценности» будут осознаваться как ценности общечеловеческой, а не только профессиональной культуры, как один из горизонтов культурного роста. Профессору Энтони Хоару принадлежит интересное наблюдение, что в современной культуре программированию принадлежит та же роль, которую ранее играла латынь: оно вырабатывает у занимающегося им привычку к точности, строгости и ясности мышления. Видимо, одни и те же глубинные потребности человека в разные исторические периоды находят разные пути выявления в культуре.
Говоря о программировании в дискуссии о культуре Сибири, я хочу подчеркнуть и такую мысль: нельзя отрывать культуру человека от основного вида его деятельности, от его работы и творчества, к какой бы области производства она ни относилась. Культура — не фон человеческой жизни, а та среда, где человек живет и действует, работает и принимает решения. Поэтому изменения в культуре, само ее будущее тесно связаны с исчезновением и появлением массовых профессий, с развитием профессионального сознания (и самосознания) и, в частности, с интеллектуализацией труда, одним из путей которого является включение в него элементов программирования. Иначе говоря, «программирование — вторая грамотность» — не только плодотворная метафора, но и реальная перспектива роста, без учета которой размышления о культуре проигрывают в реалистичности. Особенно в Сибири, где основная ставка делается нами на интенсивные методы развития.

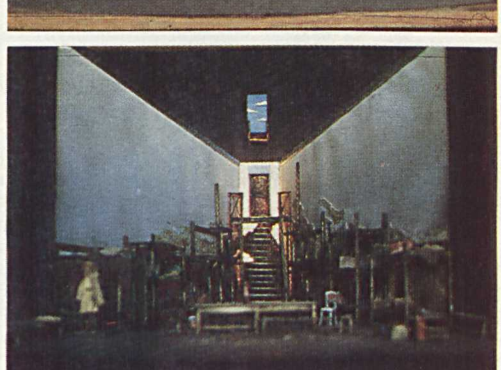
большинстве керамика делалась на нем. Однако встречаются в регионе и образцы лепной керамики, например, сосуд для кислого молока (XVIII в.) из д. Кирза Ордынского района Новосибирской области. Славилась Сибирь и так называемыми «колыванками» — это широкогорлый тип горшка с короткой тульей. Сосуды этого типа изготовлялись в селе Колывань Новосибирской области. Название «колыванка» относилось к упомянутому выше типу широкогорлого горшка, а не ко всей керамической продукции села Колывань.
В Западной Сибири местное население обыкновенный сарай, где делали керамику, называло уважительно «завод». Такие заводы работали до революции и в селах Кама и Гжатск Куйбышевского района Новосибирской области, районных центрах Колывань, Бердское, Черепаново, деревне Низовое на границе с Омской областью, поселке Черлак Омской области и многих, многих других.
Если гончарством в Сибири занимались и мужчины, и женщины (позднее, правда, только мужчины), то «сидеть на веретёшке» — заниматься прядением — это, конечно, было «привилегией» женщины. В конце XIX — начале XX века в некоторых местах еще продолжалось изготовление ткани домашним способом. Ткали на «кроснах». Из овечьей шерсти изготавливалось сукно. Имелись целые селения или даже районы, где преобладающим занятием являлись различные кустарные промыслы. Крупные районы кустарной промышленности сформировались в юго-западной части Западной Сибири. Узорным ткачеством занимались повсеместно. Почти в каждой деревне были мастерицы, бравшие заказы на узорные «браны», но домотканные изделия постепенно вытеснялись фабричными.
Текстиль и его художественная обработка занимает заметное место в народном декоративно-прикладном искусстве Сибири. И сейчас мы повсеместно можем встретить народных умельцев, которые ткут ковры, дорожки, паласы, изготавливают «круги», вышивают и вяжут.
Ковры в Западной Сибири употреблялись для застилания полов, для декоративного убранства жилища, вместо постелей, сиденья, для укрывания от холода пассажиров при езде в санях. В настоящее время бытует множество типов ковровых изделий: традиционный тканый махровый ковер — «сибирский», ворсовые ковры обычного типа, узелковые и «игольчатого» типа, вышитые швом «болгарский «крест», паласные, аппликационные и лоскутные.
Начиная с XIX века образцы сибирского махрового ковра распространились по всей территории Сибири. В XX веке художественная ценность ковров не только не утратилась, а, наоборот, возросла. При художественном своеобразии сибирского махрового ковра с розами у него имеется определенная перекличка с курскими, орловскими и воронежскими коврами подобного типа. Это неудивительно, ведь переселенцев из центральных областей в Сибири было множество, и это не могло не сказаться, в частности, на стиле ковров.
Определенное влияние на русскую культуру сибиряков в ковровом промысле оказало искусство соседних восточных народов: казахов, киргизов, узбеков. Большое распространение получил и тип восточного ковра с геометрическим рисунком: ромбы, квадраты, круги, треугольники. Но и в данном случае сибиряки вносят свое: общий рисунок на ковре не имеет той сложности, отдельные орнаменты упрощаются и увеличиваются в размерах, колорит несложный, с малым количеством полутонов, весь художественный стиль ковра строгий, монументальный.
Необходимо отметить и другие виды текстильной продукции: многоремизное, переборное, выборное и браное. Этот вид искусства является характерным для районов юга Западной Сибири, имеет местные специфические особенности и существует во многих формах: скатерти, салфетки, полотенца, покрывала и т. п.
К этой же группе изделий можно отнести тканые узорные пояса, опояски и вожжи, которых на территории региона ткалось очень много. Особенно в районах, прилегающих или входящих в Кыштовский район Новосибирской области. Учитывая многообразие и большое количество памятников этого вида народного искусства, следует отметить, что большинство этих изделий несут черты влияния коми-пермяцкой народной культуры. Однако в данном случае сибиряки привносят свое творческое отношение к создаваемым изделиям. Работая в традиционной технике «на дощечках», они ткали не только различные по ширине, длине и орнаментике пояса, но и вожжи — гордость сибиряков. Может быть, поэтому их так любовно украшали кистями из цветной шерсти. На вожжах, как и на опоясках, варьировался орнамент, подбирались новые сочетания цвета, изготавливались именные вещи и т. д., то есть в рамках старой традиции создавался свой, особый ассортимент вещей. В сибирских селах изготавливалось и большое количество широких (18—22 см) ямщицких поясов.
Вышивка относится к развитой форме народного творчества сибирских женщин. Искусство вышивания в Сибири развивалось только в форме домашнего ремесла: все вышитые изделия использовались для нужд семьи. Вышитыми узорами сибирские женщины украшали одежду, полотенца, салфетки и т. д. Художественные текстильные изделия входили составной частью в оформление сибирского жилища, в приданое невесте, в праздничные ритуалы.
С начала нынешнего века и до 30-х годов самым широким образом была развита вышивка по филейной сетке. Для «филейных» работ характерны ясность и яркость орнамента, своеобразная «пышность», наиболее распространенный рисунок — объемная роза в окружении листвы и различные картуши. В вышивке сохранились многие мотивы, уходящие корнями в классическое искусство. Особый интерес представляют вышитые крестом полотенца и рубахи, где преобладают ромбы, прямые и косые кресты, меандр.
Подводя общий итог развития сибирского народного декоративно-прикладного искусства второй половины XIX — начала XX века, следует отметить, что сложилась достаточно своеобразная народная культура, которая, сепарировав многое из привнесенного, переработала все на свой лад. Определяющим условием этих переработок стал рационализм сибиряка, который вытекал из жизненных условий и особенностей его быта.
Народное искусство Сибири показывает, как важно знать те истоки красоты, которые позволили русскому человеку в некогда новых для него условиях сохранять традиции своей культуры, его «духовную оседлость», нравственную самодисциплину, словом, все то, чем полнилась душа.

В театрах Сибири

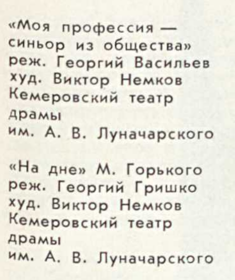

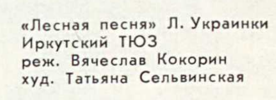

«Моя профессия — синьор из общества»
реж. Георгий Васильев
худ. Виктор Немков
Кемеровский театр драмы им. А. В. Луначарского

«На дне» М. Горького
реж. Георгий Гришко
худ. Виктор Немков
Кемеровский театр драмы им. А. В. Луначарского

«Лесная песня» Л. Украинки
Иркутский ТЮЗ
реж. Вячеслав Кокорин
худ. Татьяна Сельвинская

«Гори, гори, моя звезда» Дупского, Фрида
Иркутский ТЮЗ
реж. Вячеслав Кокорин
худ. Юрий Цветницкий

«Васса Железнова» М. Горького
реж. Юрий Александров
худ. Наталья Клемина
Театр «Красный факел»
Новосибирск

дому веку она угождала, и в оценках ее, от первых слухов до последних, научно-экономических обоснований, постоянно видна превосходная степень...

...Наше ощущение того или иного края имеет свою логику и не всегда подчиняется фактам. Чем бы ни стала Сибирь, во что бы она сегодня ни превратилась в глазах многих и многих, сведущих и не сведущих в ее делах, она продолжает оставаться спящим великаном, материком огромных неиспользованных возможностей, землей про запас. В старые времена царское правительство позволяло себе кидаться в авантюры, обезденежев, торговать Аляской: у России была Сибирь. Если об этом не писали и не говорили открыто, это подразумевалось само собой. Сибирь стояла крепостью, в которой можно укрыться; кладовой, которую при нужде всегда можно раскрыть; силой, которую можно призвать; твердью, которую можно подставить под любой удар, не боясь поражений; славой, которой предстоит прогреметь...

Присоединить Сибирь оказалось намного проще, чем освоить эти огромные пространства. Первая волна «освоения» после Ермака была самой хищнической: выбили песца и соболя, выбрали мамонтовую кость, кинулись за драгоценными металлами, наскоро беря то, что поближе лежит и полегче дается. Вели себя, словом, так, будто через самое короткое время край этот навсегда отойдет к врагу и необходимо до того выбрать оттуда все, чем можно воспользоваться. Затем опамятовались: огромная, больше любого материка, Сибирь становится, оказывается, не столь уж и большой, и бездонной, если из нее только черпать и черпать. Вообще надо сказать, что в освоении Сибири периоды отрезвления и попыток хоть как-то изучить, облагородить и прихорошить ее постоянно сменялись новыми приступами опьянения и лихорадочного выбирания после новых открытий. Будучи давно родной землей, землей своей, она тем не менее продолжала оставаться землей как бы приданной, взятой внаем — чтобы обеспечить первоочередные прихоти и нужды. Сибирь — стало быть, дающая, а еще больше могущая дать, но дающая, такая-сякая, нелегко, требующая жертв и усилий. Одно слово — Сибирь: богатая бедность, широкая узость, ликующая неприютность; край то ли весь из прошлого, то ли из будущего, но не из настоящего. Или отживший, или не начинающий жить, только-только подготовивший для начала жизни первые сносные условия.

...Пожалуй, именно так: охочий человек, скороспел и скоросмел, самый вредный для Сибири тип, верный ее обирала, выдающий себя за благодетеля, изыскателя и преобразователя; не сибиряк, но работник, сделавший и продолжающий делать немало доброго и полезного для Сибири, созидатель по натуре, в труде не знающий разницы, свой или сторонний это край; и местный житель, коренной или пускающий корни сибиряк, связавший себя с Сибирью всем строем существования не на одно поколение,— пожалуй, в этом разделении не на своего и чужого, а на способствующего и не способствующего ее благу, справедливости больше. И обращаться к подобному разделению и оговаривать его приходится не без боли, по той простой причине, что Сибирь как огромное и мощное хозяйство еще не устоялась и не выправилась, чему в конце концов ей быть, на деле еще не прояснилось, но, разведя большие пары, нуждаясь в рабочей силе, она невольно привлекает и немало случайного, приискательского люда, рассчитывающего, как и сто, и двести лет назад, на приискание скорой и легкой удачи и смотрящего на Сибирь, словно на злонамеренную обманщицу, если вожделенная удача почему-либо не дается.

Как бы ни принято смотреть на Сибирь, невозможно, однако, не заметить, что из края устойчивого, ожидающего нас впереди будущего, она все больше и больше превращается в край настоящего. И слышно порой, как, доставая богатство, скребут о дно. Сибирь остановилась сейчас на том неизбежном перевесе, когда взятое медленно, но верно начинает клонить в свою сторону. И будь у Сибири свой голос, которым она могла бы высказать собственное отношение к своей судьбе, она бы сказала: «...Не надо меня больше покорять, я давно покорена и принадлежу вам, не надо по старинке смотреть на меня как на не пригодную для жизни страну, а пора принять меня как Родину, без коей вся остальная родина не существует, и как к родине относиться ко мне с любовью и заботой. С тем и приходите ко мне».

В каждом развитом духовно человеке повторяются и живут очертания его Родины. Мы невольно несем в себе и древность Киева, и величие Новгорода, и боль Рязани, и святость Оптиной пустыни, и бессмертие Ясной Поляны и Старой Руссы. В нас купиной неопалимой мерцают даты наших побед и потерь. И в этом смысле мы давно ощущаем в себе Сибирь как реальность будущего, как надежную и близкую ступень предстоящего возвышения. Чем станет это возвышение, мы представляем смутно, но грезится нам сквозь контуры случайных картин, что это будет нечто иное и новое, когда человек оставит ненужные и вредные для своего существования труды и, наученный горьким опытом недалеких времен, возьмется, наконец, не на словах, а на деле радеть о счастливо доставшейся ему земле.

Это и будет исполнение Сибири.

Комментарий «ДИ СССР» к круглому столу на стр. 46.

Сибирская старина

Празднование «широкой масленицы», по церковному, «сырной» недели — во все времена по всей обширной России отличалось широким размахом. В этот праздник русский народ, по старинному выражению, ставил «последний грош и тот ребром», то есть на масленицу ничего не жалели, ничего не берегли, забывая о нуждах завтрашнего дня, лишь бы в общем, чисто стихийном разгуле не отстать от других.

Поэтому наши заботливые хозяйки-сибирячки из недостаточных семей еще до масленицы старались сберечь и отложить некоторые продукты, чтобы иметь возможность сделать потом все, «как полагается у добрых людей».

С понедельника начинали приготовлять громадное количество квасов, пива, сусла и бражки. Сусло варилось разное, с ягодами черемухой, калиной и др. Приносили в избу масло, яйца, белую муку, и хозяйки не отходили от квашенок и печи круглые сутки, варя «масленку» или «хворосты» целыми бельевыми корзинами; стряпали сдобные калачики; шанежки с творогом, с «налевкой» и ягодами, «тарочки» с изюмом и вареньями; пекли вафли, заварные калачи, розочки, масленые орешки и т. п. «печенье к чаю». Жарили рыбу, делали большие рыбные пироги, рыбное холодное заливное, драчену, яичницу, стерляжью и других сортов уху и т. п. Все это заготовлялось для приема бесчисленных гостей — кумовьев, сватов и вообще всей многолюдной деревенской родни. Для домашних еще с понедельника к утреннему чаю подавались тонкие яичные блины, а чаще гречневые. С четверга («перелом масленицы») полным темпом шло взаимное гощение и угощение. Все ездили друг к другу в гости, дома оставляя про случай кого-либо из подростков или пожилых женщин, а все остальные семейные разъезжали по гостям не только в своей деревне, но ездили и в другие деревни к родственникам, сватам и кумовьям, где также ходили из дома в дом. Вообще «гуляли» компаниями, заранее сговорившись об очереди. В каждом доме угощенье было уже готово, столы накрыты; гостей встречала приветливая хлебосольная хозяйка, усиленно упрашивая «отведать» всякого разносолу, расставленного на столе. Рюмка водки или стакан бражки гуляет из рук в руки, разговор становится все шумнее, говорят заплетающимися языками, не слушая друг друга; кое-кто пьяным голосом затягивает песню, нестройно подхваченную другими, но распеться не удается, так как эта шумная ватага долго не засиживалась в одном доме, а торопилась побывать по очереди и в других домах.

Дольше засиживались за домашними и хозяйственными разговорами, а иногда и оставались ночевать гости — приезжие из других деревень.

Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т. 16, С.-П., 1907.

В читальном зале научной библиотеки Томского университета им. В. В. Куйбышева

Томский университет им. В. В. Куйбышева, основанный в 1880 году,— старейший вуз Сибири и Дальнего Востока. За годы Советской власти университет стал крупным учебно-научным центром, в состав которого входят 13 факультетов, научные лаборатории, Сибирский ботанический сад, музеи В. В. Куйбышева, минералогический, палеонтологический, археологии и этнографии, гербарий. Огромную ценность представляют собрания научной библиотеки университета, насчитывающей более 3 млн. томов, в том числе редких старинных изданий.

КОММЕНТАРИЙ «ДИ СССР»

**Заседание нашего «круглого стола» закончено, а разговор, начатый им, безусловно, будет продолжаться.
Ведь поиск целостного образа культуры, его улавливание и уточнение, исследование и претворение — дело общее, постоянно сопровождающее развитие самой культуры.
В главном мнения участников «круглого стола» сходятся: Сибирь — уникальный пример того, как человек преобразует природу и приспосабливается к ней, как развивает свой образ жизни и сохраняет трудовые, бытовые и культурные традиции.
Мы, действительно, привыкли к «большим цифрам», когда речь заходит о Сибири, знаем, что их достижение основано на новых методах хозяйствования, интенсификации труда, внедрении технологий, стоящих на уровне новейших достижений научно-технической революции. Новизна сибирской ситуации — в переходе к решению качественно новых, комплексных проблем, для осмысления которых требуются новые понятия, подходы, образы. Культура не составляет исключения из этого положения дел. Движение за превращение Сибири в край высокой культуры свидетельствует о комплексном понимании культурного потенциала, который следует развивать, и потребной для этого интеграции творческих сил. Но соответствуют ли они вполне перспективам культурного развития, некоторые опорные точки которого были названы участниками нашего разговора! Не стоим ли мы перед необходимостью существенно расширить горизонты творческого и управленческого воображения, чтобы вклад в культурный процесс Сибири всех его участников был созвучен ее планетарным масштабам! Культура является той областью, где ритмы исторического времени с их природно-планетарными масштабами соприкасаются с ритмами внутренней, духовной жизни человека, где они приводятся в гармонию, без которой жизнь человеческая попросту невозможна.
Сибирь — это творческий вызов. Дело ведь не только в поиске новых, характерных тем и сюжетов или в рачительном использовании местных художественных материалов и традиций, но и в нахождении верной, плодотворной творческой интонации ви́дения и поведения.
Когда речь заходит о региональной культурной ситуации, пусть и такого масштабного региона, как Сибирь, есть опасность излишнего «замыкания на себя», отрыва от всеобщего содержания движения культуры, забвения того, что лишь повышение творческого накала, уровня творческих притязаний может защитить от угрозы провинциализма. Органичное культурное развитие осуществляется как переплавка встречных потоков, с одной стороны — развития местных сил, с другой — привлечения лучших творческих сил страны. Так и должно быть в Сибири.
Значение художественного труда в росте культуры Сибири — первостепенно. Изобразительное искусство в содружестве с архитектурой и промышленным дизайном, во всех своих формах, начиная с идейно выполненной монументальной росписи или станковой картины и кончая традиционными изделиями народных мастеров, начиная с величественных монументов, посвященных историческим событиям, и кончая детской игрушкой, создает тот реальный**

Минусинские камни

М. Л. Подольский

«Каменные бабы» минусинских степей — древние изваяния, на которых выбиты личины,— еще в XVIII веке поразили первых ученых, путешествовавших по Сибири. С тех пор они вызывали в науке постоянный интерес. Сейчас благодаря работам М. П. Грязнова и Е. Р. Шнейдера, Э. Б. Вадецкой, Л. Р. Кызласова, Н. В. Леонтьева, А. Н. Липского, Г. А. Максименкова, Я. А. Шера и других исследователей* минусинские изваяния стали полноценными археологическими источниками. Выяснено, что большинство из них относится к бронзовому веку, к окуневской археологической культуре. Их возраст не менее 3,5 тысяч лет.
Значение этих древностей, как и первобытного искусства вообще, далеко выходит за рамки археологии. Их нельзя рассматривать лишь как источники научной информации. Важно понять окуневское искусство как художественное явление, яркое и неповторимое.
Большой, выше человеческого роста, камень саблевидной формы. На узкой грани в середине — небольшой овальный выступ. На нем выгравировано нечто похожее на человеческое лицо. Большие круглые глаза (три!), выразительный рот, ноздри, условно показанные уши. Несколько полос, пересекающих личину. По поверхности камня, буквально пронизывая, охватывая ее, от контура личины расходятся пламевидные отростки. Среди них — рога и длинные, как у зверя, уши. Орнаментальная лента змеей тянется к вершине камня, где иногда изваяна голова барана. Изредка у основания камня — оскаленная морда фантастического хищника. Повсюду выбиты так называемые солярные знаки.

Присмотримся к личине внимательнее. На месте носа — два кружка. Первобытные художники, рисуя на скалах человека, обычно обозначали на лице нос, а не ноздри. То же мы увидим на детских рисунках, даже самых примитивных. Но для личин, очевидно, важна не образная деталь, а функциональная: изображались не части лица, а органы чувств. Причем полосы делят личину на зоны, в каждой из которых оказывается по одному из них. Деление личины на зоны не ограничивается ее контуром, оно распространяется и на окружающее изобразительное пространство. В этом, видимо, отражена связь зон, вернее, органов, в них расположенных, с внешним миром, их «выход» вовне.
Третий глаз делением личины на зоны поставлен в один ряд с обычными органами чувств. Это должно означать, что он символизирует какую-то внутреннюю потенцию человека, а поднимающийся от глаза отросток демонстрирует выход этой потенции вовне.
Рога придают личине несколько звероподобный вид. Не изображен ли здесь человек-бык, мифический тотемный предок? Не будем торопиться с выводами. Во-первых, на месте рогов иногда выбиты обычные отростки. Во-вторых, у личины рога начинаются, как правило, около глаз, их место на черепе животного много выше. В-третьих, рога и звериные уши расположены взаимно неправильно. Видимо, размещение продиктовано их связью с соответствующими органами чувств.
Примечательно размещение личины на узкой — иногда шириной всего 10—15 см — грани изваяния. Тем самым композиционно подчеркивается особое значение вертикального направления в пространстве. А в орнаментальной ритмичности вертикальных лент раскрывается еще одно свойство пространства: оно мыслится многоярусным. По обе стороны лент изображены отростки, группирующиеся в виде «трезубцев» и «вилок», но именно так у личины обозначаются уши. Доминирует же в композиции принцип трехчастности: образы, по выразительности не уступающие центральному, встречаются на вершине камня и у его основания.
Вертикальная структура изваяния выявляется очень четко. А другие измерения? Солярные знаки с четырьмя лучами, символизирующими, как можно предположить, страны света, лишь на первый взгляд разбросаны по камню беспорядочно. Они объединяют вертикальную (композиционно) и горизонтальную (символически) структуры. Часто солярные знаки придают изображению космический характер, и можно ожидать, что в его структуре зафиксирована определенная космогоническая система. Соответственно интерпретируя компоненты изображения и их композиционное соотношение, мы обнаружим ряд универсальных мифологических образов: изваяние в целом — мировое древо, ось многоярусной Вселенной; личина — космическое первосущество, персонификация Вселенной; хищник — олицетворение нижнего мира. Но почему они собраны здесь воедино? «Практически все эти модели совмещаются, так как териоморфные образы оттесняются в подземный мир, а космическое древо структурирует мир, созданный из антропоморфного первосущества» *.

* *Историю изучения изваяний и подробную библиографию можно найти в монографической работе Э. Б. Вадецкой «Изваяния окуневской культуры» (Вадецкая Э. Б., Леонтьев Н. В., Максименков Г. А. Памятники окуневской культуры. Л., 1980).*

* *Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М., 1976, с. 213.*

образный мир, который составляет важнейшую сторону культуры. Высокий качественный уровень этого образного мира, окружающего человека от самого его рождения, не только эстетически организует среду обитания, но и, что самое главное — формирует человека духовно, формирует культуру уже не в количественном измерении — растущее число культурных объектов,— но в качественном, в росте культуры как отношения человека к жизни, к природе, к своей деятельности, к творчеству. Ибо культура, в высоком смысле этого слова — понятие, противоположное пассивному, эгоистическому потребительству, понятие, суть которого связана с созиданием, с духовным и материальным творчеством. Не случайно это понятие охватывает собой все создаваемое и уже созданное человечеством на протяжении его истории.

Превращение Сибири в край высокой культуры в конечном счете означает максимальный рост и всесторонний подъем творческого потенциала великой, могучей земли, земли несметных природных богатств, земли трудовой и ратной славы, героического труда и ярких талантов. Участие в этом поистине величественном процессе современности — дело чести каждого художника, которому посчастливится приложить здесь свои силы.

Предлагая вниманию читателей материалы «круглого стола», редакция «ДИ СССР» надеется на творческий отклик художников, архитекторов, дизайнеров, искусствоведов, работающих в Сибири и для Сибири. Пока названные здесь и другие организационные мероприятия будут осуществляться своим чередом, совокупный, целостный образ сибирской культуры будет обрастать плотью размышлений, творческих замыслов и чувствований, постепенно отливаясь в реалистическую концепцию культурного роста; будет стимулировать и работу по формированию среды, поиск ее стилистического характера.

Все мы, в каждом уголке нашей Родины, «давно ощущаем в себе Сибирь как реальность будущего, как надежную и близкую ступень предстоящего возвышения». Эти слова Валентина Распутина относятся и к художникам, представителям разных художественных профессий. Культура Сибири — дело всенародное, всесоюзное. И нужное не только ей, но и самому искусству: ведь Сибирь — небывалое поле художественного творчества, зовущее всех испытать здесь свои возможности, померяться силами в большом и прекрасном деле.

«Круглый стол» вел и подготовил к печати Олег Генисаретский

Это дает нам ключ к поиску конкретных мифологических параллелей. Сюжет сотворения мира из тела антропоморфного существа известен в разных вариантах, но все эти версии лишены ритуальной окраски, и окуневские изваяния, безусловно ритуальные, в этом смысле с ними несопоставимы.

Иную мотивировку дает индийский миф, которому посвящен один из гимнов Ригведы — Пурушасукта. Жертвоприношение Пуруши — первое ритуальное действие богов: «Из этой жертвы, полностью принесенной, гимны и напевы родились; метры родились из нее, ритуальная формула из нее родилась» *. Творческая сила жертвоприношения преображает тело Пуруши: «Из пупка возникло воздушное пространство, из головы развилось небо, из ног — земля». Этому образу соответствует та же концепция мирового древа, которая отражена в трехчастной структуре изваяний. Не только в Ведах, но и в поздних текстах повторяется устойчивая система отождествлений: зрение — солнце, разум или дух — луна, речь — огонь, дыхание — ветер, слух — страны света. Полное структурное соответствие этой системы и иконографической схемы окуневских личин позволяет предполагать и смысловое соответствие. Теперь понятно, почему четырехлучевые знаки часто изображены около ушей, проясняется символика третьего глаза (разум, дух). Из жертвы возникают животные, в том числе домашние: «Из нее кони родились и те (животные), у которых два ряда зубов; быки родились из нее, из нее родились козы и овцы». Эта строфа находит изобразительные параллели в зооморфных элементах изваяний.

Мы не будем рассматривать здесь проблему происхождения окуневской культуры и так называемую индо-европейскую проблему, хотя с ними этот факт безусловно связан. Остановимся на другом его аспекте. Очевидно, подобные ритуально-мифологические представления были распространены значительно шире, чем мы можем судить по известным памятникам древней культуры. Памятники, ярко и полно запечатлевшие эти представления, дошли до нас, в силу ряда обстоятельств, далеко не всюду.

К числу таких универсалий относится понятие жертвенного столба. В древнеиндийской обрядовой практике такой столб воспринимался как ритуальный эквивалент центра мира, его оси. Жертвоприношение, совершенное около него, возвращало исполнителя обряда к начальному времени, делало сопричастным мифическим событиям. Д. Г. Мессершмидт первым из ученых XVIII века наблюдал почитание каменной бабы местными жителями: «Каждый из них по три раза ездил вокруг нее и по совершении церемонии клал у подножия под траву часть своего провианта, чтобы статуя могла питаться сообразно своему аппетиту». Путешественник понял обряд как кормление «идола», описание свидетельствует о другом. Шли тысячелетия, менялись народы, а отношение к изваянию как к своего рода алтарю, установленному в степи, сохранялось.

До сих пор речь шла об изваяниях. Плиты с личинами уже нельзя интерпретировать как жертвенные столбы. И дело не только в форме камня. Здесь и изображения не имеют столь четкой, как на изваяниях, вертикальной структуры. Большинство этих плит найдено в окуневских курганах. По наблюдениям археологов, исследовавших курганы, на лицах некоторых погребенных охрой были нарисованы полосы и третий глаз, характерные для личин. Как объяснить этот факт? В древнеиндийских текстах человеческая жизнь в ритуальном аспекте расматривается как жертвоприношение, а смерть и посмертный обряд — как его заключительные акты. После смерти человек «входит своим голосом в огонь, своим оком в солнце, своим разумом в луну, своим слухом в страны света, своим дыханием в ветер» (Шатапатха Брахмана, X. 3. 3. 8). Почти дословное повторение соответствующих строк Пурушасукты означает ритуальное отождествление человека с мифическим Пурушей. Образ космического первосущества в окуневском погребальном обряде нужно понимать, очевидно, в том же смысле: как прокламацию сакрального, жертвенного и, тем самым, космогонического характера жизни и смерти.

Личины на скалах, как правило, иного типа. Часто встречаются рисунки охрой: два глаза, рот, горизонтальные полосы между ними. Контура нет — глаза и рот как бы проступают на поверхности камня откуда-то из глубины скалы. Это вполне «земной» образ. Но, хотя в нем самом ничего космического нет, иконографически он сближается с личинами на изваяниях и, еще более, на плитах. Это, по сути дела, частное преломление общей темы творения — уже не всего мира, а лишь его фрагмента.

Наконец, окуневские петроглифы косвенно свидетельствуют о том, что существовала еще одна разновидность личин — маски. Иконографические особенности некоторых антропоморфных фигур позволяют предположить, что это персонажи какого-то сакрального действа на тему о сотворении мира.

Тому, что широко распространенные мифологические образы и сюжеты так полно и последовательно увековечивались в камне лишь в Минусинской котловине, должны были существовать местные предпосылки. Это прежде всего традиции сибирского неолитического искусства, которое известно нам по многочисленным произведениям мелкой пластики и по неисчислимым петроглифам. Но нужен был еще особый творческий темперамент создателей окуневского искусства, их исключительно образное мировосприятие, чтобы довольно-таки отвлеченные космогонические представления обрели форму зримых образов, воплотились в наглядной пространственной модели.

Говоря о мифах как об одном из источников окуневского искусства, нужно иметь в виду, что в мифологическом повествовании информация, составляющая ядро мифа, многократно повторяется в различных кодах, на разных уровнях. Деление личины на зоны, ее расположение в центре камня на узкой грани, многоярусные ленты и другие элементы изображения, выявляющие ритуально-мифологическую сущность изваяний, — тоже передача информации в разных кодах. Композиционные принципы мифопоэтического творчества основаны на развитии сюжета во времени, ближайшие аналогии они находят, как указывает К. Леви-Стросс, в музыке. При воспроизведении в камне должна быть найдена иная ее основа: вместо временной — адекватная в художественном плане пространственная. Окуневские художники остановились на отождествлении элементов мироздания с органами чувств человека.

Став исходным ядром изображения, лицо схематизируется, окружается всевозможными элементами, «пересказывающими» миф. Так возникает окуневская личина-маска. Был выработан канон, позволявший «пересказать» миф в композиционно уравновешенном произведении, то есть совместить две в какой-то степени противоположные тенденции. Причем стремление к максимальному выявлению сюжета неоднозначно уже само по себе. Например, замена в некоторых случаях личины рельефно выполненным лицом, подчеркивая человеческую сущность мифического образа, отодвигает на задний план его космический характер. Стремление к композиционному равновесию также противоречиво, так как вводит в изображение элементы орнаментальности, симметрии. Хотя они здесь вполне содержательны, отражая гармонию мира, но ведут в конечном счете к декоративной стилизации. Преодоление всех этих противоречий обеспечивало творческую свободу в рамках канона.

И еще одно исключительно важное достижение окуневских художников: сюжетно-композиционное единство стиля позволило им сохранить свойственное мифологии образно-символическое единство. Проблема органического сочетания образного и символического, стоявшая перед искусством всегда, сохраняет актуальность и поныне. В этом отчасти кроется причина непреходящей ценности окуневских личин-масок. Но главное в том, что они проникнуты пафосом мифического творения мира, порождавшим пафос художественного творчества.

---

* *Перевод Т. Я. Елизаренковой.*

Хроника

Сотрудники Научно-исследовательского института художественной промышленности систематически изучают современное народное искусство, выезжают с экспедициями в разные регионы страны. Естественно, что Сибирь, где причудливо, как в плавильном котле, столкнулись и смешались многочисленные народы и традиции, привлекает их внимание. Восемь экспедиций в Сибирь провели они лишь за последние два года и вернулись домой с богатой добычей. В южных районах Томской области в русских селах они нашли узорные тканые изделия: скатерти, рубахи с узором,— прялки и швейки с трехгранной выемчатой резьбой, близкие тульским, архангельским, рязанским, калужским, откуда вышли родители нынешних сибиряков.

До сих пор в селах Ярское и Боцшево изготовляют мастера по заказу односельчан плетеные изделия. В деревне Комарово до наших дней сохраняется производство деревянных дуг.

В Новосибирской области проживает в основном русское население, однако есть там и целые села немцев, белорусов, украинцев. И все эти народы, переселившись, не только взяли с собой старые, сделанные дома вещи, но сохранили и все необходимое оборудование: станки, инструменты и, главное, любовь к своему традиционному искусству и продолжают его развивать на новом месте.

Интересные образцы обнаружили сотрудники НИИХП в северных областях Кемеровской области, где сохранилось русское старожильческое население. Здесь, как и во многих других районах Сибири, женщины делают традиционные махровые коврики и покрывала на сундуки — «насундучники» и половики. В Красночикайском районе Читинской области, где живут ныне потомки старообрядцев «семейских», художники НИИХП зарисовали замечательные резные деревянные швейки с геометрическим орнаментом, выполненным контурной и трехгранно выемчатой резьбой. В Иркутской области в образцах резьбы и росписи по дереву, изделий из бересты, глиняной посуды и узорчатого ткачества особенно ясно видно, как взаимодействуют традиции и навыки живущих в области народностей: русских, бурятов, якутов, эвенков, тофов. Живы до сих пор и многие традиционные промыслы исконных сибирских народов. И в наши дни шьют нарядную одежду, обувь и головные уборы эвенки в Томской области.

Очаги живого народного искусства обнаружила экспедиция в Амурской области. Практически в каждой эвенкийской семье Тындинского, Зейского, Селемджинского районов, где сохранилось коренное население, еще бытуют берестяные и деревянные изделия: цилиндрические сосуды, короба, скроенные из цельного куска корзины; «гулевоны» — ковши для сбора голубики, «ума» — корзины для хранения ягод, седла с резными луками.

Отдельная экспедиция в Хакасию изучила кузнечное дело, ювелирное ремесло, резьбу по дереву, ткачество, тиснение по коже и бересте. Особое внимание ученых привлекла замечательная нарядная одежда этого народа — яркие платья из ситца, сатина, шелка с вышивкой и аппликацией, с яркими, насыщенными, контрастными цветами. Экспедиция НИИХП в Хакасскую автономную область выявила, что искусство вышивки, уходящее корнями в глубь веков, и сегодня активно живет в творчестве народных мастеров.

Все эти материалы участники экспедиции собрали, зарисовали, сфотографировали и описали, чтобы художники местных предприятий смогли и в дальнейшем использовать их в своей творческой работе. Попутно со сбором материала они обследовали постановку учебного дела в местных школах, где много делают для сохранения традиционных ремесел.

По материалам сотрудников НИИХП Н. Королевой, М. Максимова, В. Смолицкого, Т. Бодяевой

Страница коллекционера

Сибирская коллекция Петра I

Археологи во время раскопок находят самые разнообразные предметы: замечательные произведения искусств, изделия ремесла. Но бывает так, что они, эти предметы, появляются, как говорится, из-под земли, при самых различных обстоятельствах. Случайные находки были известны и раньше и время от времени возникают сейчас в разных местностях нашей страны.

Так, в начале XVIII века на территории Урала и Сибири кладоискателями были обнаружены различные золотые украшения, в основном — поясные бляхи-застежки. К сожалению, их было много переплавлено в простые золотые слитки, но затем, по указу Петра I, их должны были собирать, сдавать в первый, только что открывшийся музей в России — Кунсткамеру, что значит в переводе с немецкого языка «помещение для редкостей» (кунст — «редкость», камера — «помещение»); потом их поместили в Эрмитаж, и получили они название «Сибирская коллекция Петра». Перед нами самая первая археологическая коллекция в России.

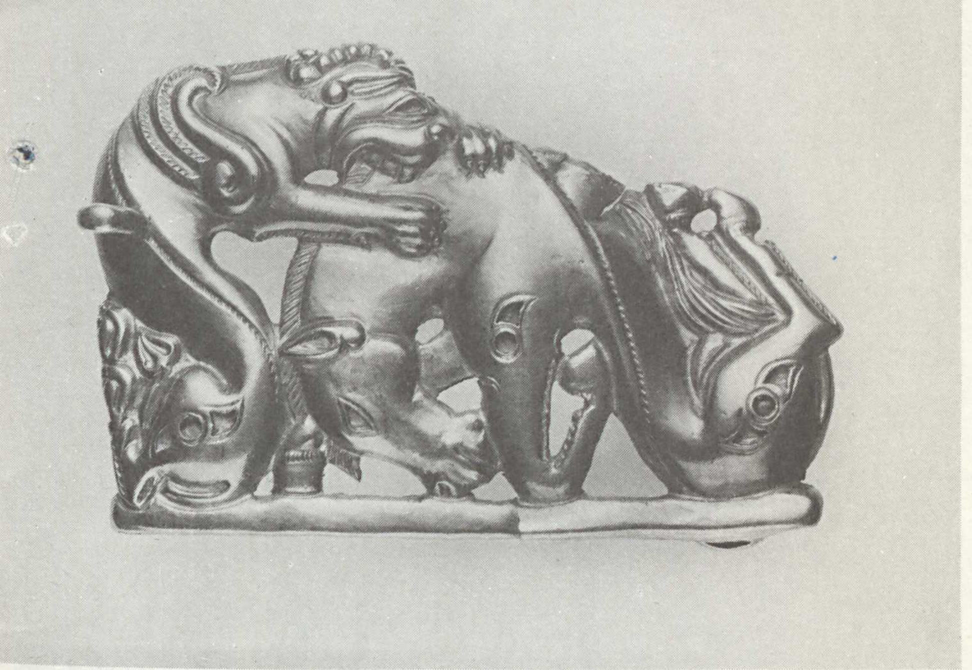
Большинство застежек-блях— литые, с дополнительной обработкой поверхности резцом. Все эти изделия поражают бесконечным разнообразием вещей и оригинальностью художественного решения. Сочетание декоративности и орнаментальности изображения с большой выразительностью и динамичностью свойственно всем вещам «Сибирской коллекции Петра I». Среди декоративных мотивов преобладают образы различных животных, в том числе изображение фантастического чудовища, крылатого львиного грифона, напавшего на лошадь. Острота сюжета, живость сцены, выразительность движений делают эту вещь особенно примечательной. Удивительно верно передан разъяренный хищник, энергичному движению которого противопоставлено безжизненное тело поверженного коня. Вместе с тем обращают на себя внимание условность поз животных и орнаментальная стилизация деталей: уши коня и грифона с завитком, хребет как бы выделен веревочным шнуром, плечи, бедра подчеркнуты фигурными ячеями. Все эти изобразительные приемы составляют своеобразие и оригинальность так называемого «сибирского звериного стиля». Одна из его художественных черт, которая отличает его от современного ему скифского искусства, заключается в большей декоративности этих вещей. Многие вещи этого стиля украшены инкрустацией, то есть вставками из цветных камней, бирюзы и других материалов. Особо большой интерес вызывает пара блях-застежек, на которых представлена следующая сцена: к дереву привязаны две лошади, сидят мужчина с женщиной, лежит юноша. Сцена из древнейшего сибирского сказания о воскрешении мертвого воина-героя. Золотые застежки примечательны и в художественном отношении. При всей статичности композиции, в целом живая, острая наблюдательность мастера проявилась в точной, детальной передаче местного типа людей, живших в IV—II веках до нашей эры.

Все эти, изготовленные из золота, исполненные в своеобразном стиле, многочисленные изображения животных, птиц, представленные часто в яростной схватке, ожесточенной борьбе между собой и каждого друг с другом, украшали одежду, пояса, оружие, конскую упряжь.

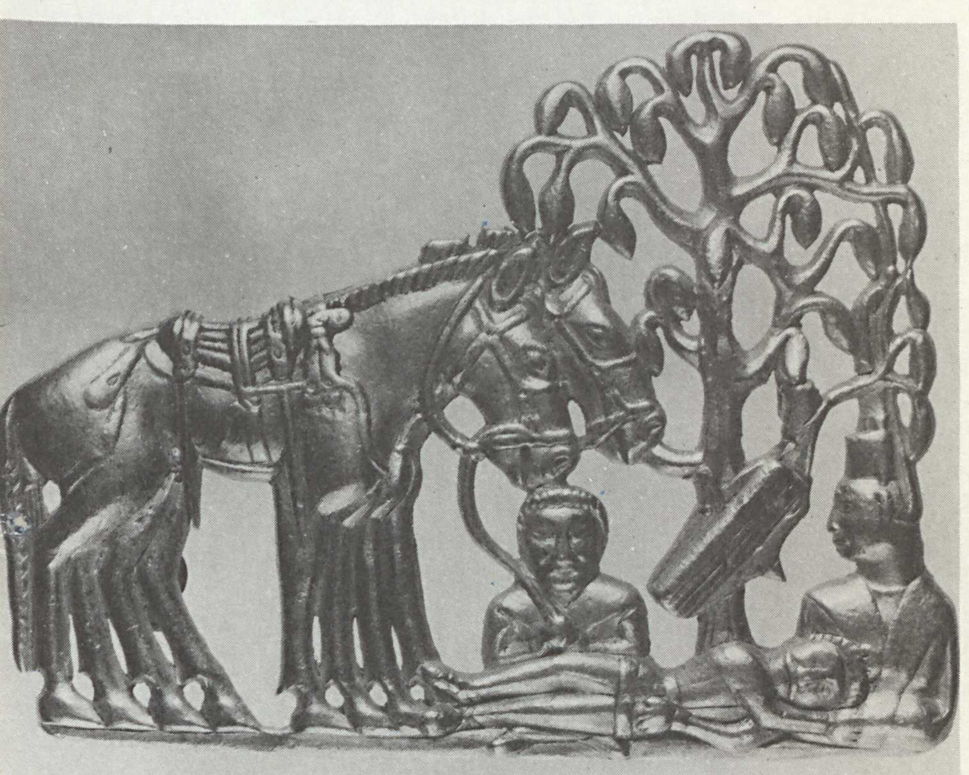
Но все же, однако, эти великолепные произведения искусства не были просто художественными украшениями оружия, сбруи или одежды. Это — космические, то есть небесные, мифические образы животных, птиц, фантастических существ, которые в изобразительном искусстве ранних кочевников Сибири олицетворяли три стихии мироздания: водный, земной и небесный мир—и в миропонимании создавших их талантливых мастеров-художников являлись могучими владыками Вселенной, которые, по представлениям людей того времени, могли влиять на то или иное событие в жизни человека и явления окружающей природы.

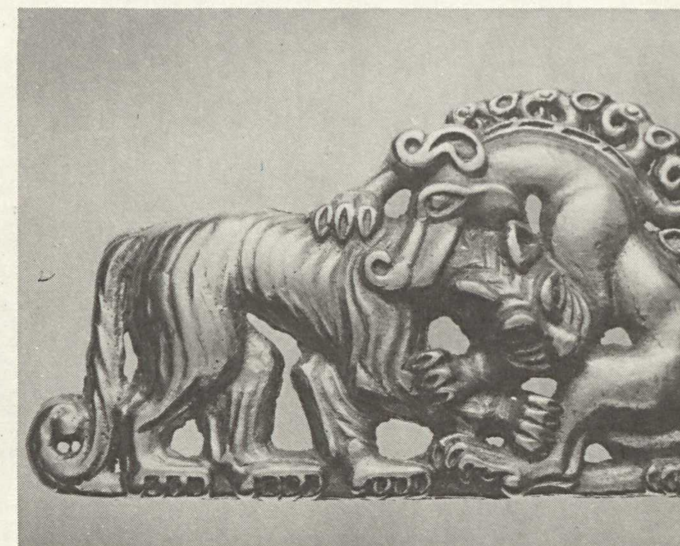
«Сибирская коллекция Петра I», наряду с хранящимися также в Эрмитаже памятниками скифского искусства, не имеет себе равных и вызывает большое внимание знатоков и любителей искусства.

Владимир Кривицкий

ISSN 0130—3031

На обложке:
А. Чумичёв
На трассе БАМа

Издательство
«Советский художник»
125319 Москва,
ул. Черняховского, 4а

Адрес редакции
журнала: 103009
Москва, К-9, ул. Горького, 9
Тел. 229-19-10, 229-68-45

*Сдано в набор 08.01.85.
Подписано в печать 07.02.85.
А07874
Формат 70×90/8
Бумага мелованная
Высокая печать
Бумажных листов 6
Условных печатных
листов 7,02
Учетно-издательских листов 10,198
Тираж 35 000. Заказ 2422
Цена 1 р. 30 коп.
Индекс 70240
Московская типография № 5
«Союзполиграфпрома» при
Государственном
комитете СССР
по делам издательств,
полиграфии и книжной
торговли.
129243 Москва,
Мало-Московская, 21.*

**журнал современной практики,
теории и истории
монументального и декоративного
искусства,
художественной промышленности
и народного творчества,
художественного проектирования
и дизайна**

**Ежемесячный журнал
Союза художников СССР. № 3(328). 1985
Основан в 1957 году**

В номере: